

Александр ПОНОМАРЕВ

БОЛДИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

ОТ РУИН К ВОЗРОЖДЕНИЮ

**Книга 3.
ОБУСТРОЙСТВО МОНАСТЫРЯ ПРИ СТАНОВЛЕНИИ
МОНАШЕСКОЙ ОБЩИНЫ
(1990 – 2000 гг.)**

«...Реставрация это – искусство,
И наука в ней – в плоти самой,
Но, а главное – все-таки чувство,
Чувство боли за пепел родной...»

Ю. Сорокер, 1983 г.

«Аще где в книге сей грубостию моею пропись или небрежением писано, молю вас: не зазрите моему окаянству, не кленити, но поправьте, писал бо не ангел божий, но человек грешен и зело исполнен неведения»

Формула древнерусских книжников

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей книга является продолжением моих повествований о возрождении Болдинского монастыря¹. Приступая к изложению материалов о периоде, который охватывает последнее десятилетие XX века, задумывался я об ожидаемых сложностях. Предстояло написать о трудах и хлопотах по воссозданию руинированных древних сооружений и о возведении новых построек на территории монастыря в условиях начала возрождения монашеской жизни в обители. Отдавая себе отчет в том, что в 1989 году, после моего письменного обращения в Смоленскую епархию Русской православной церкви Московского Патриархата, преосвященным Смоленским архиепископом Кириллом, ныне патриархом РПЦ, было принято единственно возможное для Болдина решение – возрождение монашеской общины, не представлял я своего дальнейшего активного участия в сохранении и восстановлении исторического наследия монастыря. Однако время раскрепощения общественного сознания в Отечестве вдохновляло на поиск новых возможностей реализации накопившихся замыслов.

При первой же встрече владыка Кирилл оптимистично сказал мне, что дело с восстановлением архитектурных памятников монастыря в новых условиях будет продвигаться

значительно быстрее, но, естественно, не уточнил, какими силами и ресурсами. Я тоже не совсем представлял, как смогу совмещать работу на энергетическом поприще в Московском НИИ с работой в Болдине.

Размышляя над изложением сохранившегося материала, я вспоминал отдельные непростые случаи взаимодействия с насельниками исторической территории, о которых, по моему мнению, тоже следовало рассказать, но не для обличения кого-то, а для выработки механизмов лучшего взаимопонимания. При работе над рукописью, выяснялось, что некоторые детали событий стерлись в памяти из-за срока давности, но читались в строках дневника, а трактовка других историй трансформировались в памяти с учетом улучшения взаимопонимания с насельниками. Перемены в жизни Отечества также, видимо, вносили свои коррективы в изложение отдельных ситуаций. Однако мои дневниковые записи и документы сохранили факты минувших событий, которые попытался изложить я без пристрастий.

Начиная сотрудничество с представителями Русской православной церкви в деле сохранения исторического наследия, я не представлял, насколько могут быть различными подходы к отдельным проблемам. Естественно, сказывались на взаимодействии и особенности психологии людей, живущих в ограде монастыря, и человека, временами приезжающего сюда, к месту, ставшему за четверть века чрезвычайно дорогим всеми своими болями и радостями.

Раздумывая над всей совокупностью проблем, пришел я к выводу, что имеющийся материал должен увидеть свет, так как может быть интересен новым поколениям насельников обители и жителям региона, а также специалистам различных профессий, озабоченных сохранением исторического наследия Отечества. Главной же своей задачей считал я необходимость поделиться опытом вхождения в желаемую гармоничную среду обитания с проникновением в многовековые пласты созидательной жизни предшествующих поколений.

А. Пономарев.

1. Книга 1. БОЛДИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ. ОТ РУИН К ВОЗРОЖДЕНИЮ. Облагораживание руин (1966–1976 гг.).

2. Книга 2. БОЛДИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ. ОТ РУИН К ВОЗРОЖДЕНИЮ. Восставшая из небытия (1977–1990 гг.).

3. Обустройство монастыря при становлении монашеской жизни (1990–2000 гг.) 1990 г.

1

Вторая книга повествований о возрождении Болдина монастыря завершилась описанием моего отъезда из Болдина после первой церковной службы на территории монастыря в день памяти преподобного Герасима Болдинского – 14 мая 1990 года. Этот день и стал днем начала новой жизни на территории обители. Конечно, за дни моего

нахождения в Болдине по отработанной практике мной были составлены программы работ на ближайшие 2-3 недели для сотрудников дорогобужского реставрационного участка ССНРМ и для новых работников, которые должны были подключиться к работам по возвращению кирпичному четверику конца XIX века церковного вида. Задерживаться в Болдине я не мог, так как уже были взяты билеты на самолет до Андижана для завершения плановых работ на энергетическом поприще.

На Смоленщину смог я выехать из Москвы поездом в ночь на субботу, 2-го июня. Вернувшись из командировки в Узбекистан, несколько дней побыл я в домашних условиях, рассказывая об успешно проведенных работах с аппаратурой, разработанной нашей группой в ЭНИНе, и об очень напряженной обстановке в союзной республике. В начале мая в Андижане вспыхнули волнения, вылившиеся в погромы и поджоги магазинов в центре города, поэтому очень неприятно было видеть разруху в обычно очень гостеприимном городе. Были сложности и с возвращением нашей группы из командировки. Билеты на самолет удалось нам достать только на вылет из аэропорта в городе Ош. Этот киргизский город расположен не очень далеко от узбекского города Андижана, но дорога была перекрыта возмущенными толпами людей, которые выступали с какими-то требованиями по вопросам земельных территорий в Ферганской долине, поэтому пробирались мы с трудом. В России у нас в этот период были только радужные надежды на грядущие преобразования.

Из-за приличной загруженности на работе в Москве для поездки в Болдино пришлось воспользоваться выходными днями, но свой выезд согласовал я по телефону с работниками ССНРМ в Смоленске и Дорогобуже. До Сафонова добрался хорошо, а в Сафонове в автобус пришлось втискиваться, народ выезжал на садово-огородные работы и вывозил детей на каникулы в сельскую местность.

Добравшись до территории монастыря, порадовался я видом проведенных работ на часовне, где были установлены неинвентарные леса и разобрана старая обветшавшая крыша. Бригада из Сафонова от игумена Антония поработала отлично.

Расположившись в доме приюта реставраторов на территории монастыря, пошел я поближе познакомиться с результатами работ. При встрече с тружениками узнал, что в бригаде трудилось от 4 до 6 человек. Разместилась бригада в «белом» доме, как называли мы двухквартирный домик, выстроенный совхозом на месте бывшей школы. В этом же доме обитал и прихожанин Сафоновского храма, молодой парнишка Толик, который по благословению о. Антония остался в Болдине после празднования дня преподобного Герасима. Толик в одиночку потруился на просфорне, разобрал бревенчатый прируб с западной стороны и крышу над кирпичной частью, очистил всю прилегающую территорию от мусора. Так что сохранившая часть постройки была подготовлена для перестройки под потребности зарождавшейся жизни на территории обителя. Это сооружение в 1920-е годы состояло из кирпичной коробки и почти аналогичного по размерам бревенчатого прируба с западной стороны. После войны сооружение было приспособлено под жилье для учителей местной школы, при этом прируб был сделан значительно меньших размеров. В «белом» доме был полный порядок, и все увиденное говорило о том, что в Сафонове уже постоянно думают и заботятся о Болдине.

Бригады Дорогобужского реставрационного участка в Болдине не было, не увидел я и результатов активной работы бригады на стене ограды монастыря, что планировалась на май. Решил поближе посмотреть, что сделано на часовне. Поднялся на леса и увидел,

что все подготовлено к началу реставрации кирпичной кладки завершения. Сохранившиеся фрагменты кирпичных кокошников расчищены от мусора разложившейся кладки. В кирпичную кладку внутренних стен четверика были вмонтированы потолочные балки, на которых можно было устроить временные настилы для удобства выполнения кладки декоративных элементов завершения. Интересный элемент кирпичной кладки открылся на внешней части восточной стены четверика. Это был чудом сохранившийся фрагмент наличника окна, который говорил о том, что это сооружение первоначально было без апсиды, т.е. строилось под часовню, поэтому и в монастыре оно не только из-за небольшого размера часто называлось часовней, а не церковью.

После осмотра занялся я садово-огородными работами у бывшего дома казначея монастыря, который служил с начала 1960-х годов приютом для реставраторов. С 1986 года я обихаживал территорию около старого монастырского дома и с каждым годом расширял посевную площадь. Даже в период подготовки к первой церковной службе вскопал несколько новых грядок с восточной стороны и посадил картошку. В этот проезд первым делом провел борьбу с сорняками и провозился часов до четырех. После трудов на земле с огромным удовольствием попарился в бане у Турченковых, в доме которых постоянно оставлял для сохранности рюкзачок с вещами при отъезде из Болдина, вечером топил печь в монастырском доме, так как почувствовал, что в пустом доме прохладно, а ночи до сих пор стояли очень холодные.

В воскресенье утром приехал архитектор Виктор Архипов, который в ССНРПМ выполнял рабочую документацию по ограде монастыря. На часовне бригада не работала, поэтому я смог спокойно позаниматься оградой монастыря, поработал с Виктором над обмером ворот ограды в восточной стене (Садовых) и в южной стене, которые появились в 1926 году при проведении реставрационных работ и получили название Водяных. Обмер ворот в восточной стене (Экономических) отложили мы до установки лесов. При осмотре восточной части стены Архипов сделал отличную фотографию места, где предстояло разобрать руины на месте палатки привратника, затем прикинули мы варианты выполнения ворот для проема в восточной стене ограды, оставленного при восстановлении этого участка стены в 1976 году для проезда техники на территорию монастыря. Так что в воскресный день удалось плодотворно поработать.

Утром в понедельник проводил я Архипова на рейсовый автобус, а сам остался в Болдине в надежде, что начнут вывозить мусор с территории монастыря. Действительно, около десяти часов появился трактор «Беларусь» с ковшем и ножом, но машин не было, возможно, из-за начавшегося дождя. Часов в 11 приехал на автобусе реставрационного участка В.А. Кабанов и сказал, что машины будут завтра, а трактор можно использовать для сбора мусора в кучи. Часов до двух трактор поработал, а в три часа на автобусе реставрационного участка я выехал из Болдина с бригадой, которая к работе так и не приступила из-за дождя. В дороге получился очень неприятный, но нужный разговор. Естественно, у меня назрело возмущение организацией работ бригады реставрационного участка, но поводом к началу разговора послужила жалоба от Варвары Деевны Воронец. Двери дома Варвары Деевны для меня всегда были открыты, она была из местных жителей ближе всех к работам на территории монастыря, некоторый период числилась даже сторожем реставрационного участка в Болдине. В ее доме находился телефонный аппарат бывшего совхозного отделения, что обеспечивало мне возможность связи с внешним миром. Варвара Деевна рассказала, что в мое отсутствие

кто-то заходил в ее дом. Правда, ничего не взяли, но неприятен был сам факт. Я поведал об этом случае рабочим, которые сразу стали валить все на мнимых туристов, что было мне уже знакомо. Признаваться в своих выходках у них не было принято. Расставание в поселке Верхнеднепровском было напряженным, мне очень хотелось, чтобы они задумались о своих выходках.

В Сафоново приехал я уже в шестом часу, но поезд на Москву, к моему счастью, задерживался минут на сорок, так что дома был поздно вечером в понедельник.

Через десять дней выкроил время для новой поездки в Болдино. Кроме раздумий о реставрационных работах, чувствовал я и ответственность за посаженное и посеянное в землю у дома на территории монастыря. Выехал из Москвы поездом в ночь на пятницу, 15 июня. Ехал с надеждой, что за минувшее время был вывезен мусор с территории монастыря, а на часовне выложены декоративные кокошники. Надежды мои, к сожалению, не оправдались, приехал к тому, от чего уехал. Узнал у местных жителей, что трактор «Беларусь» вышел из строя сразу после моего отъезда и все время простоял у дома В. Д. Воронец. Бригада, работавшая на часовне, тоже съехала вскоре после моего отъезда. Узнал я также, что о. Антоний был на выборах нового патриарха РПЦ (6 июня патриархом был избран Алексей II). Естественно, увиденное очень меня расстроило, позвонил я в Дорогобужский Райисполком В.Е. Цуренкову и попросил его что-то предпринять, в ответ он пообещал во второй половине дня приехать в Болдино.

Тружеников Дорогобужского участка застал я в приличном подпитии, отдыхающими в «белом» доме. Трезвым был только бригадир Игорь Николаевич, но он занимался своими делами. В ожидании Цуренкова занялся я наведением порядка на участке у дома, покосил бурьян, немножко поработал лопатой. Цуренков подъехал около трех часов дня с председателем Полибинского сельского Совета Лебедевой Галиной Федоровной. Выслушав все мои замечания, представители Советской администрации предложили в понедельник провести в Болдине совещание, на которое пригласить В.А. Кабанова и директора совхоза «Ставково» Василия Андреевича Ефременкова, на этом мы и расстались.

Рабочие Дорогобужского участка «гудели» до окончания рабочего дня, и, видимо, подпоили Толика, послушника из Сафонова. Об этом я узнал вечером, когда пришла жаловаться местная жительница Мария Казакова, ранее работавшая почтальоном в почтовом отделении «Болдино». Она сказала, что Толик ее обзывал нехорошими словами. Конечно, очень неприятно было слышать нарекания от местных жителей, но по ее разговору чувствовалось, что с ней происходит что-то неладное. От местных жителей я и раньше слышал, что у нее случались проблемы с головой, но за много лет мне этого видеть не доводилось. К ее чудачествам я относил только то, что она все лето в любую погоду ходила только босиком, а корреспонденцию приходилось носить в деревни Абрамово и Милоселье, что километрах в 3-4 от Болдина. Тут же она стала говорить, что соседка по деревне Варвара Вавиленкова, ранее работавшая в Болдинском магазине, опоила ее цейлонским чаем, а чай-то этот только для царей и для Горбачева. Тут я и понял, что плохо у нее с головой, доконала ее, видимо, современная неразбериха, раз поминает М.С. Горбачева.

В субботу, 16 июня, погода была хорошая, и с утра я занимался облагораживанием территории с восточной стороны дома. Сражался с сорняками и поливал благородные всходы, часа в четыре подошел Алексей Алексеев, он гостил в Болдине. В 1974 году по

моей рекомендации он был принят на работу в Московскую реставрационную мастерскую. Занимался он обмерами фрагментов и составлением документации в бригаде, работавшей в Болдине над разбором руин колокольни. Здесь он и повстречал свою суженную Любу Турченкову, которую увез в Москву. Участвовать в работах после 1976 года, при воссоздании колокольни, ему уже не довелось из-за неурядиц в Московской реставрационной мастерской, но в Болдине был родной дом супруги, поэтому здесь он частенько бывал. Пригласил Алексей меня попариться в баньке, чему я очень порадовался, так как основательно попотел на грядках. После баньки было застолье, отмечали день рождения Любы. Приятным общением с местными жителями в гостеприимном доме Турченковых завершился субботний день, была в этот день и обнадеживающая новость из Дорогобужа. Позвонив о. Николаю, я узнал, что на следующей неделе он подвезет в Болдино материал для пола и потолка часовни.

В воскресенье, 17 июня, занимался обмером фрагментов декоративного завершения часовни. Кстати, в разговорах и документах, возрождаемое сооружение я частенько стал называть не часовней, а церковью Прп. Герасима, так хотелось вернуть в монастырь память об основателе обители. Зафиксировал также следы шатрового завершения часовни, сохранившиеся на стропилах, которые были использованы в конструкции поздней крыши, что могло помочь точнее, определить высоту шатрового завершения церкви, так как предыдущий вариант я сделал по довоенной, не очень качественной фотографии. В материалах старой крыши удалось отыскать даже мауэрлат старого шатрового завершения. Закончил работы с поиском остатков шатрового завершения церкви, а потом подготовил списки недостающих элементов на кованных металлических решетках окон.

2

В понедельник в Болдине в 10 часов собралась комиссия. От Райисполкома был В.Е. Цуренков, от РК КПСС Т.А. Московченко. Главные исполнители решения, которое должна была принять комиссия, тоже прибыли вовремя – это начальник реставрационного участка В.А. Кабанов, директор совхоза В.А. Ефременков и председатель Сельского Совета Г.Ф. Лебедева. Для освещения в прессе этого важного Совещания приехал корреспондент районной газеты. Столь представительное Совещание было обусловлено тем, что в Болдине с 3 июля должен был приступить к работе студенческий реставрационный отряд, организации работ которых, особенно в период Перестройки, придавалось большое государственное звучание. В Болдине же только благодаря студенческим реставрационным отрядам Смоленского педагогического института успешно проводились работы с 1969 года. Оперативно обсудив проблемы, с которыми предстояло справиться до приезда отряда, было решено: организовать вывоз строительного мусора с территории монастыря, который не позволял продолжить разбор руин Троицкого собора и подготовить помещения «белого» дома к размещению отряда. Директора совхоза обязали очистить территорию у внешней части западной стены ограды монастыря от склада химических удобрений и металлолома поломанной сельскохозяйственной техники. Предложили также директору совхоза совместно с председателем Сельсовета решить вопрос о балансовой принадлежности «белого» дома, так как по допущенным ранее на-

рушениям здание, стоявшее на месте бывшей школы, числилось одновременно на двух балансах. На этом наше Совещание и завершилось.

После Совещания задерживаться в Болдине я не стал и с дорогобужанами на машине Райисполкома доехал до поселка и около трех часов был уже в Сафонове. Время до поезда на Москву было, и я решил подойти к игумену Антонию. Помещение, где проводились церковные службы, было недалеко от железнодорожного вокзала, нужно было только перейти через железнодорожные пути. К сожалению, о. Антония в доме не было, но на строящемся храме бригада работала. Поговорив со знакомыми мне тружениками, я узнал, что они последнее время занимались завершением работ на колокольне строящегося храма. Крест на колокольне они установили и наметили на следующий день выехать в Болдино. Я предупредил их, что к приезду студенческого отряда нужно освободить «белый» дом и объяснил, где можно будет им разместиться. В Москву выехал я на Калининградском поезде и около полуночи был на Белорусском вокзале.

К приезду студенческого реставрационного отряда я должен был быть в Болдине, поэтому в ночь на пятницу, 29 июня, выехал из Москвы. В последнее время для частых выездов на Смоленщину мне приходилось исхитряться на работе в Москве и частями использовать дни отпуска, а периоды выезда совмещать с выходными днями недели. Рейсовым автобусом от Сафонова добрался я до Болдина и часов в девять был в доме на территории монастыря. За время моего отсутствия территорию монастыря основательно очистили от холмов мусора, и в день моего приезда работали несколько самосвалов и экскаватор Дорогобужского Управления механизации. Строительный мусор вывозили на деревенскую дорогу, идущую от монастыря в западном направлении. До дома Щепетовых дорога была уже прилично подсыпана. Сафоновская бригада трудилась на часовне, при встрече ребята мне сказали, что недавно приезжал о. Антоний и устроил им разнос за медленную работу, пригрозил даже выгнать. Результаты работы бригады Дорогобужского реставрационного участка не радовали, видимо, не хватает каких-то рычагов воздействия на работников. «Белый» дом в порядок не был приведен, поэтому пришлось мне обзванивать по телефону местных руководителей. Освободившись к вечеру, покопался на грядках огорода у дома, рассадил ростки капусты, посеял укроп, петрушку. Погода стояла очень теплая, растительность понемногу отходила от холодных дней первой половины июня, начала распускаться листва и на подмерзших дубах. После трудов на земле с большим удовольствием искупался в пруду.

В субботу, 30 июня, с утра поднялся на часовню, бригада из четырех человек трудилась над декоративными кирпичными кокошниками завершения. Укрепление и компоновка кокошников на северной и западной стенах были выполнены очень прилично. Освоившись со спецификой выкладки кокошников по сохранившимся фрагментам, приступили они к выкладке кокошников, утраченных полностью, на южной стене. Договорился я с бригадой, что в воскресенье надо будет заняться установкой стропил шатрового завершения.

После трех часов дня решил сходить в лес, Варвара Деевна вызвалась показать мне земляничные и черничные места. Пошли в большой лес военного лесничества к югу от Болдина, прошли по лесным дорогам километров пять, но ягод не увидели, хотя в Болдине на пригорках Варвара Деевна уже собирала землянику. В поисках ягодных мест вышли к деревне Абрамово, что к юго-востоку от Болдина, но на ягодник так и не попали. Давно я не бывал в Абрамово, и вид деревни произвел на меня жуткое впечат-

ление, полное запустение, в Болдино возвращались короткой дорогой, которая раньше была даже проезжей. В этот раз при подходе к Болдину пришлось пробираться через заросли бурьяна, измотались жутко. Вернувшись в обитель, только после купания в пруду пришел я в себя. Немножко передохнув, решил пообщаться с И.Н. Ряшенцевым, который возглавлял бригаду Дорогобужского реставрационного участка, но, к сожалению, не справлялся с управлением бригадой. Свои способности и сообразительность он уже проявлял при работе над воссозданием колокольни, так что я относился к нему с уважением. Проникся он и интересом к реставрационным работам и даже решил поселиться в Болдине. Разговор с Игорем был у меня долгий, но, к сожалению, не конструктивный, всю вину за безобразное отношение бригады к работе он валил на начальника участка. Не добившись ничего вразумительного, к полуночи вернулся я в свой приют.

Утром в воскресенье, 1-го июля, встречал добровольных помощников-реставраторов из Москвы, о чем было договорено до моего отъезда. Приехали три женщины, которые содействовали работам в Болдине уже почти десять лет. Возглавила группу сотрудница ЭНИНа Валентина Щеголева, а с ней две соратницы, ставшие подругами по благородному делу – Наташа Кубышина и Лена Сариева. Смоленская глубинка им очень приглянулась и, несмотря на бытовое неустройство, они решили приехать проведать, как идут дела после первой церковной службы на территории монастыря. До Болдина они добрались без труда на рейсовом автобусе. Немножко передохнули с дороги и принялись за дела, пололи грядки и наводили порядок в юго-западной комнате дома приюта реставраторов, которая была отведена для приезжих. Я практически весь день был занят на часовне. Ребята отлично поработали во второй половине дня в субботу, частично выложили кокошники на южной стене часовни, чем показали, что смогут без надзора выложить все утраченные кокошники. В воскресенье с утра всей бригадой занялись труженики устройством несущих конструкций деревянного шатрового завершения. Сначала подняли и укрепили балки мауэрлата, черновик кроки с частичной фиксацией подлинных деталей которого у меня сохранился, а затем установили центральную стойку и, благодаря сохранившимся старым стропилам, нам удалось определить истинную высоту шатрового завершения, так что была выполнена очень важная работа. К вечеру, вернее, к 23 часам все восемь стропил шатра были установлены.

В понедельник, 2-го июля, с первым автобусом приехал в Болдино Юрий Шорин, ответственный боец двух предыдущих студенческих реставрационных отрядов, проживавший в поселке Верхнеднепровском. Его появление до заезда всего отряда было просто необходимо, так как требовалось подготовить помещения «белого» дома к приезду бойцов. Бригада о. Антония и послушник Толик перебрались в дом Рахмановых, что стоял поблизости от «белого» дома. Хозяин дома, Владимир Егорович Рахманов, местный житель, работавший некоторое время в бригаде Дорогобужского реставрационного участка, приютил бригаду. Сам он, вслед за семьей, перебрался на постоянное жительство в более обеспеченный населенный пункт Васино, поэтому и дом был свободен. Васино в восьми километрах от Болдина, и Рахманов появлялся в родном доме крайне редко. Расположившись в новом помещении, Сафоновская бригада продолжила работы на часовне. Материала для обрешетки шатра не было, поэтому ребята продолжили выкладку кокошников на южной и восточной стенах часовни. Дорогобужская бригада к серьезным работам не была готова, поэтому занялась ремонтом штакетника ограды у «белого» дома, который они ухитрились поломать по пьяному делу. Дееспособным из бригады

был только бригадир Ряшенцев, занявшийся подготовкой инструмента для работы студенческого отряда.

Во второй половине дня из Сафонова пришла машина с тесом, на которой приехала староста общины Нина Кузьминична Золотухина, она сказала, что очень хотел подъехать о. Антоний, но задержали его два отпевания покойников. Завезенный материал взбудрил труженников на часовне, и двое из бригады занялись ошкуриванием теса. Часов в пять прибыл автобус из Смоленска со студенческим отрядом. В отряде приятно было видеть знакомые лица. Большинство ребят не первый раз удостоились права поработать в Болдине, как сказал командир отряда Николай Николаевич Колпачков, отбор бойцов был строгий, на два свободных места было двадцать кандидатов. Сам Николай, уже закончивший институт, для выезда в Болдино использовал свой отпуск, работая преподавателем в школе. С обустройством жилья отряда возникла накладка, оказалось, что не были завезены матрасы, поэтому пришлось срочно этим заниматься, и очередной раз оперативно решили проблему в Дорогобужском Райисполкоме, так что спальными местами весь отряд был обеспечен.

Вообще первый день недели заставил меня поволноваться, с утра ошарашил экскаваторщик из механизированной бригады, вывозившей мусор. Проходя по территории монастыря, увидел я, что он роет яму рядом с северной абсидой Троицкого собора и уже вывернул несколько фрагментов надгробий и валунов, пришлось срочно прекратить это безобразие. Он стал объяснять, что решил вырыть яму, чтобы лишний раз не перемещать большой экскаватор, а потом в яму сдвинуть мусор бульдозером. Ему было неизвестно, что он нарушает культурный слой, поэтому пришлось запретить рыть ямы на территории монастыря, а грузить ковшом экскаватора только собранный в кучи мусор.

На часовне бригада работала до позднего вечера, и смогли сделать обрешетку шатра на гранях, примыкавших к юго-западному углу, так как очень хотелось, чтобы они при мне освоили выполнение сочленение конструкции кровли кокошников с плоскостями граней шатра. Я сделал новый чертежик завершения часовни с уточнением размеров и чертеж главки для определения фронта работ бригады. Хорошо потрудились и женщины около бывшего казначейского дома, сделали две грядки под цветы и перенесли на них с клумбы рассаду календулы и подсолнухов. Календула уже зацветала, и оранжевые огоньки радовали глаз. Успели девочки пройтись по опушкам около монастыря и собрали около литра земляники, так что вечером пили мы чай с душистыми вкусными ягодами.

Во вторник, 3-го июля, наметил я отъезд из Болдина. Не хватало отгульных дней, да и московские дела ждали, с утра занимался с бригадой на часовне устройством деревянной конструкции перехода с кривизны угловых кокошников на наклонные плоскости граней шатра, погода хмурилась, но дождик покапал только слегка, так что работе не помешал. Студенческий отряд занялся подготовкой фронта работ по стене ограды монастыря на участке от Святых ворот до северо-западной башни, где предстояло заниматься докомпановкой выветрившихся старых кирпичей кладки. Часть отряда наводила порядок у «белого» дома. В этом году по программе обмена с молодежными интеротрядами ожидался приезд в Болдино иностранных гостей, так что нужно было подготовиться к их встрече. Еще одна группа студенческого отряда во главе с Геннадием Альбертовичем Новиковым встала на разборку завалов Троицкого собора. Геннадий в 1984 году впервые приехал в Болдино в составе студенческого отряда и проникся глубоким интересом

к истории монастыря, поэтому ему вполне можно было доверить этот важный участок работы. Таким образом, студенческий отряд с началом первого рабочего дня активно включился в выполнение намеченной программы.

Около двух часов дня опалубка на кокошниках юго-западного угла крыши часовни была завершена, образец для дальнейшей работы был выполнен, и я спокойно мог на время покинуть Болдино. В доме на территории монастыря оставались немного похозяйничать девочки из Москвы. На мое счастье в Болдино подъехала на легковой машине из Сафонова классная руководительница школьной бригады, ученики которой в конце июня потрудились в Болдине, отбирая кирпичи и крупный щебень при вывозе строительного мусора с территории монастыря. Она с комфортом довезла меня до Сафонова. Успел я забежать в книжный магазин, где приобрел очень нужную мне книгу Федотова «Святые древней Руси» и Калининградским поездом выехал в столицу. Всю дорогу до Москвы проспал на верхней полке.

Через десять дней опять выехал в Болдино. Билет взял на Смоленский поезд № 605 в ночь на субботу, 14 июля. Отправление поезда задерживалось, что меня волновало, так как мог не успеть на утренний автобус до Васина. Так оно и получилось, в Сафонове был часа на два позже, чем по расписанию. На автобусе в 8:30 пришлось ехать только до поселка Верхнеднепровского. Пешком добрался я до ЗАУ и направился в сторону Полибина, прошагать довелось немного, нагнал попутный мотоцикл с коляской, и на территории монастыря был в одиннадцатом часу.

Все бойцы студенческого отряда работали на руинах собора. Работа по докомпановке отдельных кирпичей на стене ограды, видимо, была им не по душе, да и результаты работы не столь внушительны. На руинах собора объемы выполненной работы были видны, были разобраны завалы у центральной части западной стены собора. Портал главного входа в собор был разрушен полностью. При входе в собор обнаружили большой надгробный памятник из черного гранита, а рядом с памятником деталь из черного мрамора, по форме похожая на урну, как на завершении, памятника над захоронением семьи Вистицких, известного мне по фотографии П. Д. Барановского 1920-х годов. Естественно, такие находки отлично стимулировали работу отряда на руинах.

Здорово поработала и бригада на часовне. Была выполнена почти полная обрешетка шатра, установлен деревянный восьмигранный барабан, заверченный 8 журавцами главки. Все сооружение стало смотреться вполне гармонично. На апсиде был выложен один утраченный карнизный ряд, так что из кладки осталось выложить только кокошники на восточной стене, которая использовалась для подачи материалов.

На территории монастыря продолжались также работы по вывозу мусора. Хорошо была очищена территория с западной стороны трапезной палаты, и была начата работа у заросшего травой холма мусора с южной стороны трапезной. Осмотрев все радующие перемены в монастыре, сходил я на горку, что к северо-востоку от монастыря, чтобы взглянуть на возрождаемые архитектурные формы небольшой церковки и пособрать земляничку, душистый аромат которой придавал особый вкус чаю. Днем на солнце припекало и тянуло искупаться, а вечером было прохладно, так что купаться я не стал.

В воскресенье утром прошел дождь, день был нерабочий. Бригада о. Антония уехала накануне на вечернем автобусе, а студенты отсыпались. Так что было у меня время для размышлений о планах работ на перспективу и для выкашивания травы около дома.

Солнечной прохладной погодой одарило утро понедельника. Вообще лето выдалось холодное, на грядках росла только трава и картошка. В середине дня пришла грузовая машина из Сафонова. С машиной приехал о. Антоний и молодой человек, назвавшийся Андреем, из беседы я понял, что он кровельщик. На машине привезли оцинкованное железо и несколько листов меди. Игумен Антоний быстро уехал в Дорогобуж к о. Николаю решать вопросы с утеплителем для потолка и столяркой на окна, пообещав приехать завтра с о. Аркадием, который, по его словам, очень хотел поселиться в Болдине.

Поселив молодого кровельщика в северо-восточной комнате на территории монастыря, пошел я в лес к Ульяновой даче, где не раз доводилось лакомиться земляникой, и вернулся в Болдино часам к девяти. На территории монастыря паслись несколько коров местных жителей, которые забрели и на огород у дома, съели подсолнухи и кукурузу. В доме меня встретила компания кровельщиков, следом за Андреем подъехали два пожилых товарища. Они, видимо, отметили приезд и бурно обсуждали какие-то проблемы. Один из приехавших мужичков оказался норовистый и с гонором стал выяснять, кто я такой и что здесь делаю, успокоилась вся компания, правда, довольно быстро. Так завершился первый день новой недели.

Во вторник, 17 июля, утром приехала в Болдино большая группа подключившихся к возрождению православной жизни в монастыре. Инициаторами такого массового заезда были также приехавшие игумены Антоний и Аркадий. Три молодых монаха были из Калининграда, как мне пояснили, один из них – Иоанн (Чернецов) считался первым кандидатом на переселение в Болдино. В компании был Алексей Иванович Гурзов, участвовавший в подготовке первой церковной службы в Болдине, и четыре дивчины с парнем из Ленинграда, решившие несколько деньков пожить в Болдине.

Владыка Кирилл во время своего первого приезда в Болдино отобедал со студентами в бывшей монастырской просфорне, которая многие годы использовалась в период проведения реставрационных работ для летней столовой. Естественно, студенты поведали ему, что в этом же помещении размещалась монастырская трапезная для небольшой братии в 1920-е годы. При нашей встрече владыка первым делом попросил передать епархии это помещение. В мае, при начале работ на часовне, начались заботы и о будущей трапезной. Была разобрана небольшая деревянная пристройка к основному кирпичному сооружению. Первоначально было задумано восстановить деревянный прируб, как это следовало из фотографии 1920-х годов. Однако возникли сложности с лесом и плотниками, поэтому решили выполнить пристройку из кирпича, что было возможно, так как просфорня не числилась историко-архитектурным памятником. Алексей Иванович, увидев трактор «Беларусь» с ковшем на территории монастыря, побежал к трактористу договариваться о рытье котлована под фундамент кирпичной пристройки к просфорне. Договоренность была достигнута, поэтому пришлось оперативно сделать разметку для будущего ленточного фундамента под пристройку к просфорне, так как я должен был уехать в Москву.

Из Болдина выехал я на вечернем рейсовом автобусе с игуменами Антонием и Аркадием. С нами выехали и Калининградские монахи. В пути довелось пообщаться с о. Аркадием. Он сказал, что владыка заочно (при телефонном разговоре) благословил его на поселение в Болдине монастыре. Так что он готов, числа с 10 августа, после освобождения студентами «белого» дома, переселиться в Болдино. Игумен Аркадий просил помочь ему с организацией передачи «белого» дома во владение Смоленской епархии

и с его пропиской. С монашеской братией распрощался я в Сафоново, они вышли из автобуса в микрорайоне, а я доехал на автобусе до вокзала с болдинским попутчиком Василием Щепетовым. Билеты на Москву удалось нам взять на ночной поезд в общем вагоне. Хорошо, что были свободные верхние полки и удалось поспать. Дома я был в седьмом часу, так что попал к началу рабочего дня в ЭНИН.

Новый выезд на Смоленщину планировал я дней через десять, для активирования выполненных за месяц работ. Созвонившись с руководством Смоленской реставрационной мастерской, договорились собрать комиссию в четверг, 26 июля. Прodelав привычный маршрут от Москвы до Болдина, в 8:30 я был на территории монастыря. Студенты работали в основном на разборке руин собора. Я попросил командира отряда выделить одного молодого бойца, чтобы он помог послушнику Толику, который в одиночестве начал разбирать поздний бетонный, не очень крепкий пол в часовне.

Часам к 12 подъехали смоляне, Лариса Васильевна от ССНРПМ и Наташа Анисимова от Управления культуры Смоленского Облисполкома. До Болдина добрались они вместе с представительницей ДУМа на автобусе этой организации. Кабанов В.А. пообещал подъехать позже. Главной задачей комиссии было проверить объемы работ по вывозу строительного мусора с территории монастыря. Акт был составлен на сумму около 20 тысяч рублей. Объем работ, по сравнению с первоначальной сметой, был превышен процентов на десять, но была увеличена стоимость работы с поправкой на категорию грунта и дополнительно была учтена работа бульдозера. Я решил разобраться с материалом и не стал подписывать привезенный акт. Договорились отложить материал на денек, до встречи с мастером, который руководил работами. Кабанов В.А. приехал только в пятом часу. По вывозу мусора он прояснить нам ничего не смог, но главное, не привез акты на работы студенческого отряда и бригады Дорогобужского участка. Пришлось оперативно подготовить акты, и в пять часов отправить смолян из Болдина в кабине грузовой машины, чтобы успели они на автобус до Смоленска. Я не мог понять, что происходит с Кабановым, так как не ожидал от него такой безответственности, и почти часовой разговор с ним ничего мне не прояснил.

К вечеру подошла машина из Сафонова, привезли крест, сваренный из уголков, и железо для работы на церкви. С машиной приехали игумен Антоний и инок Иоанн. Я решил запечатлеть этот момент, чтобы сохранилась память о заинтересованном и ответственном отношении к делу представителей Смоленской епархии. За небольшой период моего отсутствия внешние стены церкви были побелены, оцинкованным железом были покрыты почти все кокошники и часть шатра. Было выполнено и покрытие восьмигранного барабана, правда, оно выглядело не столь строгим, как виделось мне. Игумен Антоний с иноком Иоанном остались ночевать в доме на территории монастыря. Они привезли два эмалированных ведра и четыре отличных бокала. Захватили они провизию и бутылочку портвейна, так что выпили за процветание Болдина монастыря и поговорили о первоочередных проблемах. Металлический крест решили мы покрасить серебрянкой, благо, была в запасе баночка этой краски.

На следующий день о. Антоний с Иоанном пошли к первому рейсовому автобусу, чтобы уехать в Сафоново, но автобуса не было, и они вернулись. Так что застали установку и покраску креста на восстающей из небытия церковке. Эту ответственную работу выполнил Николай, трудившийся на церкви в одиночестве, без бригады. Часов в двенадцать приехала хлопотливая женщина из ДУМа, как оказалось, мастер. Она привезла

оперативно подготовленные акты, новые сметы и новый договор. Все материалы я подписал. Ее приезд был очень кстати, так как на ее транспорте смогли выехать из Болдина и о. Антоний с Иоанном. В этот же день подъехала на машине Нина Кузьминична, она обеспечила доставку утеплителя (стекловолокна), так что теперь можно было загрузить утеплитель на чердак храма и завершать кровлю. Правда, для доступа под шатер я предложил при выкладке кокошников на восточной стене оставить лаз в центральной части большого кокошника, получилось, по-моему, очень неплохо. К вечеру Николай изготовил из дощечек и установил на место шаблон подкрестного шара, а также закрепил журавцы главки. Завершение церкви стало прекрасно читаться.

Часов в пять решил я прогуляться в лес к Ульяновой даче. При подходе к опушке леса встретил легковую машину Турченковых, они семьей ездили по грибы и набрали много лисичек и белых. Семен Родионович поведал мне на ходу и новость, которая позволила мне поразмышлять о странном поведении В.А. Кабанова. Как оказалось, Владимир Анатольевич на днях повздорил с директором совхоза и якобы избил его, а тот обзавелся справками в поликлинике и подал в суд. Так что Кабанова ожидали неприятные хлопоты. В лесу я пробыл недолго, так как начинала портиться погода.

Действительно, утром в субботу, 28 июля, было пасмурно, но работе это не мешало. Студенческий отряд работал на руинах Троицкого собора. Продолжили также разборку бетонной стяжки и засыпки в абсиде церкви. Вчера в первой половине дня в полу северной части абсиды вскрыли подлинный кирпичный столбик деревянного пола, а в южной части абсиды вскрыли бетонную ванну, заполненную гнилой жижей. Все помещение наполнилось жуткой вонью, поэтому во второй половине дня там не работали. Вскрытые столбик и ванна убедили нас, что бетонная стяжка была выполнена в период приспособления церковного помещения под молокозавод, а в церковную бытность пол был деревянный. Так что требовалось на всей площади помещения снять бетонную стяжку и удалить засыпку. Выкроив время, названивал я по телефону от В.Д. Воронеж в Дорогобуж. Удалось связаться с Н.А. Дементьевым, к которому обратился я с очередными просьбами. Просил его содействия в передаче «белого» дома Смоленской епархии, что необходимо для поселения и прописки появившихся кандидатов в монашескую общину. Николай Алексеевич обещал помочь, но тут же сообщил о предстоящем судебном разбирательстве с В.А. Кабановым по иску Ефременкова. Услышанное мной от С.Р. Турченкова подтвердилось, и я очень неловко себя почувствовал, так как только благодаря Дементьеву удалось вернуть В.А. Кабанова в родные края из сибирских далей. Сожалел я о том, что приключилось с Кабановым, но поиск возможностей вдохнуть жизнь в пустующую местность необходимо было продолжать, и Николай Алексеевич относился к этому с пониманием. Попытался я в субботу и немного поковыряться на грядках. Очень плохо в этом году было с огурцами, зародышей много, но они не растут, холодно.

В воскресенье студенческий отряд отдыхал. На церкви потихонечку трудился один Николай. С утра я снова потрудился на грядках, а потом решил прогуляться по горочке, что к С-В (северо-востоку) от монастыря, грибов не было, пособирал намного малину, подходя к монастырю, увидел у Святых врат легковую машину. Приехали игумены Антоний и Аркадий с молодыми монахами, привезли четыре колокола, самый большой тянул килограммов на пятьдесят. На колокольне в С-В грани, обращенной к Святым вратам, смонтировали из брусьев конструкцию и закрепили на ней колокола. Около пяти часов, как по расписанию к вечерней церковной службе, **завзвучал над Болдиным колоколь-**

ный звон! Каждому из присутствующих хотелось попробовать извлечь Божественный звук из небольшого бронзового набора, но всех превзошел молодой монах Иоанн, который несколько раз, по единодушному желанию слушателей, повторил праздничный перезвон. Игумены и монахи задерживаться в Болдине не стали, пообещав приехать на следующий день, но территория монастыря не опустела. Местные жители, услышав перезвон колоколов, собрались у Святых врат и долго обсуждали неведомое для них праздничное событие.

На вечернюю прогулку в лес я не пошел, а занялся подготовкой к намеченному на понедельник отъезду в Москву. На грядках неплохо уродилась картошка и чеснок, что я решил в качестве даров природы захватить для дома. Ужинал в доме на территории монастыря при свечах, так как при кратковременном дожде нарушилась электропроводка на столбе у дома.

В понедельник, 30 июля, встал в шесть часов, чтобы подготовить все к отъезду. С первым рейсовым автобусом приехали из Сафоново активные прихожанки храма, всем, похоже, было уже лет за шестьдесят, но они и были главной рабочей силой на всех вспомогательных работах. Им было поручено подготовить щебенку для заливки ленточного фундамента под пристройку к просфорне. Грузовая машина для подвоза щебенки задерживалась в Сафоново, поэтому часов до одиннадцати они занимались очисткой от строительного мусора территории у церкви. С приездом машины они лихо принялись за порученную работу, специфику которой, видимо, им не объяснили. Машину у места раскопок руин собора они начали загружать не щебенкой, а целым большемерным кирпичом. Увидев это, я, конечно, остановил погрузку и объяснил, что можно брать для нового фундамента. Поразительно, но они безропотно выгрузили целые кирпичи и больше накладок в их работе не было. Часам к двенадцати подъехали игумены Антоний и Аркадий с тремя монахами. Привезли еще один колокол.

Игумен Антоний очень заинтересовался работами по очистке алтаря в церкви, сам стал очищать центральную часть площади от мусора и очень обрадовался, когда увидел кирпичное основание престола. Мне тоже было очень интересно увидеть эту находку и узнать, что престол имеет в основании форму квадрата со сторонами около одного метра и закладывается на грунт, чтобы при ремонте полов его не тревожить. Для очистки от цемента и засыпки всей площади церкви предстояло убрать около 30 м³ мусора. Решили, что эту работу лучше поручить бойцам студенческого отряда, и о. Антоний даже выделил командиру отряда денежку, рублей семьдесят. Я попросил заняться этим Гену Новикова с его молодым помощником Ромой, так как знал, что они очень ответственно относятся к работе и готовы мне позвонить в Москву, если вскроются какие-либо кирпичные следы более древней кладки. Конечно, было очень интересно увидеть на этом почитаемом месте остатки долее древнего сооружения.

До отъезда из Болдина удалось мне поговорить с игуменом Аркадием о перспективах монашеской жизни в монастыре. Он сказал, что владыка Кирилл благословил соби- рание братии и монах Иоанн уже выписался из Калининграда и его нужно прописывать в Болдине, а для этого необходимо оформить передачу «белого дома». После отъезда студенческого отряда он сможет поселиться в этом доме, а пока игумен Аркадий просил выделить для Иоанна Ю-3 комнату в доме казначея на территории монастыря. Игумен Аркадий поведал мне, что в городе Вязьме живет старая жена псаломщика, которая помнит псалмы преподобному Герасиму. Приятно было узнать эти новости и ощутить на-

жду, что это место постепенно будет наполняться историческими и художественными ценностями.

Попрощался я с игуменом Аркадием до 10 августа, а игумену Антонию пожелал хорошего паломничества на Афон, куда он на днях должен был отправиться. В пятом часу на машине «Жигули–пикап» игумена Аркадия выехал я из Болдина. За рулем был молодой парнишка из Калининграда. В Сафоново поехали за вещами и молодые монахи Иоанн и Антоний, которые собирались пожить в Болдине. Молодой Антоний учился в Калининградском Университете и до его окончания переезжать в Болдино не планировал. На Калининградский поезд я опоздал и до Москвы добирался с пересадками на электричках. На Белорусском вокзале был в 0:45, так что до дома добрался на метро.

3

Студенческий отряд должен был поработать в Болдине до 10 августа, поэтому я заранее наметил дату своего нового выезда на Смоленщину. Работы в Болдине стали проводиться значительно интенсивнее, поэтому отпускных дней для дальних путешествий с супругой у меня практически не осталось. Вот и решила Ольга съездить со мной в Болдино, а чтобы не скучать в периоды моей занятости, пригласила в поездку подругу Людмилу с дочкой Полиной. Выехали мы все вместе в ночь на пятницу, 10 августа, заняв в вагоне поезда целое купе. В Болдине были около девяти часов, территория монастыря встретила нас тишиной. Замок на входной двери бывшего казначейского дома был обвернут тряпочкой. Такой прием местных жителей мне был знаком, поэтому пошел я за ключом к Варваре Деевне. Попав в дом, поразился я прибранностью комнат. Чувствовалось, что за прошедший период помещение активно использовалось, и здесь собирался народ, так как появился большой раскладной стол. Неузнаваемо изменилась угловая Ю-З комната, в ней появился уголок с иконами и лампадкой, что говорило о том, что инок Иоанн расположился здесь уже основательно. К сожалению, пришлось на время вторгнуться в его келью, так как уже много лет эта комната использовалась для размещения гостей, и в ней на время поселились Людмила с Полиной. День нашего приезда был очень теплым, и путешественницы с удовольствием купались в пруду. Я весь день был в хлопотах и общении. Сначала пришлось заниматься составлением процентовки на объемы работ студенческого отряда, от которого в Болдине оставалось четыре человека во главе с командиром. Появился и В.А. Кабанов, который должен был подготовить все документы, но работу не выполнил, и спросить с него я не мог, так как он числился уже на другой работе, заместителем председателя Исполкома Совета поселка Верхнеднепровский.

Студенты живо рассказывали мне о визите в Болдино четы учителей из США. Ребята приютили их в большой комнате восточной части «белого дома» у печки, которую украсили рисунком колокольни. Поработали американцы на разборке руин Троицкого собора, сфотографировались на память на фоне возрождаемой церквушки. В Болдине им очень понравилось, и на следующий год обещали они приехать со своими учениками.

В середине дня приехала в Болдино делегация из Смоленска. От Управления культуры Смолблсполкома были Шемеров и Анисимова Н., а от Смоленского областного отделения ВООПИиК – председатель, Д.И. Будаев, и ответственный секретарь, А. Трофимов.

Представители Управления культуры занимались проверкой объемов работ по вывозу строительного мусора с территории монастыря. Историки, возглавлявшие общественную организацию, проявили интерес к памятникам на месте захоронения семьи Вистицких. Естественно, комиссию поразили темпы работ по церкви, возрождение которой производилось без участия Управления культуры и ВООПИиК Смоленской области. Перед отъездом комиссии мне пришлось долго убеждать Шемерова, что Управление культуры должно налаживать тесное взаимодействие со Смоленской епархией по задачам сохранения исторического наследия в Болдине. Освободившись к вечеру от суетливых хлопот, со всей московской компанией наводил я порядок на грядках. Полили огород, а то появившиеся огурчики без полива были горькие.

Добрался до Болдина в пятницу еще и паломник, которому очень хотелось поставить свечечку преподобному Герасиму. К сожалению, такой возможности пока не было, церквушка, правда, была уже без лесов, вся беленькая и с крестом, но внутри стены не были оштукатурены, на оконных проемах не было решеток и рам. Появление паломника говорило о том, что в народе распространяется Благая весть о начале возрождения в Болдине монастыре церковной жизни.

В субботу, 11 августа, утром пришел автобус из Смоленска за бойцами студенческого отряда, которым пришлось сворачивать и все хозяйственное имущество, так как в доме на зимний период должны были поселиться монахи. Расставаясь с бойцами отряда, пожелал я им хорошо отдохнуть до начала учебного сезона и выразил надежду увидеть всех в следующем году, так как чувствовалось по их отношению к работе, что история Болдина монастыря стала им интересна и дорога.

Не успел отъехать автобус с бойцами отряда, в Болдино нагрянула бригада строителей, нанятых о. Антонием для сооружения кирпичной пристройки к просфорне. Бригада в количестве 9 человек приехала на своем автобусе. Бригадир по имени Виктор сказал, что о. Антоний объяснил ему, что нужно делать и вопросов у него нет, а в бригаде все опытные строители.

Часов в 12 я с московской командой пошел прогуляться в лес, решили поднабрать лесной малины. Малины было не богато, с трудом каждый насобирал по литру ягод, и в лесу долго задерживаться мы не стали.

Бригада строителей работала до семи часов, и сделано было много. Правда, пока я ходил за малиной, они забыли сделать продухи и заложить пилястру на северной стене пристройки, а по всей остальной работе замечаний у меня не было. Поговорив с бригадиром, я понял, что их ошибки – результат безоговорочного послушания заказчику, так что мне предстояло искать взаимопонимания со служителями церкви, от которых исходил заказ.

В воскресенье работы в Болдине не велись, для москвичей я устроил обзорную экскурсию по местным достопримечательностям вне стен монастыря. Сходили мы к месту первого поселения Герасима в Болдине, на горку к С-З от монастыря, а затем прошли по возвышенной части до места к С-В от монастыря, откуда полюбовались замечательным видом на монастырь и окрестности.

Вечером в воскресенье приехал инок Иоанн очень серьезный и озабоченный тем, что владыка Кирилл не позволил игумену Аркадию пока поселиться в Болдине, и игумен, расстроенный, уехал в Калининград. Иоанну я предложил обосновываться в «белом доме», так как председатель с/с меня оповестила, что решен вопрос с передачей дома

Сафоновскому благочинию бесплатно, для чего просила написать официальное обращение. Инок Иоанн расположился в небольшой комнате в восточной части дома и можно было порадоваться, что у «белого» дома наконец-то появился **ХОЗЯИН**. Помогли мы Иоанну навести порядок во всей восточной половине дома, в маленькой комнате над своей кроватью он сделал уголок с иконами. Кстати, «белый» дом четверть века полноценно использовался монастырем при становлении жизни на территории обители, сохраняется дом и в настоящее время.

Весь день в понедельник все занимались благоустройством на территории монастыря. Я с московской командой наводил порядок у дома приюта реставраторов. Инок Иоанн трудился в колокольне, покрасил деревянный пол в первом ярусе. Рассказал он, что в период моего отсутствия в первом ярусе колокольни размещали они людей на ночлег, так как приезжало много паломников из Калининграда, всем очень хотелось посмотреть место, приглянувшееся игумену Аркадию. В первый день недели о. Николай доставил на машине столярку на внешние части проемов окон и двери церкви. Вечером по завершении работ инок Иоанн порадовал нас колокольным перезвоном.

С утра во вторник, 14 августа, в день намеченного отъезда в Москву, задождило, но к середине дня прояснилось, и мы смогли добраться из Болдино до поселка Верхнеднепровского в открытом кузове грузовой машины реставрационного участка. Инок Иоанн остался в Болдине в одиночестве, в минувшие дни столовался он с нами, поэтому не беспокоили его бытовые проблемы, которыми предстояло заниматься в грядущей монастырской жизни. Я пожелал ему всего самого доброго и в одиночестве, а он ответил, что он не один, а с Богом!

Благополучно доехав до Сафонова, успели мы на Калининградский поезд до столицы и около 23 часов были на Белорусском вокзале.

Следующий мой выезд в Болдино был заранее согласован со Смоленском, так как в ССНРПМ продолжал работать над документацией архитектор Виктор Архипов. Утром в пятницу, 24 августа, встретился я с Архиповым в Сафонове и привычным маршрутом, на рейсовом автобусе, вместе добрались мы до Болдина. В период моего отъезда дом на территории монастыря практически не пустовал. Почти неделю здесь обитали хорошие друзья-коллеги по работе моей супруги – Светлана Галушкина и Владимир Басманов. Светлана давно была наслышана о Болдине и даже направила на реставрационную стезю своего соседа по лестничной площадке в московском доме – Алексея Алексеева, который в 1974–1976 годах трудился в Болдине. Соседкой Светланы Галушкиной в Москве стала старшая дочь из семьи Турченковых, которая вышла замуж за Алексея. В обитаемом доме на территории монастыря мы с Виктором Архиповым были накормлены завтраком и смогли сразу заняться делом. Удалось нам сделать необходимые обмеры для восстановления порушенной Ю-В башни ограда и обсудить чертежи по садовым воротам.

Будучи в Москве, вдохновленный первым колокольным звоном в Болдинском монастыре в минувшей выезд, написал я небольшую статью, чтобы оповестить Смоленщину через местную периодическую печать об этом важном событии. Дал почитать материал иноку Иоанну и Виктору Архипову и получил одобрение.

В середине дня приехал в Болдино игумен Антоний с двумя кандидатами на поселение в обители, что очень порадовало инока Иоанна. Пробыли они, правда, недолго, но игумен успел посмотреть и одобрить мою статью. Пятничный день вообще был насыщен

визитами, что свидетельствовало о большом интересе к происходящему в Болдине. Из Дорогобужа приезжал В.Е. Цуренков с двумя сотрудниками РОНО. Владимир Егорович интересовался номером счета в банке для возрождения монастыря, а я воспользовался визитом представителя районной власти для получения одобрения на публикацию статьи, чтобы не заработать нареканий. Неожиданно появился в Болдине и игумен Аркадий с двумя представителями Смоленской епархии, которые решили посмотреть на изменения в монастыре после прошлогоднего их визита. По их реакции я понял, что остались они довольны видом маленькой церквушки, а настораживал их массив руин Троицкого собора. Я был рад приезду игумена Аркадия, так как смог передать ему для репринтного переиздания Житие Преподобного Герасима, выпущенное в 1893 году. Подлинный экземпляр Жития был передан мне П.Д. Барановским еще в 1970-е годы и хранился у меня, ожидая лучших времен, которые наконец-то забрезжили. Наблюдая за общением гостей, я поразился, как строго держал себя игумен Аркадий со своим духовным сыном Иоанном, видимо, давал ему серьезные наставления по жизни в монастыре.

В этот же, очень насыщенный день порадовал нас инок Иоанн сказочным колокольным перезвоном. Обедали и ужинали обитатели монастыря в доме на территории обители, где Светлана Галушкина заботливо приготовила для нас свежую деревенскую еду, одобренную зеленью с монастырского огорода.

В субботу, 25 августа, утром на рейсовом автобусе уехал Виктор Архипов, отправил я с ним статью для передачи в редакцию областной газеты «Рабочий путь». Погода была теплая и небо безоблачное. Местные жители собрались на телеге, запряженной конем, ехать на болото за клюквой, пригласили и нас. Я не сразу решился на такой поход, но, подобрав экипировку, пошел с Володей Басмановым по указанному местными жителями маршруту. Часа за полтора дошли мы до места, называемого «Глушицей». Клюква была еще белая, поэтому собирали мы бруснику. Часам к двум набрали литра по три. Местные жители все были с ведрами и продолжали заниматься сбором, поэтому обратную дорогу мы также преодолели не на телеге, а пешком. После столь насыщенного лесного путешествия мы с огромным удовольствием искупались в монастырском пруду, благо, погода стояла на редкость теплая для конца августа. В субботу вечером инок Иоанн уехал, так что распрощался я с ним до следующего моего приезда.

Утром в воскресенье, 26 августа, уехали и Галушкина с Басмановым. Остался я на территории монастыря в одиночестве, так что было время сделать рисунки рам с корректировкой размеров для изготовления рам на внутренние проемы окон и наметить программу первоочередных работ.

В понедельник бригада реставрационного участка из двух человек появилась часам к одиннадцати, без хорошего настроения на работу, перекусили, немного потрудились на ограде монастыря и часа в три собрались в обратный путь. Перед отъездом из Болдина написал я черновик обращения о передаче «белого» дома Русской православной церкви. На машине реставрационного участка добрался до поселка, откуда на рейсовом автобусе доехал до Сафонова. Успел на пятичасовой поезд до Москвы и в одиннадцать часов был дома.

Следующий мой выезд в Болдино был уже осенью. В начале сентября выдалось у меня с супругой и друзьями очень интересное недельное путешествие по путевке в Вологду. Из Вологды на водном транспорте путешествовали мы по рекам Вологде и Сухоне, а также Волго-Балтийскому и Северодвинскому каналам. Побывали в Кириллове, Фера-

понтоне, Белозерске, Вытегре и Тотьме. Впечатлений, естественно, было много, и это позволяло более объективно взглянуть и на происходящее в Болдине.

В ночь на субботу, 15 сентября, выехал я на Смоленщину. Компанию мне составили добровольные помощники реставраторов – Валя, Наташа и Лена. Очень им хотелось увидеть своими глазами перемены в Болдине, а заодно и погрузиться в тишину деревенской лесной жизни. Автобус от Сафонова до Васина был отменен из-за кипевшей на Смоленщине борьбы за урожай. Пришлось добираться на перекладных, к Болдину подъехали на совхозном автобусе, который вез в Васино школьников на уборку картошки.

Болдино встретило нас приятной новостью, в «белом доме» поселился еще один постоянный житель. Оказался он моим двойным тезкой – Александром Михайловичем, а по фамилии Сычев. Познакомившись поближе, узнал я, что приехал он из города Вязьмы, где жил после окончания Смоленского педагогического института и специализировался как художник-график. Поселился он в западной половине дома и уже проявил себя как рукодельный и практичный жилец, утеплив все рамы и вставив недостающие стекла в доме. Так что к духовному началу инока Иоанна в Болдине добавилось практичное – художественное – начало нового насельника.

Все москвичи расположились в доме на территории монастыря. Девчата взяли на себя кухонные хлопоты, чем немного облегчили и жизнь постоянных насельников. Трапезы наши растягивались на несколько часов, так как возникало много новых тем и вопросов, связанных со спецификой возрождения монашеской жизни в Болдине.

В воскресенье перед завтраком Иоанн звонил в колокола, а помощники реставраторов впервые слышали перезвон с колокольни, в которую вложили свои кирпичики. После завтрака я поработал на монастырском огороде, выкопал картошку. Урожай оказался неплохой, килограммов 60–70, что, видимо, не меньше, чем в 10 раз превысило по весу посаженное весной. После хлопот по хозяйству на территории монастыря московской компанией решили сходить мы на болото по ягоды, путь неблизкий, но никто не роптал. Каждому удалось набрать литра по три брусники. В обитель вернулись часам к семи.

Сходить в лес за большак, где обычно радовали нас опята, в понедельник не удалось, с утра зарядил осенний дождь. Занимались наведением порядка в доме и подготовкой к отъезду в столицу. Я сделал чертежи на внутренние рамы церкви. Позвонив по телефону дорогобужскому руководству, узнал, что в газете «Рабочий путь» от 8 сентября опубликована моя статья о Болдине, правда, с измененным названием и без приложенных мной фотографий.

Во вторник, 18 сентября, москвички выехали из Болдина утренним рейсовым автобусом, чтобы в первой половине дня побродить по Дорогобужу. Я решил дожидаться приезда бригады реставрационного участка, так как в понедельник в Болдино они из-за дождя решили не выезжать. Бригада выходить на работу не торопилась, а с бригадиром Игорем пообщаться мне довелось. Он в очередной раз пообещал мне продолжить работу на Святых вратах, а я попросил его подключиться к работам, плохо выполненным бригадой из Сафонова. Видимо, из-за отсутствия сварочного аппарата на проволочках были закреплены воссозданные элементы металлических решеток на окнах церкви. Сварочный аппарат у реставраторов имелся, поэтому исправить эти недоделки возможность была. Показал я Игорю и другие огрехи в работе, так как не рассчитывал пересячь с бригадой, работавшей на церкви. Пришлось поговорить с бригадиром и о том,

что необходимо освободить комнату в западной половине «белого» дома, которая несколько лет использовалась бригадой для приюта, но облагородить помещение они так и не удосужились. Дом переходил в собственность церкви, и требования новых хозяев были вполне обоснованы. Бригаде предложили расположиться в небольшом домике, который был построен при «белом» доме для хозяйственных нужд и требовал обустройства, что, естественно, было воспринято в бригаде с возмущением.

Около десяти часов появился в Болдине игумен Антоний. С ним приехали Алексей Иванович Гурзов, бригада кровельщиков и группа для подготовки церкви к службе и жилых помещений в «белом» доме. Игумен Антоний привез иконки и лампы для церкви, так что поверилось – его стараниями храм должен ожить. Из Болдина выехал я часа в три, в Сафонове успел к Калининградскому поезду на Москву. С московскими путешественниками встретился на платформе, таким образом, экспедиция в полном составе вернулась в столицу. В одиннадцать часов был я дома.

Для новых выездов на Смоленщину дней отгульных у меня почти не оставалось, поэтому приходилось использовать выходные, так как дела требовали моего присутствия. Созвонившись со Смоленском, узнал, я что дней через пять после моего предыдущего выезда в Дорогобуж приезжало руководство ССНРПМ, но решить вопрос с назначением начальника реставрационного участка им так и не удалось. По разговору с Г.М. Аптекиным я понял, что ему жаловался бригадир на обосновавшихся в Болдине новых поселенцев. Мне было понятно, что это была защитная реакция бригады реставрационного участка, оставшейся без руководства и не осознавшей важности возрождения православной жизни в монастыре. Темпы работы бригады реставраторов, естественно, не могли сравниться с результатами работы людей, трудившихся при заинтересованном отношении к делу и при постоянном заботливом внимании со стороны церковнослужителей.

4

В ночь на субботу, 29 сентября, вновь выехал я в Болдино. На сей раз ехал один и в очень мрачном холодном вагоне поезда. В Сафонове автобус на Васино был отменен из-за продолжавшейся кампании по спасению урожая. С пересадкой с автобуса на грузовую машину добрался через поселок Верхнеднепровский до ЗАУ. До Полибина подъехал я на автобусе совхоза «Ставково», а дальше пришлось ехать в кузове открытой машины. Пронзительный холодный ветер перенес я только благодаря непродолжительности маршрута. В этот мой выезд Г.М. Аптекин не отпустил в Болдино Архипова, видимо, не решил он еще, как взаимодействовать с новыми хозяевами Болдина монастыря.

В «белом» доме застал я большую гвардию. Оказалось, что А.И. Гурзов трудился в Болдине целых две недели, третий день обитал в Болдине и игумен Антоний, а Александр Сычев стал уже постоянным жителем. За весь период моего отсутствия наездами, но активно работала бригада строителей из Сафонова. Не было на месте только инока Иоанна, который выехал в Калининград по известию о кончине отца. Все новости я узнавал за совместным завтраком. На кухне с большим мастерством хлопотал Алексей Иванович. После завтрака показали мне все последние свершения. Все комнаты «белого» дома были оклеены и хорошо подготовлены к зиме.

С игуменом Антонием пошел посмотреть сделанное в церкви. Храм преобразился, с 22 сентября перед иконой прп. Герасима была возжена неугасимая лампада. Все привезенные иконы были развешаны, осталось покрасить пол. Для обогрева храма подключили два электрокалорифера. Игумен Антоний с сожалением сказал, что владыка не позволил освящать храм без него. А архиепископ Кирилл был загружен делами в Москве, так как с 13 ноября 1989 года он возглавлял и Отдел внешних церковных сношений (ОВЦС) Московского патриархата. Поговаривали даже, что рассматривался вопрос о назначении его настоятелем собора Василия Блаженного на Красной площади, поэтому неизвестно, когда будет освящена церковь в Болдине.

На ночлег я решил расположиться в доме на территории монастыря, поэтому после осмотра церкви топил печь и облагораживал жилую комнату. Часов в одиннадцать подъехал из Дорогобужа о. Николай и сказал, что подал прошение на имя владыки о выделении машины для организации работ в Болдине. В его действиях чувствовалось оживление в отношении к болдинским работам, на минувшей неделе он смог даже завезти в Болдино доски на пол в просфорне. Кирпичная пристройка к просфорне была полностью выложена, на крыше всего сооружения установлена стропильная система и выполнена обрешетка, осталось покрыть крышу железом. Я напомнил о. Николаю о внутренних рамах для церкви, чертежи на которые ему ранее передал о. Антоний. Так насыщена была первая половина дня моего приезда. Игумен Антоний покрасил пол в алтаре церкви и вместе с о. Николаем уехал из Болдина, даже не задержавшись на обед.

Во второй половине дня задождило. Я поначалу занялся перекапыванием участка у дома, а затем понял, что нужно переключиться на церковь. Дело в том, что в церкви стали проявляться протечки крыши на южной стороне, что, естественно, не позволяло красить пол во всей церкви. Забрался на чердак церкви и отметил все места протечек, чтобы подготовить задание для кровельщиков.

В воскресенье с утра накрапывал дождь, но к середине дня прояснилось. Прогуляя я в ближний лес, надеясь найти опять, но быстро вернулся, так как грибов не было. К вечеру крыша на апсиде церкви подсохла, и решил я опять забраться на чердак церкви вместе с Александром Сычевым. Увидели мы, что основные протечки там, где «светятся» швы в стыках кровли на кокошниках, для исправления обнаруженных дефектов требовалось вызвать кровельщиков. Вечером потрудился над составлением проектных предложений по ремонту дома казначея и восстановлению дома настоятеля, утраченного (сгоревшего) в 1984 году.

Утро понедельника, 1 октября, не порадовало погодой, дождило. С попутной машиной уехал Алексей Иванович, а я решил дожидаться бригаду реставраторов из Дорогобужа. Александр Сычев присматривал за совхозным трактористом, который приехал дисковать землю, вспаханную на территории монастыря для весенних посадок. Землю вспахали на участках, которые использовалась и раньше под огороды местными жителями. Я попросил Александра внимательно присматривать, так как могут быть интересные находки, конечно, имея в виду фрагменты изразцов. Бригада реставраторов подъехала часам к одиннадцати. В бригаде осталось всего два человека. Я попытался поговорить с бригадиром о работе, но он не хотел и слушать. Сказал, что Аптекин дал ему указания чем заниматься. Мне, естественно, слышать все это было не очень приятно. Правда, через некоторое время ребята сами позвали меня посоветоваться

по программе работ. Вообще чувствовалось, что в головах и душах работников смута. Сотрудничество с деятельными и ответственными насельниками монастыря у них не получалось, а на участке была своя грузовая машина, помещение в городе и хозяйка по имени Татьяна (к сожалению, не сохранилось у меня ее фамилии), которой приходилось выполнять функции начальника участка. Из Болдина выехал я часа в четыре, в Москву смог добраться только с двумя пересадками на электричках и дома был уже в первые часы вторника.

В конце октября решил съездить в Болдино для завершения земледельческого сезона на участке у дома на территории монастыря. В 0:35 субботы, 20 октября, выехал на поезде из Москвы. Минувшая неделя была на удивление солнечной и теплой – запоздалое бабье лето. Сафонов же встретило густым утренним туманом. До семи часов ни один автобус не вышел на линию. Сменив два транспорта, добрался до ЗАУ, а до Полибина удалось подъехать в кузове грузовой машины. В Полибине попутного транспорта решил не ждать и пошел пешком на Болдино, за мной привязались два котенка, видимо, их откуда-то завезли. Один котенок оказался посильней и понастырней, сопровождал меня до моста через речку Сукромлю, а это километра полтора. Около моста нагнал меня попутный автобус, на котором школьники из Дорогобужа ехали на экскурсию в Болдино, так что с котенком пришлось расстаться. Около десяти часов был я у Святых врат монастыря. К автобусу подошел Александр Сычев провести запланированную экскурсию. Я пошел располагаться в дом на территории монастыря. Замки на дверях были потревожены, чувствовалось, что кто-то побродил по помещениям, так как исчез небольшой мой запас рыбных консервов. Основные вещи я относил на хранение в дом Турченковых, так что ущерб был невелик, но противен был сам факт крысятничества.

От Александра Сычева узнал я, что инок Иоанн в Смоленске на подготовке к рукоположению, а ему в поддержку игумен Антоний прислал на поселение юношу Евгения. В Болдине гостила сотрудница вяземской газеты, которая помогала Александру в хозяйственных делах. Пообедав вместе в «белом» доме, решили мы прогуляться к месту, что на горке, метрах в семистах к С-3 от монастыря, чтимому православными людьми в Болдине. Среди лесистой растительности в одном месте из склона пробивался небольшой источник, ооконтуренный рундучком из небольших бревнышек. Для местных жителей это был Святой источник. Когда этот источник стал почитаемым, неизвестно, но по всем признакам место это и было первым пристанищем в Болдине прп. Герасима. Новые болдинские поселенцы, естественно, с первых дней стали проявлять интерес к этой святыни и предпринимали попытки обустроить здесь колодец. Александр Сычев рассказал мне, что они хотели углубиться, чтобы увидеть бьющий ключом источник, но раскоп постоянно затягивался плывуном, поэтому решили сделать небольшой сруб. Возвращаясь от святого места к монастырю, зашли мы в дом к Филиппу Карповичу Щепетову. Он сказал нам, что источник и раньше периодически затягивался плывуном и пересыхал. В доме коренного болдинского жителя усмотрели мы икону Георгия Победоносца в окладе. В домашнем обиходе не часто встречаются иконы этого святого, но историю появления иконы в доме Филипп Карпович не смог нам прояснить. Несмотря на хмурую погоду, на просфорне работала бригада из Сафонова. Выкладывали печь в старой части сооружения и штукатурили внутренние стены.

В воскресенье с утра тоже дождило, но во второй половине дня немного прояснилось. Грибы в лесу уже отошли, так что в этом году не удалось мне запастись на зиму да-

рами леса. Довольствоваться пришлось урожаем, выращенным на грядках. Собранные плоды перенес я на хранение в подвал дома Варвары Деевны.

Из исторической монастырской темы в этот приезд порадовала только находка терракотового изразца XVII века с рельефным изображением вазона с растительностью. Фрагмент изразца был найден внутри просфорни в грунте ниже частично сохранившегося пола, выложенного кирпичом на ребро.

Для встречи с бригадой реставрационного участка остался я в Болдине до понедельника, 20 октября. Бригада приехала непривычно рано, в десятом часу. По настроению двух сотрудников чувствовалось, что определенные выводы для себя они сделали и работа на стене ограды монастыря стала продвигаться, но наверстать упущенное в летний период, естественно, уже не было времени. Из Болдина выехал я на грузовой машине участка в конце рабочего дня. На дальние поезда опоздал, поэтому пришлось добираться до столицы на электричках с двумя пересадками в Вязьме и Можайске. Домой поехал лишь во втором часу ночи.

Мысли о происходящем в Болдине не оставляли меня и в Москве, да и сотрудники лаборатории на работе расспрашивали о новых событиях в монастыре. К Ноябрьскому празднику, как обычно, получил я несколько поздравительных открыток со Смоленщины. Кроме приятных добрых слов, в открытке от А.И. Ашметковой, директора музея в Дорогобуже, были слова, вызывающие беспокойство. Анна Ивановна писала: «Что-то Вы не заходите в музей. А мне хотелось бы задать Вам вопрос – как могло случиться такое с музеем в Болдине, который создавался Самим Барановским П.Д.? Прежде чем отдавать верующим часовню, надо бы подумать, где разместить экспонаты музея?» Чувствовалось, что кто-то из плохо осведомленных, а, возможно, и агрессивно настроенных к происходящему на территории монастыря согладатаев пожаловался уважаемому человеку. Вряд ли Анна Ивановна видела преобразенное за шесть месяцев кирпичное сооружение, где столь беспризорно содержались портреты партизан, написанные художником К.К. Лопяло, фрагменты замечательных печных изразцов и другие элементы древних монастырских сооружений. Что касается экспонатов музея, то все было сохранено в помещениях на территории монастыря. Я придерживался позиции, что все, связанное с историей этого достопримечательного места, надо сохранять в Болдине и со временем все это непременно должно быть востребовано. Таким образом, видимо, я и написал Анне Ивановне в ответном поздравлении, так как в дальнейшем при общении никогда не слышал от нее упреков в свой адрес.

Следующий выезд в Болдино пришлось мне планировать заранее, так как в ЦС ВООПИиК решили направить на Смоленщину комиссию посмотреть наконец-то на результаты воссоздания колокольни Болдина монастыря, работы по которой почти десять лет финансировались Обществом. Выезд комиссии я попросил организовать в начале декабря, так как много было работы на энергетическом поприще и хотелось полноценно использовать время выезда. Дело было в том, что из Болдина получил я известие о намеченном владыкой на 2 декабря освящении церкви Петра и Павла в Дорогобуже и его желании посетить в этот день Болдино. Поэтому приезд в Болдино комиссии запланировали на 1 декабря.

Из Москвы выехал я поздно вечером в пятницу, 30 ноября. С билетами на поезд были сложности, удалось пристроиться только в поезд на Полоцк. В Сафонове был в пять часов утра первого дня первого зимнего месяца. Ожидая на станции автобус на Васи-

но, встретился с двумя знакомыми, одетыми в непривычные в то время для светских мест подрясники. Это были Александр Сычев и Андрей, студент церковного училища в Смоленске, который по выходным дням приезжал в Болдино для помощи на службе в храме. Александр возвращался в Болдино после недельного пребывания в Вязьме, где решал свои бытовые проблемы. За беседой быстро пролетело время нашей поездки. В Болдино на этом же автобусе ехали все младшие семьи Кабановых, урожденные болдинцы. Их дружный выезд был вызван внезапной тяжелой болезнью их мамы – Марии Петровны. В мае месяце во время первой вечерней службы на территории монастыря она была в полном здравии и с небольшого расстояния наблюдала за происходящим событием. Пожелали мы попутчикам веры и надежды в выздоровление бывшей первой учительницы всех первоклассников болдинской школы.

В Болдине для меня была приятной встреча с первым монастырским поселенцем, иноком Иоанном. Он порадовал меня переизданным Житием Преподобного Герасима и передал мне экземпляр с дарственной надписью игумена Аркадия, скрепленной печатью Вяземского Иоанно-Предтеченского монастыря. С изданием «Жития» игумен Аркадий управился очень оперативно, тираж довольно большой – 20 тыс. экз. – и доступная стоимость, около рубля за экземпляр. Сделано было большое дело, для прославления подвигов Герасима Болдинского, что должно было содействовать возрождению двух монастырей на Смоленщине, в недрах которых память о великой Русской культуре XVI–XVII веков.

За совместным завтраком в «белом» доме, естественно, все разговоры были о местных новостях, но за столом засиживаться не стали, так как ждали всех неотложные дела. Погода стояла не зимняя, но хлопот у новых обитателей Болдина хватало, протапливали четыре печи в «белом» доме и две печи в бывшей просфорне. Я в ожидании комиссии занялся обмером деревянной гостиницы, которая имела жалкий вид, и предстояло, не затягивая, определяться с работами по ее облагораживанию.

Комиссия в Болдино приехала около двух часов. От ЦС ВООПИиК из Москвы были командированы А.С. Уранов, главный специалист отдела памятников и экспертизы, и опытный архитектор-реставратор И.В. Трофимов. Смоленскую область представляли, сотрудник Управления культуры Смолоблисполкома Я.Я. Пшеничный и архитектор-реставратор ССНРПМ В.А. Архипов. Об Игнатии Викентьевиче Трофимове я знал только по статьям о его продолжительных работах в Троице-Сергиевой лавре. Он оказался отличным старцем 84 лет, но держался очень уверенно и стал делиться своим опытом по организации реставрационных работ, так как сразу смог оценить предстоящий объем работ в возрождаемой к жизни обители. Уранов живо восторгался воссозданной колокольней и возвращенной к жизни церквушкой. Пшеничный проявил предпринимательский дух, говоря о планах организации малого предприятия при ВООПИиК для проведения масштабных работ в Болдине. Хмурая погода начала зимы не способствовала продолжительному и детальному осмотру монастыря, да и гостям предстояло еще вернуться в Смоленск, поэтому часа в три комиссия покинула Болдино. Чувствовалось, что увиденным все члены комиссии были довольны, а для обмена впечатлениями было у них еще часа два в пути до областного центра.

Проводив комиссию, насельники обители начали готовиться к вечерней службе, малое освящение храма было проведено в ноябре. Я занялся подготовкой помещения дома на территории монастыря к зиме, переноса остатки урожая в погреб к Варва-

ре Деевне. Приятно было услышать колокольный перезвон, призывающей к вечерней службе, которая началась в шесть часов. Я, правда, закопался в делах по хозяйству и попал в храм только часам к восьми. На службе было шесть женщин, двое младших Кондрашевых (Тамара и Люба) и двое младших Лосевых (Татьяна и Надежда), оказавшихся в Болдине, видимо, по случаю выходных дней. Были еще две пожилые женщины, одна из которых В.О. Вавиленкова, а другая была мне не знакома. Я завалился в храм в телогрейке и почувствовал себя очень неудобно, так как все присутствующие были одеты по-праздничному. Видимо, в моем сознании церковное помещение в монастыре жило еще как место работы. Я впервые видел и слышал иеромонаха Иоанна служащим и мне очень понравилось. Александр и Андрей пели и читали. Так что жизнь в обители начала выходить на круги своя. После службы ужин был скромный – пост. Ночевал я в натопленном «белом» доме в половине, где обосновался Александр.

Утром в воскресенье, 2 декабря, на рейсовом автобусе добрался до поселка, а затем и до Дорогобужа, у церкви Петра и Павла на западной окраине города был в одиннадцатом часу. Ожидал увидеть у храма большое количество народа, так как намечалось важнейшее событие – освящение первого храма после долгих лет отсутствия церковной жизни в древнем городе, но народа на улице не было. Зашел в церковь, внутри чисто и тепло, но не было еще иконостаса и паникадил. Народ на службу собрался, но церковь не была заполнена, как я ожидал. Службу возглавлял архиепископ Кирилл. У церкви поговорил я с двумя представителями власти района – Валерием Сергеевичем Серых и Владимиром Егоровичем Цуренковым. По окончании службы игумен Антоний на ходу сказал мне, что сейчас едем на обед, а потом в Болдино. Торжественная трапеза была устроена в кафе микрорайона города Дорогобужа. Столы были поставлены буквой П, в центре главного стола сидел, естественно, владыка. По правую руку от владыки – настоятель Дорогобужского храма о. Николай и секретарь епархии о. Виктор, по левую руку – В.Е. Цуренков и еще двое светских дорогобужан. Валерия Сергеевича Серых на трапезе не было. Подняли несколько теплых праздничных тостов и пропели здравицы в честь владыки и о. Николая. Я сидел за столом рядом с о. Антонием, на столе закуска и горячие блюда были рыбные, так как соблюдался пост, все приготовленное было очень вкусным, будто рыбка была выловлена на местных водоемах. После обеда поехали в Болдино, игумен Антоний поехал на машине с владыкой, а я на машине с дорогобужанами.

Мой выезд из Дорогобужа немного задержался из-за хозяйственных хлопот местного руководства, поэтому в Болдино мы приехали позже владыки. К нашему приезду владыка уже осмотрел церковь и территорию монастыря и остался доволен увиденным. В «белый» дом пошли все вместе. Приведенные в порядок комнаты общежития тоже понравились владыке, и он радовался переменам. Владыка прекрасно понимал, что Болдинским новоселам в столь запущенном месте требуется поддержка и сказал о. Николаю и о. Антонию чтобы они постарались выделять на Болдино по 2-3 тыс. рублей в месяц. В «белом» доме я воспользовался представившимся случаем отметить содействие Цуренкова в хлопотах по Болдину и попросил владыку подарить Владимиру Егоровичу переизданное «Житие Преподобного Герасима», заметив, что сегодняшний праздничный день совпал с днем рождения Владимира Егоровича. Владыка Кирилл написал добрые памятные слова на брошюре, которая, надеюсь хранится у Цуренкова. Владыка также по моей просьбе благословил игумена Антония на участие в заседании

президиума ЦС ВООПИиК, посвященном Болдину монастырю, которое планировалось провести в Москве в декабре.

Распрошались с владыкой у Святых ворот монастыря, которые были еще в строительных лесах и лишней раз напоминали о масштабах предстоящих восстановительных работ в монастыре. Я пытался что-то говорить о скудной казне ВООПИиК и Министерства культуры, на что владыка отреагировал поразившим меня высказыванием. Конечно, точных слов в памяти я не сохранил, но смысл сказанного воспринял таким, что пока в руководстве государства не поймут роль денег, оживления порушенного не будет. Истолковал я эти слова, как ожидание перехода страны к рыночной экономике, о которой в то время громко еще не говорилось. Из Болдина выехал я на машине с дорогубужанами, которые довели меня до поселка Верхнеднепровского. В Сафоново был часа в четыре и успевал на Калининградский поезд, но вокзал оказался забит народом, и билетов на поезд, естественно, всем не хватило. Добирался до столицы с пересадками на электричках, которые тоже были заполнены людьми с рюкзаками и сумками, люди везли в Москву возвращенное на земле Смоленской.

Намеченное заседание Президиума ЦС ВООПИиК по Болдину состоялось в четверг, 13 декабря. Я подготовил к собранию небольшую справку об истории и архитектурном ансамбле Свято-Троицкого Болдина монастыря и предложения по развитию работ, которые Алексей Сергеевич Уранов представил в виде предлагаемого решения. Собрание было довольно представительное, собралось человек 20, среди которых были архитекторы-реставраторы и историки архитектуры. Приехал на заседание и игумен Антоний. Вел собрание Председатель Президиума ЦС ВООПИиК Евгений Михайлович Чехарин, в то время у него был высокий государственный пост – Заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, что, естественно, определяло и роль общественной организации в вопросах сохранения исторического наследия страны. Я выступил с сообщением по рассматриваемому вопросу, с показом цветных слайдов, что позволяло аудитории проникнуться историко-архитектурной средой памятника. Многие из присутствовавших бывали прежде на моих сообщениях по воссозданию колокольни, поэтому все представленное было хорошо воспринято и было много добрых пожеланий по продолжению работ.

После собрания, которое проходило во второй половине дня в помещении ЦС ВООПИиК на улице Рылеева, д. 4 (прежнее название Гагаринский переулок), недалеко от станции метро «Кропоткинская», проводил я Антония до дома его духовных чад, где он остановился. Добирались до дома на метро, так как квартира располагалась недалеко от станции метро «Новослободская». За легким ужином обменялись впечатлениями о собрании с единогласными пожеланиями, чтобы добрые слова хороших людей содействовали возрождению замечательного достопамятного места Отечества. Расставаясь с о. Антонием, надеялся я на скорую встречу на Смоленщине уже в новом году.

1991 год

1

С начала января нового года собирался я в Болдино, но в московской городской суете незаметно пролетел весь месяц. На февраль готовился выезд в Болдино группы с ЦТ, о чем я знал с декабря предыдущего года. Инициатива выезда группы с телевидения,

как я понял, в процессе подготовки, возникла в ЦС ВООПИиК еще в конце осени, так как в декабре руководство Дорогобужского района было уже предупреждено о готовившейся экспедиции Центрального телевидения. Выехать с группой телевидения в Болдино удалось только в первой половине марта.

Во вторник, 12 марта, в десять часов вечера группа из восьми человек собралась на Белорусском вокзале, все хлопоты по организации выезда решались на ЦТ. Из знакомых мне был только сотрудник ЦС ВООПИиК А.С. Уранов. Команду Центрального телевидения возглавляла Ольга Васильевна Серкова – главный редактор общеобразовательных программ ЦТ. В составе телегруппы были четыре мужчины и одна молоденькая девушка, режиссер Катя Донец. Ночным поездом доехали мы до станции Сафоново, где встретил нас В.Е. Цуренков и на выделенном автобусе доставил до гостиницы в поселке Верхнеднепровском. Меня с А.С. Урановым разместили в 2-х комнатном люксе. Жируем последние деньки, подумалось нам, так как в апреле ожидалось в стране глобальное повышение цен. На выделенном нам районным руководством автобусе после обеда выехали мы в Болдино. День был мрачноватый, но снега на земле было много, что скрашивало впечатление от местности. В первый день работники телевидения хотели осмотреться на месте и наметить программу съемок.

В Болдине нас ожидала компания, приехавшая из Смоленска. Возглавлял небольшую группу главный инженер научно-производственного Управления по охране и использованию памятников при Смолоблисполкоме Пшеничный. Был в команде и репортер Смоленского радио. Пшеничный стал активно настаивать на необходимости проведения геодезических работ на территории Болдина монастыря, не понимая, что большая часть территории занята насыпным строительным мусором. Вскоре прояснилось, что ему хотелось загрузить работой своих приятелей-геодезистов. Конечно, съемка хорошего геодезического плана территории монастыря дело нужное, но в сложившейся ситуации не первостепенное, так как много было нерешенных вопросов по обустройству жизни новых поселенцев, на которые и требовалось направить скудные средства ВООПИиК. Самое же скверное было то, что он не считал нужным обсуждать планируемые работы, а пытался поставить нас перед фактом принятого им решения. Пришлось поставить его на место, приглушив навязанную им административную суету. Во время шумной сумятицы какие-то вопросы пытался задавать москвичам смоленский корреспондент, но желаемой им беседы не получалось. Нежданную шумную встречу в Болдине со смолянами удалось приглушить и потихоньку начать погружение представителей ЦТ в обстановку Болдина монастыря. Приветливо встретивший нас иеромонах Иоанн сообщил радостную весть о том, что 31 января 1991 года решением Священного Синода Русской Православной церкви Московского Патриархата Болдин Свято-Троицкий монастырь официально зарегистрирован, так что теперь у обители есть печать, расчетный счет и бланк. После непродолжительной ознакомительной беседы иеромонах Иоанн показал гостям колокольню и церковь, наиболее обжитые насельниками монастырские сооружения. Затем я провел всех по бедным помещениям бывшего дома казначая, много лет служившему приютом для реставраторов и местом для хранения археологических находок, в основном фрагментов древнего изразцового убранства монастырских комнат. Увиденное позволило специалистам ЦТ наметить места съемок. Совместно обсудили мы, что нужно для плодотворной работы. Болдино наша экспедиция покинула уже в сумерках, так что обед мы совместили с ужином в кафе микрорайона города Дорогобужа.

На следующий день, 14 марта, после легкого завтрака поехали в Болдино для выполнения намеченной программы. До обеда удалось выполнить съемку на колокольне, где иеромонах Иоанн продемонстрировал свое мастерство колокольного звона, а оставшиеся внизу восторженно воспринимали разливавшееся по окрестностям животворящее благозвучие. После съемки на колокольне был отснят и материал в церкви, где иеромонах Иоанн был с небольшой группой местных жителей, которых удалось оторвать от хозяйственных домашних дел. Были, естественно, Семен Родионович Турченков и Варвара Деевна Воронец, которые с особой доброжелательностью содействовали становлению новой жизни в Болдине монастыре. Второй насельник монастыря, Александр Сычев, в съемках не участвовал, так как трудился в одной из палат подклета трапезной. Как удалось позже выяснить, занимался он обустройством помещения палаты для использования под праздничные службы. Насельники монастыря приняли такое решения после Праздника Крещения Господня, когда помещение маленькой церквушки не вместило всех собравшихся на территории древней обители, что свидетельствовало о хранившейся в народе памяти о почитаемом Светлом Празднике. Многие приехали из поселка Верхнеднепровского, прослышав о возрождаемой церковной жизни в Болдине.

Было очень приятно, что насельники почувствовали востребованность своих дел. Александр Сычев написал небольшую статью о Свято-Троицком Болдинском монастыре, которая была опубликована в газете ЗАУ, сделал графический рисунок церкви Тихона Задонского, оттиски с которого дарил доброжелателям, подготовил афишу с обращением о содействии возрождению памятников древней обители и т.д. Однако принятое решение по использованию промерзшего помещения для церковной службы вызывало опасение, так как это могло сказаться на здоровье прихожан. Я предложил насельникам не форсировать увеличение площадей для приема прихожан и отложить принятие решения по этой проблеме до лета. Кроме того, узнал я от Александра, что он пригласил бригаду для выполнения электропроводки в подклетный этаж трапезной палаты и в колокольню. Для выполнения воздушной электропроводки на колокольне были уже закреплены изоляторы на втором ярусе внешней стены Ю-В грани. Я сказал Александру, что такие поступки недопустимы. Для электроснабжения трапезной палаты и колокольни давно выполнены проекты, которые обеспечивают все необходимые требования электрификации помещений с подводом электроэнергии по кабельным линиям, чтобы не портить фасады воссозданных древних сооружений и не нарушать гармонию территории монастыря воздушными линиями электропередачи. Самодеятельность насельников монастыря показала, что еще не раз придется сталкиваться с непродуманными инициативными решениями и нужно искать пути их мирного разрешения.

Завершив часть намеченной работы, устроили перерыв на обед, который директор совхоза «Ставково» В.А. Ефременков организовал в столовой соседнего совхоза «Васинского». Решив, видимо, показать москвичам центральную усадьбу одного из лучших хозяйств Дорогобужского района, что километрах в восьми к востоку от Болдина по Старой Смоленской дороге. К обеду для согрева поставили и по кувшинчику с беленькой, так что грамм по сто выпили собравшиеся за процветание Земли Смоленской.

Вернувшись после обеда в Болдино, мастера ЦТ отсняли несколько эпизодов на территории монастыря, в одном из которых фигурировал А.С. Уранов за зарисовкой колокольни. В этот раз я впервые стал свидетелем проявления замечательного художественного таланта Алексея Сергеевича. Затем в помещении бывшего дома казна-

чея монастыря я рассказал о трудах П.Д. Барановского в Болдине с показом фотографий и изразцов. Никакой подготовки в помещениях дома не делали, засняли топчаны, застланные сеном, и изразцы на плите печи. Всю намеченную программу съемок в Болдине выполнили за один день. Завершение работы отметили за ужином, который В.А. Ефременков организовал в столовой совхоза «Ставково» в Полибине, где над приготовлением застолья заботливо похлопотала Председатель сельского Совета Г.Ф. Лебедева. Результатами проведенной работы гости из столицы были довольны, что многократно повторилось в теплых словах в адрес принимавшей стороны. Естественно, что всем присутствовавшим очень хотелось увидеть вскоре на экране ЦТ материал о достопримечательном месте Дорогобужского района.

Утро следующего дня, 15 марта, было хмурым и дождливым, так что не раз мы поминали промысел Божий, пославший нам прекрасную погоду в день проведения съемок в Болдине. Билеты на поезд до Москвы у нас были на Калининградский пятичасовой поезд, поэтому руководство района предложило гостям посмотреть усадьбу Алексино, главную достопримечательность района. К сожалению, скверная погода не позволила гостям обстоятельно ознакомиться с архитектурными и природными достопримечательностями масштабного усадебного комплекса, а тем более попытаться запечатлеть что-то на пленку. Все время до отхода поезда провели мы в разъездах, не выходя из автобуса. На дорогу гостеприимные хозяева района выделили нам ящик пива, так что за вкушением приятного напитка и обменом впечатлениями незаметно пролетело время в дороге до столицы. На вокзале мы распрощались, договорившись о сотрудничестве при обработке собранного материала.

2

Новый выезд в Болдино я запланировал на Вербное Воскресение. Очень хотелось своими глазами увидеть вхождение древних православных праздников в современную жизнь в Болдине монастыре, да настораживала активная самостоятельность насельников обители. Выехал из Москвы поездом в ночь на субботу, 30 марта. Автобус от Сафонова до Васина не ходил, поэтому пришлось добираться на перекладных. Пешком довелось пройти всего метров двести вдоль территории ЗАУ, где перехватил я грузовую машину, направляющуюся в Васино. В кабине машины ехал и попутчик до Болдина – В.А. Кабанов. От него узнал я новости общественных брожений в Дорогобужском районе. Он стал одним из лидеров группы демократического движения в районе, которая активно включилась в борьбу за властные полномочия. Сойдя с машины у поворота с большака на Болдино, продолжили мы беседу на расквашенном грунтовом склоне подхода к монастырю и к остаткам сельского поселения Болдино. Весна была ранняя, снег сошел, и чувствовалось, что природа готовится к пробуждению. Естественно, нам хотелось видеть возрождение и этого места при грядущих переменах в общественной жизни страны. У стен монастыря мы распрощались, и я пожелал ему успехов в новом деле. К сожалению, мои надежды на труды Владимира Анатольевича на историко-культурном поприще не оправдались. Видимо, он чувствовал в себе задатки политического деятеля высокого уровня.

У ворот монастыря я никого не встретил, поэтому решил сразу пройти к дому приюта реставраторов, где рассчитывал и расположиться в этот приезд, так как теплая погода

настраивала и на труды на грядках. Затопив печь, пошел на слободу к Турченковым, в доме которых хранился мой рюкзак с постельными принадлежностями. В гостеприимном доме, естественно, сразу пригласили за стол. За трапезой поговорил я с Семеном Родионовичем и Анной Яковлевной о новой жизни на территории монастыря, которая, нам представлялось, позволит оживить и всю прилегающую округу. Чувствовалось, что насельники монастыря частенько обращались в этот дом за содействием по хозяйственным делам, а хозяева не забывали пригласить насельников и помыться в баньке. Помощь Турченковых монастырю потребовалась и в этот предпраздничный день. В доме появился Андрей, который на каждые выходные приезжал в Болдино из Смоленска для помощи на службе в храме. Он пришел узнать, где в Болдине можно найти вербу. Оказалось, что единственный кустик вербы есть у дома Лапчихи, куда Семен Родионович и повел меня с Андреем, так как насельники уже начали готовиться к вечерней службе.

Вернувшись на территорию монастыря, я понял, что приехал вовремя, так как еще можно было предотвратить нелепую электрификацию восстановленных древних сооружений, намеченную Александром Сычевым. Пришлось серьезно поговорить с иеромонахом Иоанном и Александром и объяснить им, что они имеют дело с архитектурными памятниками и их скороспелые непродуманные решения привели бы только к напрасной трате средств и могли бы повредить виду древних сооружений и территории монастыря. Александр очень расстроился и даже не пошел на вечернюю службу, занимался чем-то в западной палате подклета трапезной.

После необходимого, но не очень приятного разговора и я пересмотрел свою программу работ. Решил заняться обмером разрушающегося корпуса бывшей монастырской гостиницы, который срочно нужно было спасти. Это деревянное сооружение из-за ветхости не поставили на государственную охрану, а при разумном отношении к этому сооружению оно смогло бы еще с пользой послужить и насельникам монастыря, и паломникам. Намеченную мной еще в Москве работу на грядках огорода у дома казначея пришлось отложить и по тому, что земля еще не оттаяла даже на припеке с южной стороны дома.

После вечерней службы за чаем пообщался в «белом» доме с новыми жителями Болдина. Они поведали, что накануне приезжал из Смоленска Николай Колпачков и показал им альбом с замечательными цветными фотографиями, выполненными американскими волонтерами во время приезда в Болдино в июле 1990 года. Так что не забывали Болдино смоляне, потрудившиеся на руинах монастыря и, без сомнения, с возрождением монашеской жизни число паломников в Болдино будет увеличиваться с каждым годом.

Ночевал в доме казначея, келья за день хорошо прогрелась и выспался я отлично. На праздничной службе – Вербное воскресенье – народу было немного, так что небольшой храм вместил всех желающих. Расслабиться после службы насельникам не довелось, слегка перекусив, занялись они подготовкой к обряду Крещения. Главный инженер Сельэнерго решил крестить своих детей, и мне довелось посмотреть на это таинство в стенах недавно возрожденной маленькой церквушки в Болдине. Часа в два на ГАЗоне Сельхозэнерго мне удалось и выехать из Болдина. По дороге поговорил с родителем принявших крещение о профессиональных энергетических проблемах. Узнал, что на Смоленщине введен двухставочный тариф на электроэнергию, и в ночной период провала в графике нагрузки стоимость электроэнергии в десять раз дешевле.

Для реализации революционной для отечественной энергетики технологии нужны только счетчики электроэнергии с часовым механизмом, либо с дистанционным управлением, чем много лет довелось заниматься мне в ЭНИНе. Так что мой выезд в Болдино, связанный с сохранением исторического наследия Отечества, был для меня полезен и в трудах на энергетическом поприще. Воскресный день, 15 марта, у меня завершился уже дома в столице.

2

После выезда в Болдино, в Москве, естественно, начались хлопоты с попыткой разрешения увиденных проблем. Для обеспечения реставрационных работ связывался по телефону с Управлением культуры Смоленской области, с областным отделением ВООПИиК и, естественно, со Смоленской реставрационной мастерской. Было намечено провести встречу в Болдине, чтобы на месте попытаться определить первоочередные задачи. Из дневниковых записей следует, что по свежим впечатлениям написал письмо игумenu Антонию. Черновика письма в моем архиве пока не нашлось, но написал я, видимо, о том, что для организации деятельности насельников возрождаемой обители требуется определить направление работ и квалифицированное руководство, которое, по моему представлению, мог бы взять на себя о. Антоний.

На конец апреля у меня была запланирована экскурсионная поездка по достопримечательным местам на севере страны. С супругой и друзьями решили мы на экскурсионном суденышке пройти по большой воде по реке Сухоне от Вологды до Великого Устюга, а до этой поездки необходимо было выбраться мне в Болдино.

В ночь на субботу, 13 апреля, выехал поездом до Сафонова, предварительно договорившись со смолянами о проведении в Болдине совещания в понедельник, 15-го апреля. В Москве получил подтверждение, что на работы в Болдине ЦС ВООПИиК выделил 50 т. руб., а Министерство культуры РФ – 200 т. руб. Проезд на поезде подорожал почти в два раза, стоимость места в плацкартном вагоне стало стоить 10 рублей 45 копеек, за постельное белье нужно было заплатить еще два рубля. Поняв, что проезд будет дорожать, взял я сразу несколько билетов на будущие поездки, зная, что смогу выезжать только на выходные и праздничные дни.

От Сафоново до Болдина доехал на Васинском рейсовом автобусе, маршрут которого, как выяснилось, действовал лишь второй день. Прямой маршрут облегчил мои хлопоты с грузом, так как в этот раз ехал с рюкзаком с запасом пищи и материалом для посадки на огороде. В поселке Верхнеднепровском в автобус сели несколько человек, направлявшихся на церковную службу в Болдино, по разговору чувствовалось, что появились у храма постоянные прихожане.

В храме было человек девять, а после службы устроили прихожане субботник, помогли насельникам навести порядок у «белого» дома, сложили дрова и засеяли четыре грядки с южной стороны дома. Я занялся после службы огородными делами около дома казначея. Подготовил к посадкам четыре грядки с восточной стороны дома. То, что труды на огороде принесут плоды, говорили пробившиеся всходы чеснока, посаженного мной осенью. Пришлось потрудиться и с наведением порядка, собрал и сжег прошлогоднюю ботву, отметил, что в монастыре насельники тоже основательно поработали, освобождая

территорию от мусора и сухого бурьяна. Предстояло решать вопросы с заграждением всех проемов в стене ограды монастыря, а в Смоленской реставрационной мастерской никак не могли изготовить полотна на ворота и калитки, заказы на которые давно были переданы Г.М. Аптекину. Не велись работы и на Святых воротах ограды. Оставшиеся два труженика Дорогобужского участка ССНРПМ занимались восстановлением порушенных участков южной стены ограды.

Воскресный день, 14 апреля, провел в хозяйственных хлопотах. Готовил новые грядки к посадке. У местных жителей купил ведро картошки для посадки и для дома, так как с продуктами в Москве стали возникать проблемы, да и цены на все росли. Вечером в «белом» доме устроили праздничный ужин. Иеромонах Иоанн угощал продуктами, полученными в епархии по гуманитарной помощи из Германии, лакомились различными сладкими рулетами, пили гранулированный растворимый кофе – всего этого в магазинах в ту пору не было.

Поговорили о насущном, пообщался я с Андреем, который практически стал насельником монастыря. Неожиданно для меня он сказал, что для упорядочения жизни братии необходим уже настоятель монастыря. Общаясь с насельниками, я пытался узнать уделяет ли внимание Болдину игумен Антоний, так как помнил о его активном участии в делах по Болдину в минувшем году. Однако слышал лишь то, что он серьезно болен, мучает его расширение вен на ногах, из дома он практически не выходит, лежит, ждет операции.

В этот выезд погода стояла отличная, что позволило хорошенько заняться огородом. Подготовленные грядки засеял с утра в понедельник.

Намеченная комиссия собралась только около двенадцати часов дня, да и то не в очень представительном составе. Аптекин Г.М. не приехал, поэтому ССНРПМ представляла сотрудница Дорогобужского участка Татьяна Ивановна, Управление культуры Смолоблисполкома представлял Пшеничный, который захватил из Смоленска девочку геодезистку от фирмы, с которой он сотрудничал, не было и представителей власти Дорогобужского района. Разговор получился сумбурным и бестолковым, в котором Пшеничный пытался всячески показать свои властные полномочия. Насельники угостили гостей гуманитарным кофе и шоколадом. Из Болдино с гостями выехал я часа в два, заехали в Дорогобуж, где удалось встретиться только с Председателем горсовета. Поговорили о печальном положении реставрационного участка, так как уже продолжительное время участок практически не дееспособен из-за отсутствия начальника. Из Дорогобужа поехал я со смолянами в Сафоново, куда поспел к началу продаже билетов на Калининградский поезд, т.е. к 16:30. По дороге на удивление мирно удалось поговорить с Пшеничным, хотелось верить, что с ним удастся работать более плодотворно. Дома был час в одиннадцать вечера, 15 апреля. Из Болдина привез картошки, сальца, две баночки по 0,8 литра березового сока и щучку килограмма на два. Щучку отловил утром в болдинском пруду Володя Рахманов. В этот приезд я увидел, что Рахмановы занялись наведением порядка у своего дома, подрезали яблони, вскопали огород, в этом чувствовалось положительное влияние насельников монастыря на местное население.

В четверг, 18 апреля, выступал я в Московском Доме художника с сообщением «Памятники Болдина Свято-Троицкого монастыря» (док. 6). Вечер был организован по инициативе искусствоведа Л.В. Тымана, который был впечатлен увиденным и услышанным на Заседании Президиума ЦС ВООПИиК в декабре 1990 года. Выступление

мое продолжалось часа полтора, особое впечатление на собравшихся, которых было человек сорок, естественно, произвел показ цветных диапозитивов, «оживлявших» весь процесс восстановления колокольни.

Из замечательного путешествия по достопримечательностям Вологодской области вернулся днем 30 апреля. Впервые довелось мне побывать в городе Великий Устюг, где потрясло обилие и сохранность архитектуры XVII века, но особый интерес представил для меня Троицкий Гledenский монастырь с собором XVI века, так как надеялся, что с возрождением жизни в Болдине монастыре основное мое внимание будет сосредоточено на руинах Троицкого собора. От коллег по работе в ЭНИНе узнал, что никаких неординарных событий за время моего отсутствия (с 19.04 по 30.04) не произошло, так что я, не задерживаясь в Москве, мог выехать в Болдино. Приятно было услышать от коллег, что по учебной программе ЦТ два раза показывали материал о Болдине, сюжет был включен в рубрику «Исторический лицей». Видевшие материал говорили, что подано все было очень хорошо, так что задумался я, как обзавестись копией видеоматериала.

В ночь на среду, 1 мая, выехал на Смоленщину, благо, билет на поезд до Сафонова был приобретен мной заранее. Автобус от Сафонова до Васина отправился по расписанию и часов в девять уже подходил к монастырю. Издали увидел побеленный верх Святых ворот, что говорило о том, что началась активная подготовка к празднику – Дню преподобного Герасима. В дом приюта реставраторов с трудом попал, так как пришлось будить поселившихся в нем работников. Выяснилось, что в Ю-3 комнате жила бригада из Смоленска. Активность в организации работ проявил игумен Антоний. Для работ на Святых вратах он пригласил бригаду из трех человек во главе с Андреем Копейчиковым, который отлично зарекомендовал себя в прошлом году при выполнении кровельных работ на часовне. Для выполнения хозяйственных и общестроительных работ игумен Антоний мобилизовал группу отряда «Поиск», который действовал при военкомате в Сафонове. Отряд уже несколько лет занимался раскопками на полях сражений Великой Отечественной войны с целью поиска останков погибших для захоронений. Костяк отряда составляли учащиеся ПТУ, руководителем отряда был общительный, работящий майор Александр Николаевич Шалаев. Как постепенно выяснилось, отряд был приглашен в Болдино и для более важного дела, чем занимались ребята в день моего приезда. Накануне, 30 апреля, работали они на Болдинском кладбище, сделали раскоп на месте выделенного нами в прошлом году места предполагаемого захоронения останков, перенесенных в 1921 году при вскрытии на месте раки преподобного Герасима в южном приделе Троицкого собора Болдина монастыря. Участники работ рассказали, что копали они в спешном порядке, так как их торопил игумен Аркадий. Возможно, о. Аркадий торопился с отъездом в Вязьму, а возможно, просто было желание выполнить работу до дня ожидаемого моего приезда. Как впоследствии услышал я из уст игумена Антония и насельников обители, в раскопе было вскрыто несколько слоев захоронений. Из всех вскрытых останков был выбран череп с парчой и остатками кожи и маленькие ножки с остатками кожи и ногтей, говорили инициаторы работ, будто цитируя мои пересказы слов Тита Петровича Новикова, участвовавшего во вскрытии раки преподобного Герасима в 1921 году. Все указанное увез сразу после работ игумен Аркадий, как сказали мне, для проведения экспертизы, так что мне увидеть находки не удалось. Естественно, меня очень озадачила суетливая поспешность в столь важном деле, но не верить участникам раскопок у меня не было оснований, а рассказанное свидетельствовало толь-

ко о том, что Тит Петрович точно указал место, где было перезахоронено извлеченное большевиками из-под раки в Южном приделе Троицкого собора. Фотографий и видеofиксации, которая вроде бы велась, мне посмотреть по горячим следам не удалось по причине технической невозможности, но не увидел я их и позднее.

Первую половину дня приезда выслушивал и выспрашивал информацию о столь неожиданном для меня инициативном действии со стороны духовенства. Во второй половине дня принялся за подготовку площадки для посадки картофеля, приходилось выбирать много камней и корней сорняков. Погода стояла холодная, и с посадкой можно было бы не спешить, но я старался полноценно использовать все непродолжительное время своего выезда. Намеченную работу выполнил только на следующий день, к вечеру 2 мая. Посадил около 170 маленьких картофелин в семь борозд. Каждую лунку унавозил, а между лунками посеял бобы и фасоль, как вычитал в одном пособии для начинающих огородников. С внешней стороны картофельной площадки сделал грядку для цветов.

Земляные работы выполнил вовремя, так как в ночь пошел дождь, который накрывал и с утра 3 мая. Под дождичек надеялся поработать в помещении с чертежами, но неожиданно в Болдине появился Николай Колпачков. Он уже хлопотал об организации работы летнего студенческого отряда и приехал выяснить на месте ситуацию с размещением и с организацией питания отряда в новых монастырских условиях. От Николая я узнал, что есть сложности и с финансированием работ отряда, так как выделенные на работы деньги в Смоленск не переведены. Я пообещал Николаю дать из Москвы телеграмму от ЦС ВООПИиК о наличии финансирования, чтобы в Смоленске не тормозили организацию отряда. Привез Николай показать и замечательные цветные фотографии, сделанные американскими волонтерами в прошлом году. Прихватил Николай и бутылек, так что хорошо посидели мы, любясь фотографиями и обсуждая насущные вопросы в компании с иеромонахом Иоанном, который оставался один в Болдине из сельников, и с Андреем Копейчиковым. Проводили Колпачкова на вечерний рейсовый автобус, что отправлялся около четырех часов. Дождик к этому времени прекратился, так что я смог заняться посадкой цветов на грядках, проложенных с внешней стороны периметра огорода.

Отъезд из Болдина был у меня запланирован на субботу, 4 мая, благо, была возможность выехать днем, о чем заранее договорился я с Валерием, супругом Надежды Савкиной, который был на вездеходе. Субботнее утро порадовало хорошей погодой, так что засеял семенами цветов подготовленные грядки, а с южной стороны, напротив водяных ворот ограды монастыря, посадил гладиолусы. Около часа дня выехал на вездеходе из Болдина, в Сафоново был около четырех часов. С трудом удалось взять билет в общий вагон Калининградского поезда, но повезло захватить верхнюю полку и поспать до Москвы, дома был около одиннадцати часов.

Следующий выезд в Болдино был у меня запланирован ко дню памяти Преподобного Герасима. На этот праздничный день был намечен приезд в монастырь владыки Кирилла. Получалось так, что я на День Победы смог быть в Москве и хоть один праздничный

день провести дома. Этот день памяти и моего отца, скончавшегося в 1949 году, поэтому утром сходили с Ольгой на Преображенское кладбище, где посадили цветочки. В первой половине дня была прекрасная погода, а после обеда поливал дождь, так что сидели дома, да нужно было и в дорогу собираться. Билет на ночной поезд купил заранее. Из дома вышел, как обычно, за час до отправления поезда, в 23:30, неожиданность подстерегала меня у входа в метро на станции «Семеновская». У вестибюля стояли пожарные машины и машины скорой помощи, вход в метро был заблокирован, не работала вся линия метро. Мне пришлось срочно принимать решение о новом маршруте до Белорусского вокзала. Попытался найти такси, но вскоре понял, что это бесполезно. Задумался даже о переносе выезда на следующий день, но вовремя спохватился и решил доехать на трамвае до станции метро «Преображенская площадь», благо, эта станция находилась на другой линии метро. Трамвай, к счастью, подошел быстро, и через три остановки оказался на Преображенской площади. Доехав на метро до станции «Комсомольская», перебежал на станцию кольцевой линии и вскоре вышел к Белорусскому вокзалу. До отправления поезда оставалось минут пять. Вскочив на подножку девятнадцатого вагона, радостно выдохнул: «Еду!» Не спеша прошел по полупустым вагонам состава до своего вагона № 4 и погрузился в сон на нижней полке, моему блаженству не помешала даже холодрыга, царившая в вагоне.

В Сафоново поезд пришел по расписанию, не было накладки и с автобусом на Васино, так что около девяти часов утра был я в Болдине. На территорию монастыря вошел через побеленные Святые ворота. Разместившись на территории монастыря в привычном месте обитания, пошел посмотреть на перемены. В Болдине были игумен Антоний, иеромонах Иоанн и Александр Сычев. О. Антоний сообщил мне, что днями планировалось заседание Священного Синода, на котором его должны были утвердить настоятелем Болдина монастыря, что меня, естественно, очень порадовало. Обошли с о. Антонием весь монастырь и поговорили о первоочередных работах. Было очевидно, что срочно нужно заниматься жильем, для чего отремонтировать бывший дом казначея и корпус монастырской гостиницы. Зашли в храм, в котором иеромонах Иоанн готовил помещение к праздничной службе, очередной раз ощутили мы малую площадь помещения и были единодушны, что нужно делать хороший прируб, площадью порядка 40 м². Александр Сычев красил рамы в бывшей просфорне, которая приспособлялась под монастырскую трапезную.

Обедали в «белом» доме. За трапезой совершенно неожиданно были мы буквально ошеломлены радостью, да такой, что просто захватило дух. Появился местный житель, Анатолий Вещунов, которого все местные называли только по вороватой кличке Кирзик. Он вызвал Александра, который, пожалуй, больше всех из новых насельников монастыря, общался с местными жителями. Через некоторое время Александр вызвал о. Антония. Оказалось, что Кирзик привел мужичка из Полибина, который вскапывая огород около дома выкопал завернутые в мешковину пять серебряных Богослужебных предметов. По рассказам участников переговоров, я понял, что нашедшие клад решили передать найденное в монастырь, но просили в качестве компенсации ящик водки. Завершились переговоры тем, что по просьбе игумена Антония о. Иоанн выдал им 1000 р. и бутылку водки. Вот такое Чудо свершилось в Болдине в преддверии Дня Преподобного Герасима Болдинского Чудотворца. Даже при первом осмотре непочищенного набора церковной утвари всех поразил крест, на котором была вычеканена дата – 1780 г. – и

клеймо Смоленского мастера. Вечером на автобусе привезли в Болдино гуманитарные посылки для церкви из Австрии (С Новым Годом !?). С этим автобусом уехали игумен Антоний и о. Иоанн, захватив для приведения в божеский вид обретенное богослужбное серебро.

Во второй половине дня мне удалось подготовить несколько грядок на огороде у дома казначея. Вечером чаевничали с Александром, вкушая австрийские сладости.

Одиннадцатого мая была суббота, и из Сафонова на рейсовом автобусе приехали две женщины наводить порядок в просфорне, приспособленной под трапезную. До вечера они выскребли потолки и полы двух помещений новой трапезной и подготовили утварь для приготовления пищи. Я немного помог Александру делать аналой для храма, а в основном копался на грядках у дома казначея. К началу вечерней службы подъехал о. Иоанн с Андреем, что по-прежнему помогал на службе в Болдине.

Воскресным утром в Болдино приехали гости из Калининграда. Как скоро выяснилось, приехали навестить о. Иоанна его мама и младшая сестра, которой было лет четырнадцать, но одета она была по-монашески. С ними приехала и тетушка о. Иоанна, которая предполагала переселиться в Болдино. Иеромонах Иоанн разместил их в своей келье в «белом» доме, а сам с Андреем вновь обосновался в угловой Ю-3 комнате бывшего казначейского дома. К вечеру подъехал в Болдино игумен Антоний, мне он поведал, что Синод утвердил его настоятелем Болдина монастыря, с чем я его и поздравил.

В понедельник, 13 мая, наконец-то районные организации выделили технику для подготовки дороги для подъезда к монастырю. Подправили дороги с северной и западной стороны монастыря, песок возили из карьера, что был в Полибине. Понемножку подъезжал и народ, прознавший о подготовке к праздничной службе. С утренним автобусом из Сафонова приехал о. Стефаний, второй священник на приходе у о. Антония. Во второй половине дня из Дорогобужа на двух автобусах приехали ученики воскресной школы и прихожане. Часов в пять из Вязьмы приехал игумен Аркадий. Мне было интересно поговорить с ним о раскопках на болдинском кладбище. Он не сомневался в том, что на кладбище были обретенны мощи прп. Герасима, так как все извлеченное из земли соответствовало пересказанному мной повествованию Т.П. Новикова, участника вскрытия раки преподобного в 1921 году. Я даже пожалел о том, что о. Антоний не оставил найденное в Болдине, но настораживала меня поспешность и скрытность всего содеянного. Я сказал о. Аркадию, что его уверенность убеждает меня в обретении извлеченного при вскрытии раки в 1921 году, но требуется анализ для подтверждения того, что это есть останки пожилого мужчины, погребенного в середине XVI века.

В шесть часов началась вечерняя служба с торжественным крестным ходом, что особенно порадовала присутствующих, так как небольшое помещение храма не вместило всех собравшихся. После службы вечерняя трапеза в «белом» доме, накормлены были все, но, естественно в несколько заходов. Пообщался я с Шалаевым и бойцами возглавляемой им группы «Поиск». Все единогласно утверждали, что процесс раскопок на болдинском кладбище тщательно фиксировался, но обещанных материалов я так и не увидел. Подошел ко мне С.Р. Турченков, который днем немножко вспылал, увидев работу бульдозера у западной стены ограды монастыря. Ему показалось, что будет нарушена проезжая дорога, проходящая в этом месте на Слободу, где он жил. Вечером, увидев подсыпанное и облагороженное полотно дороги, решил принести извинения за поспешную горячность. Естественно, ни у кого не было и в мыслях чем-то нарушить жизнь бол-

динцев, тем более, частенько насельникам монастыря приходилось обращаться к ним за поддержкой. Так и в этот праздничный день многие паломники на ночь были устроены в домах местных жителей.

В праздничный день, во вторник 14 мая, церковные хлопоты в храме начались часов в шесть утра, которые продолжились освящением воды у колодца, что за оградой монастыря, недалеко от Святых ворот. Весь процесс возглавлял игумен Аркадий. Владыку Кирилла ждали к девяти часам, и все духовенство к этому времени было уже у Святых ворот. В полной готовности были многочисленные корреспонденты и съемочная группа Сафоновского кабельного телевидения. Реставрация ворот, которые были построены в конце XIX века на месте деревянной надвратной церкви Святителя Николая, была завершена дня за два до праздника, и их проем еще не имел навесных закрывающихся полотен. Появившуюся около девяти утра машину владыки на въезде в Болдино встречал колокольный перезвон. Молодые помощники из группы сопровождения обеспечили вход владыки на территорию монастыря, где игумен Антоний встретил митрополита с замечательным древним крестом на подносе, чудесным образом обретенным в преддверии Дня памяти Преподобного Герасима Болдинского Чудотворца. Состоялся небольшой проход по пока еще не обжитой территории монастыря до храма, после чего и началась праздничная служба. Погода стояла хорошая, поэтому народ не набивался в помещение храма, которое было заполнено духовенством и вспомогательным персоналом. Тем более, что важные моменты в процессе службы происходили и вне стен храма, несмотря на то, что вместо ковровых дорожек прилегающая к храму территория была выложена половинками большемерного кирпича, выбранными из руин, взорванных фашистами древних монастырских сооружений. На службе владыка торжественно огласил Решение Священного Синода о назначении настоятелем монастыря игумена Антония Мезенцева. Естественно состоялся во время службы и Крестный ход с освящением храма Тихона Задонского. Молодого Антония, насельника Иоанно-Предтеченского монастыря в Вязьме владыка рукоположил на первой службе в Болдине монастыре в сан иеромонаха. Завершилась торжественная служба в первом часу дня. В небольшой трапезной в бывшей просфорне, как и в храме, мест не хватало для духовенства и прибывшего из Смоленска хора, поэтому я решил потрапезничать позже и отправился в дом казначая в свой приют для сбора в дорогу. Трапеза была непродолжительной, и вскоре в моей келье появился владыка Кирилл с игуменом Антонием. Я понял, что за трапезой они решили, не откладывая, поговорить о первоочередных заботах по реставрационным работам в монастыре. Не вызвала возражений первоочередная задача ремонта дома казначая для поселения в нем насельников монастыря. Одобрил владыка и мое предложение о начале работ по спасению корпуса порушенной деревянной монастырской гостиницы за оградой монастыря. Мне показалось, что не отреагировал владыка на мои предложения по консервации руин Троицкого собора, но поддержал предложение по воссозданию второго яруса трапезной палаты с церковью Введения. Беседу мы продолжили и, выйдя из кельи по пути к Святым вратам, где и распрощались.

После службы и легкой трапезы народ в Болдине не задерживался, быстро разъезжались машины и автобусы. Мне с трудом удалось устроиться в машину о. Николая и добраться до поселка Верхнеднепровского, откуда на автобусе доехал я до Сафонова. Удалось успеть на Калининградский поезд, и в одиннадцать часов вечера был я дома.

Следующий раз на Смоленщину я поехал на праздник Славянской письменности. Еще зимой Михаил Николаевич Громов подал от института философии АН СССР заявку с докладами на научную конференцию, которая проводилась в праздничные дни. Похлопотал Миша и о моем участии в Празднике. Его и мой доклады были приняты в программу, и нас включили в состав делегации от Фонда Славянской письменности и культуры. Из Москвы выехали в ночь на четверг 23 мая. К Смоленскому поезду были прицеплены два новых немецких вагона. Один вагон предназначался для делегатов от Фонда Славянской письменности и культуры, а второй – для писателей России. В Смоленске разместили нас в новой гостинице «Россия».

Первый день я провел в хлопотах по организации проведения реставрационных работ в Болдине в новых условиях. Побывал в реставрационной мастерской у Г.М. Аптекина, в Управлении культуры Смолоблисполкома и в областном Отделении ВООПИиК. Надо было определиться с заказчиком работ. Если с производством работ за счет средств епархии было ясно, то по финансированию из федерального бюджета и на средства ВООПИиК решили, что заказчиком должен выступать монастырь, т.е. настоятель монастыря игумен Антоний.

Праздник начался утром 24 мая в Успенском соборе, служил именник – митрополит Кирилл. Естественно, что в праздничные дни, до понедельника 27 мая, было много важных и интересных событий, но это тема для отдельного повествования. Особо хотелось бы только отметить, что в память всех, с кем довелось мне общаться, запали проповеди и выступления митрополита Кирилла, которые многократно звучали каждый день и всегда прекрасно выражали суть момента торжеств, поэтому вместо докладов, звучавших на двухдневной конференции, многие участники желали видеть напечатанными слова Смоленского владыки. С Михаилом Громовым особенно мы были тронуты освящением в субботу, 25 мая, храма Петра и Павла, древнейшего храма Смоленска, который был ювелирно вызволен П.Д. Барановским из плена обстроек XVIII века почти тридцать лет назад.

В воскресенье, 26 мая, праздновался и Троицын день, но на престольный праздник в Болдино нам выбраться не удалось, монастырь еще не был включен в места Смоленских православных и культурных достопримечательностей. В понедельник подводились итоги конференции, а вторую половину дня я бегал по кабинетам, чтобы решить основные вопросы по организации реставрационных работ в Болдине. Выпала у меня возможность позвонить в Болдино и поговорить с игуменом Антонием. Я порадовался, что он в монастыре и не оправдываются слова иеромонаха Иоанна, который говорил, что Антоний будет наезжать в монастырь раз в квартал. Вечерним поездом наша делегация выехала в Москву, и на Белорусском вокзале были в пять часов утра. Так что в ЭНИНе у меня получился полноценный рабочий день.

Минуло две недели с моего последнего выезда в Болдино, и в ночь на субботу, 1 июня, я опять в поезде на Сафоново, откуда привычным автобусным маршрутом еду до Болдина. На Смоленщине холодно и сыро, вода в Днепре поднялась.

У холма руин собора на лугу паслась коровка, а в отдельных местах монастыря трудились насельники и их помощники. На часах, видимо, было около девяти, прежде в это время народ еще спал. Иеромонах Иоанн красил рамы на окнах церквушки, игумен Антоний с Александром заграждали проем садовых ворот в восточной стене ограды мо-

настыря. Добровольные помощники хлопотали над обустройством парников у бывшей профсорни, которая использовалась теперь под трапезную.

Как вскоре выяснилось, корову на днях привели женщины из Издешкова, что километрах в сорока от Болдина. Вот так прихожане храма в Сафонове решили поддержать зарождающуюся жизнь в монастыре. Корова, звавшаяся Милкой, первые дни не желала признавать новых хозяев, но на помощь пришла местная жительница Варвара Деевна, долгие годы проработавшая на местной совхозной ферме, так что литров по пятнадцать молока стало ежедневно поступать на монастырский стол. Корове было семь лет и прошлый год она была яловая, а в этом году у нее под Рождество ожидался отел, так что надой должен был повыситься литров до тридцати.

Подойдя к дому казначая, я еще больше поразился, самый запущенный С-З угол сруба дома был разобран, кирпичный фундамент дома подремонтирован, и по всему периметру заменены нижние подгнившие венцы. Я расположился в своей непотревоженной келье. Порадовался, что начато спасение старого монастырского дома. Для работы по дому была приглашена бригада Андрея Копейчикова из Смоленска, а в помощь им прибыли ребята из Сафонова. К посадкам на грядках ребята отнеслись бережно, затоптали только часть грядок у самого дома.

Первым делом я взялся за наведение порядка с размещением монастырских находок, которые при начале ремонта дома были перенесены из средней комнаты северной половины дома казначая в подклет церкви Введения. Собрал в отдельные ящики все фрагменты изразцов, отдельные места были выделены для фрагментов надгробных плит и металлических изделий. Портреты партизан хранились в моей келье. Затем занялся составлением программы реставрационных работ с разбивкой запланированных финансов для согласования с игуменом Антонием, так как он теперь должен выступать заказчиком для Смоленских властных структур. Игумен Антоний сказал мне, что есть немного и монастырских денег, так как поступает помощь из других епархий и доброжелателей.

Завтракали и обедали все вместе, готовили женщины из Калининграда, втроем приехали они из Калининграда и помогали налаживать жизнь в монастыре уже больше недели. Высказывали они даже пожелание перебраться в эти края. Хорошо, что с питанием дело налажено и все довольны. Я привез свежего московского хлебушка и рыбных консервов.

После завтрака насельники монастыря во главе с игуменом Антонием занимались посадкой картофеля на вспаханном участке от дома казначая до дома настоятеля, что стоял у восточной стены ограды монастыря. Вспахана была целина, поэтому приходилось выбирать много дерну. Я, глядя на них, решил порыхлить всходы картошки на небольшом участке у дома казначая.

В воскресенье, 2 июня, бригада Копейчикова начала устанавливать леса у дома казначая. Во время небольшого перерыва я запечатлел всю бригаду с молодым помощником Дениской из Сафонова. Ребятам в Болдине понравилось, работали они уже две недели и поймали в болдинском пруду уже штук тридцать щук, поделились двумя щучками и со мной перед отъездом, так что в Москву привез я свежей рыбки.

К вечеру завершил составление программы работ, игумен Антоний подписал программу как настоятель монастыря, а я как руководитель реставрационных работ. Вечерним рейсовым автобусом приехал архитектор Виктор Архипов, с которым я и решил

переправить в Смоленск программу работ для согласования с Управлением культуры Смоленблсполкома, со Смоленским областным отделением ВООПИиК и с ССНРПМ. Основная цель приезда Архипова заключалась в составлении объемной ведомости на работы по южной части стены ограды монастыря, которую мы вместе внимательно осмотрели и набросали черновик объемов работ. На ночлег Виктор решил остаться в моей келье, так как с жильем стало туго. Даже иеромонаху Иоанну пришлось уступить женщинам из Калининграда свою келью в «белом» доме, а самому пристроиться в большой комнате восточной части этого дома, где останавливались все помощники из Сафонова. В моей келье Виктору показалось прохладно, поэтому до позднего вечера он протапливал печь.

В понедельник, 3 июня, утро у меня началось около пяти часов, благо, светало рано. К девяти часам изложил на семи листах перечень объемов работ по южной стене ограды монастыря и передал Виктору Архипову, который после завтрака, часов в девять, пошел на большак, с надеждой побыстрее добраться до Смоленска. Я решил задержаться в Болдине, рассчитывая обсудить Программу работ с новым начальником Дорогобужского реставрационного участка. Начальник так и не приехал, хотя около часа дня пришла большая машина с кирпичом для работы на южной стене ограды. Я решил воспользоваться подвернувшейся машиной для выезда из Болдина, передал игумену Антонию график заезда студенческого реставрационного отряда и зарубежных волонтеров, а также проектную документацию на заполнение всех проемов в ограде Болдина монастыря. Все указанные материалы привез мне из Смоленска Виктор Архипов.

Пообедав, в четвертом часу выехал на трейлере из Болдина, в Сафоново успел к Калининградскому поезду, и около одиннадцати часов был дома в Москве со свежей рыбой из Болдина. Привез с собой и несколько областных и районную газету с обширными статьями о праздновании Дня Преподобного Герасима в Болдине монастыре с бордюрами и обнадеживающими заголовками: «Да будут храмы из руин», «Божественная литургия в Болдинском монастыре» и т.д.

С возрождением жизни на территории монастыря почувствовал я, что нужно активизировать и работы по сохранению исторического наследия обители, сохраненного в руинах древних сооружений и в слоях земли за несколько столетий. Стал пытаться приспособливаться к новым условиям и чаще выезжать в Болдино, используя выходные дни. Постоянно держал связь по телефону с коллегами ССНРПМ, получившими финансирование на выполнение проектных работ по памятникам Болдина монастыря.

В ночь на субботу, 15 июня, очередной раз выехал поездом из Москвы в Сафоново. Автобус на Васино был заполнен пассажирами до отказа, пришлось стоять всю дорогу до Болдина. Чувствовалось, что народ потянулся к земле, городские жители стали вспоминать о местах своего рождения. Пустые прилавки в магазинах заставляли людей вспомнить о земле-кормилице. В Болдине, кроме меня, из автобуса вышел еще мужичок с сыном. Разговорившись с попутчиками, я узнал, что их «корни» в Бузанове, деревне, что находилась километрах в пяти от Болдина, но в памяти местных жителей хранилось только название места, где была деревня. Мои попутчики каким-то образом прослышали о появлении насельников в монастыре, и мужчина решил попытаться найти себе применение в благородном деле.

Добравшись до места моего приюта на территории монастыря, узнал я, что из-за отсутствия материала бригада Копейчикова дней десять работала в Сафоново и вернулась в Болдино только перед моим приездом. За время их отсутствия из леса привезли

штук двадцать хлыстов сухостоя для сооружения лесов у дома казначея, обеспечив им фронт работ.

Игумена Антония в Болдине не оказалось, сказали, что он поехал в Смоленск на встречу с владыкой Кириллом. Я направил свои усилия на облагораживание заросших сорняками грядок у дома казначея. Всходов благородных посевов было очень мало. Порадовали только хорошие кусты картофеля, окучиванием которых я и занялся в первую очередь. Заново пришлось мне сеять огурцы, морковь, свеклу, укроп и петрушку, в общем, провозился на земле практически весь день приезда.

В воскресенье, 16 июня, после Литургии попросил иеромонаха Иоанна дать мне возможность сфотографировать серебряные изделия, которые использовались при службе, так как не выходило у меня из головы Чудо их обретения перед днем памяти Преподобного Герасима. Иоанн облачился в праздничные одежды, и я сфотографировал его с крестом XVIII века у южной стены храма Тихона Задонского. Затем сфотографировал и весь серебряный набор, который Иоанн аккуратно разместил внутри помещения на подоконнике южного окна храма.

На грядках порадовал меня наконец-то декоративный мак, семена которого я привез в Болдино из Черняховска. Один бутон распустился большим красным цветком, было очень красиво! Многие стали запрашивать у меня семена этой диковинки.

Вечерним автобусом в воскресенье в Болдино приехал Виктор Архипов. В этот раз он задерживаться не стал, передал мне подписанный в Смоленске План работ по Болдину монастырю на текущий год, а я подписал процентки на выполненные проектные работы по Ю-В башне ограды монастыря и по памятникам на месте захоронения семьи Вистицких, что оберегались нами на территории Болдина монастыря. Так что на выполнение программы встречи нам хватило минут тридцать, и Виктор смог уехать на возвращавшемся из Васина рейсовом автобусе.

В понедельник, 17 июня, утром приехало руководство Дорогобужского реставрационного участка, новый начальник – Леньшин Глеб Николаевич, и хранительница участка – Татьяна Ивановна. С Глебом Николаевичем быстро решили вопрос с приютом бригады, состоящей из двух человек, для чего арендовали дом Рахмановых на месяц за 25 рублей. За месяц бригадир Игорь Николаевич Ряшенцев обещал построить сарай на участке, который он оформил для своего обустройства в Болдине. В этот же день вышел на работу и третий член бригады, новый каменщик Юрий, который подвизался жить при монастыре. Удастся ли ему сработаться с ветеранами Дорогобужского участка, покажет время.

Из Болдина выехал в кузове машины реставрационного участка, прихватив выловленных в монастырском пруду свежих карасиков и щучку, а также свеженького шавеля, которым заросла вся горка у «белого» дома. До Москвы доехал на вечернем Калининградском поезде, до отхода которого в Сафонове успел даже навестить книжный магазин, в котором обычно удавалось приобрести новинки, недоступные в Москве.

На начало июля был запланирован съезд ВООПИиК в Костроме. По инициативе сотрудника ЦС ВООПИиК А.С. Уранова, проникшего после посещения Болдина монастырскими делами, я был избран делегатом на съезд. Созвонившись со Смоленском,

выяснил, что до отъезда в Кострому мне необходимо наведаться в Болдино для проверки работы по стене ограды, да и грядки у дома казначея, подумалось мне, нуждались в уходе.

В ночь на пятницу, 28 июня, выехал на Смоленщину. Из-за буднего дня поезд шел почти пустой, автобус на Васино тоже не был заполнен на автовокзале. Только на выезде из Сафонова подседа в автобус женская бригада из прихожан Сафоновского храма, в основном пенсионного возраста. Возглавляла бригаду староста общины Нина Кузьминична Золотухина. Вся бригада направлялась в Болдино для помощи по огородным делам. Нина Кузьминична сказала мне, что батюшка, т.е. отец Антоний, не может выехать в Болдино, так как служит в Сафоновском храме, молодой священник в отпуске, а отца Стефания перевели в Вязьму. К нашему приезду народ на территории монастыря уже трудился, что было очень отраднo видеть. В монастырском хозяйстве были видны и перемены, появилось порядка сорока кур. Так что теперь насельники и трудники будут обеспечены молоком и яйцами.

В работах на стене ограды особых изменений я не увидел, кирпич, завезенный в мой прошлый выезд, практически не был использован, видимо, что-то помешало плодотворной работе. Почти всю пятницу провел я на грядках в борьбе с сорняками, немного порадовали только первые ягоды клубники. В субботу, 29 июня, утречком решил пройти на горку к С-В от территории монастыря, где обычно лакомились мы земляникой. Ягод было немного, разрослась высокая трава. После завтрака пошел в лес в направлении Ульяновой дачи, это к югу от монастыря. Хлопоты на территории монастыря в последнее время не давали мне возможности пройтись в полюбившийся лес, но в этот день в монастыре было спокойно, поэтому впервые в этом году решил я совершить лесную прогулку. В большом лесу тоже земляники было мало, поэтому перепадало только в рот, так что дарами природы для дома не запасся.

Выехать из Болдина планировал в субботу на вечернем рейсовом автобусе, но часа в четыре прошел сильный грозовой дождь. Видимо, поэтому рейсового автобуса не было, хотя небо прояснилось и светило солнышко. Постояв минут пятнадцать на остановке, решил идти пешком по накатанной дороге, часа за три дошел почти до проходной ЗАУ. Давненько не приходилось мне пешком преодолевать этот маршрут, в раздумье о судьбе древней Земли. Только у гиганта отечественной химии нагнал меня «Москвич». За рулем сидел главный инженер Дорогобужского района электрических сетей. Он приезжал в Болдино по проблемам электрики, так что в дороге до поселка мы хорошо поговорили и о близких мне проблемах сельской электрификации. Рейсовые автобусы уже не ходили, такси не было. Только благодаря новому кооперативу, который начал организовывать ночные автобусные рейсы, доехал я часам к десяти на «Икарусе» до Сафонова. В Москву попал рано утром в воскресенье, 30 июня, а вечером сядился в поезд на Ярославском вокзале, и ехать мне предстояло уже в восточном направлении.

Съезду ВООПИиК в Костроме предстояло решать вопросы всероссийского масштаба, но я всегда помнил, что только благодаря этой общественной организации с 1966 года до дней начала социальных и экономических преобразований в нашей стране, удалось вести работы по вызволению из руин памятников Болдина монастыря. В Костроме было много интересных встреч и общений, но я большую часть времени проводил с делегатами со Смоленщины, с которыми можно было поговорить о проблемах Болдина. Возглавлял Смоленскую делегацию председатель областного отделения, доктор истори-

ческих наук профессор Д.И. Будаев, один из наиболее почитаемых преподавателей у студентов исторического факультета, которые многие годы составляли костяк реставрационных отрядов в Болдине. В Смоленской делегации был и Николай Николаевич Колпачков, который, будучи студентом, возглавил один из реставрационных отрядов, а в трудный период отказа ССНРПМ от студенческих отрядов добился их возобновления, за что я ему был особенно признателен.

После возвращения со съезда я чувствовал, что надо выбраться в Болдино дня на четыре, так как там уже должен был приступить к работе студенческий реставрационный отряд. На основной работе в ЭНИНе пришлось оформлять отпуск, так как запас отгулов был мной уже использован, да и накопившиеся производственные дела требовалось уладить, поэтому пришлось побыть в Москве.

Выехать в Болдино смог в ночь на субботу, 13 июля. На автовокзале в Сафоново встретился с игуменом Антонием, он отправлялся в Смоленск на встречу с владыкой Кириллом, но обещал в воскресенье быть в Болдине. На ходу порадовал он меня хорошей новостью – дом казначея полностью покрыт оцинкованным железом. Васинский автобус был наполнен до отказа, одних бывших болдинских жителей (Турченковых и Лосевых) было человек двенадцать, потянулись в родные края к земле новые городские обитатели Смоленска и Москвы.

На территории монастыря народ уже всюду трудился. Конечно, сразу бросилась мне в глаза новая крыша дома казначея. После завершения кровли открылась возможность работать практически во всех помещениях дома. Нетронутыми оставались только две кельи – Ю-3, где разместилась бригада Андрея Копейчикова, и Ю-В, где был мой приют, но там Андрей разместил своего младшего брата, который приехал помочь в благородном деле и получить настрой для поступления в церковное училище, куда он подал уже документы.

В центре восточной стены дома открыли старый дверной проем, вместо которого при перестройке дома в советское время было сделано окно. Новые открытия в стенах дома позволили реконструировать планировку монастырского жилого сооружения, которое имело четыре отдельных входа, по одному с каждой стороны, что обеспечивало изолированные входы в четыре помещения дома, каждое из которых имело две смежные комнаты.

Осмотревшись и обустроившись в доме казначея, пошел проведать студенческий отряд. В составе отряда было всего два новых человека, что меня очень порадовало, так как предстояло работать с опытными людьми. Порадовало и то, что на кухне тоже будут трудиться девочки, которые прекрасно проявили себя в прошлом году. Состав отряда в этом году разместился не только в «белом» доме, но и в доме Рахманова, куда ушли четыре человека. Дело оказалось не только в стесненности в «белом» доме, но и в том, что четыре бойца не приняли новых порядков, установленных насельниками монастыря в «белом» доме – курить нельзя, отбой в 23:30. Над домом Рахманова отшельники водрузили черный флаг с изображением черепа с костями. В помещении дома Рахманова все вещи были разбросаны, и стоял затхлый запах. Когда я сказал отшельникам о смраде в месте их обитания, они ответили, что этот смрад им ближе смрада «белого» дома.

Небольшие протестные настроения в студенческом отряде, к счастью, не повлияли на работу, отряд хорошо поработал, выполнив обмазку половины внутренней части стены ограды монастыря от Святых ворот до С-3 башни.

Знакомясь со сложившейся в Болдине ситуации, узнал, что накануне моего приезда в Болдино, видимо, автолавкой завезли спиртное, что привело к массовому зауглу рабочих и студентов. Не устояла от соблазна и группа церковного отряда, которую завез в Болдино о. Владислав, настоятель храма Петра и Павла в Смоленске. Игумена Антония в это время в Болдине не было, его оповестили о случившемся по телефону.

Игумен Антоний приехал в Болдино из Смоленска вечером в субботу на большой военной машине, такой подарок Русской православной церкви перепал из имущества военного ведомства при выводе советских войск из ГДР. С этой же машиной прибыл соборный дьякон и педагог-наставник церковной школы. Визит представителей епархии из Смоленска был вызван необходимостью разбора поведения группы церковного отряда, который после непродолжительной беседы решили отправить в Смоленск. Поработал отряд в Болдине недолго на очистке от мусора кирпичного фундамента дома настоятеля, сгоревшего в 1984 году. На военной машине из Смоленска привезли огромную армейскую палатку и походную кухню, что предназначалось для обустройства иностранного христианского волонтерского отряда, приезд которого ожидался в понедельник.

В воскресный день, 14 июля, в монастырском храме прошла очень торжественная служба, и было много местных и приезжих людей. Из Сафонова приехал женский хор, так что пение из открытых дверей храма разносилось по всей территории монастыря. Турченковы пришли всей семьей, крестили племянника Семена Родионовича.

Студенты в воскресенье не работали, рабочие участка похмелялись. Меня огорчило, что каменщик Юра, прибывший к монастырю и показавший свои профессиональные навыки, оказался человеком запойным. А я надеялся, что в бригаде реставрационного участка наконец-то будет работать надежный человек. Посмотрел я работы, выполненные на южной стене ограды, и очень хотел обсудить увиденное. Во-первых, с внешней стороны стены были выложены большие контрфорсы, о которых в оставленной Программе работ я даже не упоминал. Очевидно, что это было сделано для показа в отчетности большого объема выполненной кладки. Второе замечание заключалось в том, что бригада стала форсировать работы по выкладке стен мельничной (Ю-3) башни ограды, и кладка была выложена ряда на два выше порога дверного проема, про который, видимо, исполнители забыли. Сохранившиеся подоконники окошек башни в южной и западной стенах позволяли достаточно точно определить уровень пола и, соответственно, порога входного проема. Таким образом, требовалось срубить часть выложенной кладки. Неожиданное для меня начало работ по мельничной башне было приятно, но огорчила небрежность. Требовалось принятие мгновенного решения, так как проекта восстановления башни еще не было. В срочном порядке мне пришлось сделать чертежи решеток на два окна первого яруса башни.

Сафоновские женщины после службы и непродолжительной трапезы потрудились на картофельном участке, обирали колорадских жуков. Из Болдина они уехали рейсовым автобусом, что для меня было приятной новостью. В транспортном хозяйстве было принято решение ввести по воскресным дням и по дням больших православных праздников дополнительный дневной рейс автобуса между Сафоновом и Васином. Во второй половине дня прогулялся я в лес. Погода стояла сухая и грибов практически не увидел, поклевал лишь немного землянички.

В понедельник, 5 июля, ожидался приезд начальника Дорогобужского реставрационного участка, Глеба Николаевича, для составления процентовки на работу, выпол-

ненную студенческим отрядом. С утра я составлял с Николаем Колпачковым перечень выполненных работ с указанием их объемов, и с приездом начальника оперативно решили мы все вопросы по работе студенческого отряда, а по работе тружеников участка он не был готов к разговору и спешил вернуться в Дорогобуж, так как ждал приезда начальства из Смоленска.

Вечером начальник участка приехал с Г.М. Аптекиным и А.К. Вознюком. Григорий Матвеевич готовился уйти в отпуск и решил совершить объезд всего хозяйства. В Дорогобуж он приехал после посещения Ельни. Я, естественно, пригласил к разговору настоятеля монастыря и считал своей главной задачей убедить Григория Матвеевича, что ситуация в монастыре принципиально изменилась и нужно содействовать более масштабному разворачиванию работ и не опасаться за сохранность строительного материала, завозимого в Болдино впрок. Григорий Матвеевич с моими доводами соглашался, что вселяло надежду. Его, конечно, поразило сделанное в монастыре за год – внешний вид приведенных в божеский вид Святых ворот, храма Тихона Задонского, просфорни, преобразованной в трапезную, и, разумеется, начатый ремонт дома казначея, который многие годы служил приютом для реставраторов без должной заботы о нем. В действующий храм мы даже зашли, но особых эмоций гости не проявили, видимо, были слишком далеки от церковной жизни. Игумен Антоний в разговоре с гостями был довольно сдержан, по всей вероятности, больше желая услышать добрые слова о проделанной в монастыре работе.

Из Болдина выехал я по окончании рабочего дня в понедельник на машине реставрационного участка. Перед отъездом поговорил с игуменом Антонием и передал ему в дар несколько фотографий монастыря 1920-х годов, чем очень его порадовал. Привычным маршрутом добрался до дома к утру вторника, 16 июля.

О последующих выездах в Болдино в июле-августе у меня сохранились не очень обширные записи, так как дневник заполнял по памяти уже в сентябре. Видимо, в монастыре не было времени и условий для констатации событий, а в ЭНИНе все мысли были сосредоточены на завершении обширной методической работы, обобщавшей многолетние труды нашей группы в лаборатории Элетросистем. Кроме того, в это время в стране была достаточно нервная политическая ситуация, что тянуло к действию, а не к записям.

В Болдине был я с субботы, 27, по понедельник, 29 июля. На территории монастыря первым встретился мне игумен Антоний, который после обмена приятными словами настоятеля с гостем, поведал мне любопытную историю. Студенты, копая яму для хранения гашеной извести на территории монастыря у восточной стены ограды, т.е. метрах в 15 восточнее абсиды церкви Тихона Задонского, нашли керамическую головку, похожую на черта. Игумен Антоний предположил, что на месте поселения Преподобного Герасима было капище. Я, конечно, побежал сразу к студентам, и они принесли мне находку. Сначала и я был озадачен, но при внимательном рассмотрении находки понял, что она не керамическая, а песчаная и высказал предположение о ее очень глубокой древности. Вот тут-то ребята не удержались и раскололись. Это было их творение для розыгрыша, к чему они принаоровились на археологических практиках.

За время моего отсутствия бросающихся в глаза изменений на территории не произошло. Студенты трудились на обмазке стены ограды, бригада реставрационного участка занималась на южной стене ограды, команда Андрея Копейчикова работала внутри

помещений дома казначея. На раскопках руин собора никто не трудился. На грядках у дома казначея огурчики еще не появились, слишком поздно посеял я семена. За этот приезд ходил в лес за малиной и сварил почти четыре литра варенья, так что домой вернулся с дарами природы.

По телефонному звонку командира отряда Николая Колпачкова выезжал я в Болдино в ночь на пятницу, 9 августа. Студенты уехали из Болдина до моего приезда, оставался только командир. Он ожидал автобуса из Смоленска для отправки бытового инвентаря. За период с моего последнего выезда в конце июля событий произошло много, в дневник я записал, видимо, только наиболее запомнившиеся впечатления, которые и привожу в изложении.

Первым делом мое внимание было обращено на реставрационные работы на ограде монастыря, и сразу бросилась в глаза ошибка, допущенная при выкладке утраченной части южной стены. Отдельные участки стены, выложенные вновь, не сходились по порядковке на три ряда. Новую кладку необходимо было разобрать. Конечно, моя критика была встречена в штыки, начали шуметь каменщики, а к ним присоединился и начальник участка. Основным их аргументом было то, что настоятелю монастыря работа понравилась. Я не знал, видел ли игумен Антоний работу и говорил ли одобряющие слова, но для меня была очевидна грубая ошибка, причина которой крылась в том, что древнюю кладку стены в XVIII веке вели не строго по уровню, а местами следовали рельефу местности, что не учли не очень опытные в реставрационных работах каменщики. Мои аргументы все же учли, часть новой кладки разобрали, и реставрация была продолжена.

Первый августовский выезд запомнился и тем, что мне пришлось покинуть келью в доме казначея. Бригада Копейчикова завершила работы по северной половине дома, где все было готово к отделочным работам, и начался ремонт в южной половине дома с Ю-3 кельи. Чтобы не тормозить работу бригады, я принялся освобождать и свою, Ю-В келью, перенося вещи в подклет церкви Введения. Игумена Антония в Болдине не было, а без него я не решился искать себе новый приют.

В первый же день обратил я внимание и на то, что в Болдине трудились незнакомые молодые люди, которые занимались очисткой от кустов и бурьяна руин Троицкого собора. Это были волонтеры иностранного отряда, погода стояла пасмурная, поэтому на территории монастыря они появлялись не часто. В один из дней, при переносе вещей из кельи в подклет церкви, увидел я на соборе пару, работавшую даже при небольшом дожде. Я подошел к ним. Дивчина оказалась из Швейцарии, из города Базеля, и говорила на немецком языке, немного говорила она и на нашем языке. Мне пришлось воскрешать в памяти немецкие слова, что сохранились в голове спустя почти десять лет со времени сдачи кандидатского минимума. Словом, кое-как мы начали беседовать, а она тут же переводила своему другу. Я немного рассказал им о соборе, показал фотографии и полихромные изразцы, которые хранились в подклете церкви Введения, что вызвало у них большой интерес. Очень жаль, что у отряда не было постоянного наставника, а насельникам монастыря заниматься с ними не было возможности и, видимо, особого желания. Организацией приема волонтерского отряда, как мне представилось, занимались по комсомольско-молодежной линии.

Молодые иностранцы вели себя в Болдине очень непосредственно. В субботний день я вышел утром к пруду и вижу картину – сидят на лавочке две обнаженные девоч-

ки, видимо, они обсыхали после купания. Да, наша деревня не приспособлена для иностранцев, нет раздевалок, душа и т.д. Монастырские труженики рассказывали, что долго объясняли иностранцам, как пользоваться нашим сортиром, чтобы не провалиться в «очко».

В первый августовский выезд уделил я внимание и огороду, погода стояла благоприятная, окультуренный участок у дома казначея радовал плодоносящей зеленью и желтыми огоньками цветов календулы по периметру, уродилось много огурцов. Николай Колпачков поведал мне, что для монастырских нужд огурцы собирали ведрами. Да и я, готовясь в дорогу, рано утром в понедельник, 12 августа, собрал килограммов десять. Уродились огурцы трех сортов, больше всего огурчиков было сортов «Изящные» и «Либбела». Огурцы сорта «муромские» тоже порадовали, но по форме они были пузатые и быстро желтели. Кроме огурцов, собрал много зелени и накопал картошки, так что рюкзачок мой был набит под завязку.

Порадовало меня и то, что метрах в тридцати к Ю-В от казначейского дома, плотники из Васина начали воздвигать баню, сруб для которой был им заказан в мае. Часов в одиннадцать подъехал игумен Антоний с бригадой штукатуров, он предложил мне разместиться в маленьком помещении (предназначенном под кухню) в восточной части «белого» дома, но в ней ютились две иностранки, которых пришлось выселить. Оказалось, что иностранцы поселились в «белом» доме без ведома настоятеля, после отъезда студенческого отряда. Конечно, условия в доме были лучше, чем в палатке, но они заняли места, которые предназначались для приехавших штукатуров. Игумену Антонию самому пришлось выносить вещи иностранцев, и было печально смотреть на лица иностранцев. Вот такую нелепую ситуацию создали организаторы работы волонтеров, которые не учли, что в Болдине не только вызволяются из руин памятники архитектуры, но и началось возрождение монашеской общины.

Из Болдина я выехал на машине реставрационного участка в середине дня, успел даже на электричку от Сафонова до Вязьмы, надеясь пораньше приехать в Москву. Однако в Вязьме электричку на Можайск пришлось ждать часа полтора, но это время не прошло даром. На платформе встретил я Владимира Коваленкова, который ранее работал каменщиком в ССНРПМ и потрудился в Болдине при восстановлении колокольни. Он рассказал, что занимается возведением памятников погибшим солдатам, потребность в которых под Вязьмой была почти в каждом населенном пункте, и делает это по своим проектам. Я помнил о его вдумчивом отношении к работе в Болдине и пригласил поработать в монастыре на восстановлении угловых башен ограды. Вот такая неожиданная встреча была у меня в Вязьме. В Москве на Белорусском вокзале был я в десятом часу вечера.

6

Напряженные события в Москве во второй половине августа не остановили меня от выезда в Болдино, так как чувствовал я свою ответственность за происходящее в монастыре. Выехал из столицы поездом в ночь на субботу, 24 августа. К сожалению, по реставрационным делам поездка оказалась практически бесполезной. Работы на южной стене ограды не велись. Бригадир дорогобужского участка Игорь был в отпуске,

а каменщик Юра – в глубоком запое. Хорошо продвинулось только дело на доме казначея, сделали тамбур у входа в дом с западной стороны, и штукатуры завершали дело на южной и восточной стенах дома.

Запомнился мне выезд в основном путешествием на болото за брусникой. В день моего приезда заехал в Болдино директор совхоза с компанией и попросил меня проводить их к ягодным угодьям. До болота добирались мы на машине и в пути разгоряченно обсуждали возбудившие страну события путча. Директор совхоза, парторг хозяйства и женщины их компании высказывались за поддержку ГКЧП и наведения порядка в стране. Я высказал им свои впечатления о событиях в Москве, невольным свидетелем которых стал. Утром 19 августа я был, естественно, ошарашен первыми сообщениями по радио, но, когда услышал фамилии членов ГКЧП, понял, что эта кампания долго не продержится, так как среди них не было ни одного лица, пользовавшегося авторитетом у сограждан. По пути на работу видел танки, следовавшие по Ленинскому проспекту в центр города, но лица танкистов, выглядывавших из бронированных машин, были доброжелательными и веселыми. Чувствовалось, что стрелять и давить народ они не собираются. Затаилась в сознании надежда, что к вечеру все благополучно завершится. После работы с коллегами был на Красной Пресне, особого напряжения не чувствовалось, но отдельные активисты собирали всякий хлам для строительства баррикад. Решив, что все пройдет спокойно, мы отправились по домам, так как хотелось посмотреть пресс-конференцию членов ГКЧП, о которой было объявлено днем. После слов сопящего Янаева, который зачитывал текст с листка бумаги, дрожавшего в его руках, все окончательно прояснилось. Журналисты просто смеялись над сидящими за столом людьми, которые, видимо, не понимали, что затеяли. Однако события нагнетались, танки оставались в городе. На следующий день вечером я опять был на Красной Пресне. По-прежнему сооружались баррикады, и народу было больше. Было настроение праздничного спектакля, все ждали, когда же начнется штурм здания Верховного Совета. С трудом верилось, что будет штурм, но противостояние, конечно, было опасным – у кого-то могли и нервы сдаться. Так оно, видимо, и случилось, маневр военной техники на Садовом кольце народ принял за начало штурма. Люди бросились останавливать технику, в результате погибли три человека. На следующий день наступила развязка с праздничным завершением. Горбачев был вызволен из Фороса, и понеслись революционные преобразования, снос памятника Дзержинскому, опечатывание зданий ЦК КПСС и т.д. Обо всех московских событиях пришлось мне рассказывать по пути на болото, на обратном пути беседы были более приятными, так как урожай брусники был отличный и все были при ягодах. Так что денек выдался удачный, чему благоприятствовала и теплая солнечная погода.

Выбирался из Болдина я в понедельник, 26 августа, утром позвонил в Дорогобуж В.Е. Цуренкову, и он захотел проведать жизнь монастыря. Подъехал Владимир Егорович к обеду, потрапезничал с насельниками. По его настроению можно было надеяться, что он и в дальнейшем будет помогать становлению жизни в обители. Конечно, поговорил я с Цуренковым и о последних политических событиях. Он поведал мне, что демократы, в числе активистов которых был В.А. Кабанов, пошли атакой на старую гвардию, но открытых выступлений в Дорогобуже не было. Вспомнилось мне, что в самые напряженные дни Кабанов звонил мне в Москву по несколько раз на дню, интересуясь событиями в столице. По дороге от Болдина до поселка Цуренков признался мне, что решил уйти из властных структур, чтобы не попасть в заваруху. Настроился он перейти на

малое предприятие при котельном заводе. Сказал он, что считает себя лишь хорошим исполнителем и не готов бороться за власть. Сообщил мне Владимир Егорович и очень важную новость – 2 сентября планировалось начать работы по подъездной дороге от большака к монастырю. Я был очень удивлен столь оперативными действиями местных структур и просил показать проект перед началом работ, так как в монастыре об этом никто не знал.

Активизация работ в Болдине лишила меня полноценного отпуска, а тем самым нарушила мои ежегодные путешествия с супругой по достопримечательным местам Отечества. Проводил я Ольгу 2 сентября в санаторий в Светлогорск, а сам в ночь на субботу, 7 сентября, выехал на Смоленщину. Погода стояла прекрасная, что позволяло надеяться и на успешное завершение огородного сезона.

В Болдине ждала меня большая неожиданность, о которой рассказал мне по дороге в автобусе бригадир дорогобужского участка. Увиденное меня просто ошарашило. От большака в направлении поселения был прорыт огромный котлован, в котором дорожники решили проложить новый подъезд к поселению. Вернее, строители дороги начали прокладывать дорогу по колее, набитой находчивыми водителями в период непроходимости издавна существовавшей дороги. Проектировщики нового подъезда от Старой Смоленской дороги к Болдину не удосужились рассмотреть варианты ранее существовавших подъездов и принять разумное решение, а приступили к улучшению стихийно проложенной колеи, которая начиналась от самой высокой точки большака у Болдина. Для того чтобы выполнить дорогу, отвечающую правилам дорожного строительства, дорожникам пришлось срыть большой холм, в котором была проложена траншея, и делать насыпь высотой около двух метров при подъезде к монастырю. Сруб болдинского магазина оказался засыпанным почти до крыши, дорожная насыпь должна была перегородить основную дорогу населенного пункта, а для стока воды из восточной части населенного пункта заготовили три железобетонные трубы. Я сразу позвонил в Дорогобуж В.Е. Цуренкову и сообщил о сотворенной дикости. Владимир Егорович пообещал приехать в понедельник. Из насельников монастыря в Болдине был только Александр Сычев. В субботний день дорожники не работали, и вся могучая их техника – десять скреперов – стояла на территории монастыря, превратив обитель в гараж. Чувствовалось, что дорожники были заинтересованы только лишь в проведении большого объема земляных работ, что обеспечивало загрузку техники и эффективное освоение средств.

Пройдя по новой трассе дороги, у большака увидел людей, работавших в траншее, это были связисты, которые восстанавливали кабель связи, порванный дорожниками. Кабель связи несколько лет назад проложили вдоль трассы Старой Смоленской дороги и отметили указателями на поверхности. Этот кабель связывал Атомную электростанцию в Рославле с Центральным диспетчерским управлением в Москве и ущерб от повреждения кабеля за сутки оценивался связистами в 23 тыс. рублей. Ущерб, причиненный горе – дорожниками местному ландшафту, мне представлялось, просто не поддавался оценке.

Пытаться из Болдина предпринимать что-то для исправления ситуации с дорожным строительством не было возможности, да к тому же была нарушена в Болдине и телефонная связь, поэтому я для успокоения занялся хозяйственными работами, копал картошку на участке у дома казначая. Местные жители посоветовали мне отложить работу на огороде и поспешить в лес за опятами, которых уродилось очень много, и они уже целую неделю занимались заготовкой грибов на зиму. Благо, лес, где уродились опята,

был всего в 20 минутах хода к востоку от монастыря, и к вечеру я уже вернулся с полной корзиной грибов. На следующей день на монастырском столе был отличный грибной суп, который сварила Зинаида, заботливо опекавшая в то время монастырь во время наездов из Москвы. Килограммов пять отварных грибов я заготовил и для вывоза в Москву.

В воскресный день продолжил работу на огороде, накопив в общей сложности килограммов 150 картошки, и это с 0,5 сотки. Так что монастырская земля отлично отблагодарила меня за ее окультуривание. Удалось в воскресенье еще раз сходить за грибами, и мой запас отварных грибов увеличился до 15 кг.

Утром в понедельник, 9 сентября, я с нетерпением дожидался приезда дорожных рабочих. У бригадира приехавших рабочих удалось посмотреть мне том с проектной документацией на подъездную дорогу. Документация была выполнена кооперативом «Монолит», а в преамбуле было написано, что проект выполнен по техническому заданию Общества охраны памятников при Облисполкоме. Мне стало очевидно, что такую чушь мог написать только Пшеничный. Проект с точки зрения требований к производству дорожных работ, видимо, был выполнен квалифицированно, но без учета планировки населенного пункта и памятника архитектуры, вплотную к С-З углу ограды монастыря по проекту подходила дамба дороги. Я попросил дорожников приостановить насыпку дорожной дамбы. Цуренкова с начальником Дорогобужского дорожного участка, бригада которого выполняла работы, я не дождался, видимо, им требовалось осмысление моих замечаний. Не удалось даже поговорить по телефону, так как связь не работала. Решил ехать в Москву, чтобы из столицы попытаться навести порядок в сложившейся ситуации. Из Болдина отправился на автобусе с дорожниками. Из-за задержки с рейсовыми автобусами, думал, что не успею в Сафоново к вечернему Калининградскому поезду, но, к счастью, поезд тоже задержался минут на 30. Вот такая неразбериха была в стране, которую по полной программе ощутил я и в поезде. Плацкартный вагон, в который мне удалось взять билет, был без освещения, все пассажиры-мужики лежали, как потом выяснилось после основательной пьянки. Окна в тамбуре были побиты, в вагоне холод. Залез я на верхнюю полку и попытался отключиться от действительности. При подъезде к Москве народ стал пробуждаться и похмеляться. Оказалось, что весь вагон занимал сменный экипаж траулера, который ехал из Калининграда в Москву для отлета в Африку, где они ловили рыбку для страны. Около одиннадцати часов попал в свою квартиру, супруга отдыхала в санатории, поэтому пришлось самому распаковывать рюкзак с грибами, картошкой и луком, что являлось хорошим подспорьем для обеспечения дома в период смутных перемен. Естественно, вывести я смог лишь небольшую часть заготовленных овощей и грибов, все оставшееся пристроил на хранение в Болдине.

В Москве на следующий день с утра я связался со Смоленскими областными начальниками, ответственными за сбережение исторического наследия, в Управлении культуры и в Обществе охраны памятников культуры и высказал всем свое возмущение содеянным в Болдине за государственные средства по инициативе безграмотных хапуг. Звонком в ЦС ВООПИиК через А.С. Уранова удалось организовать телефонограммы в Смоленск с требованием приостановления дорожных работ в Болдине до согласования проекта. Тексты посланий подписал заместитель председателя Центрального Совета – Н.К. Корольков. В Смоленске быстро отыскали заказчика работ – Пшеничного – и пообещали прислать его в Болдино к следующему моему выезду. После нажимов из

Москвы чиновники в Смоленске зашевелились. В Болдино выезжало несколько комиссий, все возмущались, но непонятно было, что удалось им предпринять. Договорились о выезде очередной комиссии в Болдино 23 сентября.

В ночь на субботу, 21 сентября, выехал я на поезде до Сафонова. Автобус на Васино отправился по расписанию, так что к девяти часам был в Болдине. Видно было, что дорожные работы по-прежнему велись по выбранной трассе, но по сравнению с проектом все же значительно был понижен уровень насыпи у ограды монастыря. В субботу дорожники не работали, не видно было и рабочих на монастырской ограде, поэтому я смог спокойно заняться своими делами. Перетащил весь собранный урожай овощей из временного хранения в подклете церкви Введения в подполье дома Варвары Деевны Воронец, так как она жила в Болдине и в зимний период. К вечеру в субботу бывшие в Болдине насельники монастыря – Юрий и недавно приобщившийся Игорь Андреев, которого из-за его молодости все величали Игорек протопили новенькую монастырскую баньку. Очень приятно было попариться в свеженьком деревянном срубе.

Службы в монастырском храме временно не проводились, так как бригада Андрея Копейчикова приступила к сооружению деревянной пристройки, которую необходимо было завершить до наступления холодов. Этим объяснялось и отсутствие в Болдине монастырских старожил, служивших в Сафонове. Часов в двенадцать подъехали в монастырь на легковой машине игумен Антоний, иеромонах Иоанн и Александр Сычев. Мне очень хотелось обсудить с главными насельниками монастыря ситуацию со строительством подъездной дороги. По их реакции на мои замечания чувствовалось, что выполненная работа их устраивает, а, возможно, многое делалось даже с их благословения. Насторожил их немного только приезд комиссий, поэтому они стали делать вид, что дорожники делали все без их ведома.

Общаясь с насельниками монастыря, почувствовал я, что обострились отношения между настоятелем монастыря Антонием и иеромонахом Иоанном. О. Иоанн мне поведал, что написал владыке прошение о переводе его в Вяземский Иоанно-Предтеченский монастырь, где настоятелем был игумен Аркадий. Митрополит Кирилл благословил его переход в Вязьму, а игумен Антоний не желал его отпускать.

В понедельник, 23 сентября, утром приехал в Болдино начальник Дорогобужского реставрационного участка Глеб Николаевич для определения объемов выполненных по ограде работ и составления процентовки. Обсудил я с ним и подготовку к работам по восстановлению привратной палатки у Экономических ворот. Приезда комиссии из Смоленска ждал я часов до трех, а затем решил все же выехать из Болдина на грузовой машине с Глебом Николаевичем. В пути на Старой Смоленской дороге повстречали машину Управления культуры, поэтому пришлось возвращаться.

Пшеничный встретил меня почти объятиями, как лучшего друга, но я не подал ему и руки. На территории монастыря Пшеничный начальственным взглядом осматривал проделанные работы, у сооружаемой деревянной пристройки к храму начал даже делать замечание, совершенно не учитывая условия проведения службы в зимний период. Мне все же удалось направить наш разговор на проблему подъездной дороги и призвать гостей пройти посмотреть, что сотворено непродуманным решением. С Пшеничным приехал и начальник кооператива «Монолит», который сразу признался, что не было никакого технического задания на подъездную дорогу. Нарушение было явным, и Пшеничному нечего было и сказать. Он начал клятвенно обещать, что все будет пере-

делано, но не понятно было только каким образом и за чей счет. Я посоветовал ему ехать в Дорогобуж и утрясать все вопросы в Исполкоме и в Дорогобужском дорожном Управлении.

В Сафоново я попал только часам к семи, опоздав на дневные поезда и электричку до Вязьмы. Неожиданно на вокзале появился неведомый мне дополнительный дальний поезд из Калининграда. Я вскочил в первый попавшийся вагон, сказав, что не успеваю в свой последний вагон. Пробираясь по составу, видел я, что все вагоны пустые и все СВ. Решил я расположиться в одном из купе, блаженствовал, правда, недолго. Появился проводник и стал интересоваться моим билетом, не реагировал он на мое предложение ему заплатить, а предложил покинуть вагон в Вязьме. Узнав, что этот странный поезд прибывает в Москву в три часа ночи я не очень и расстроился. Из Вязьмы в Москву добрался я Полоцким ночным поездом и в седьмом часу утра вторника, 24 сентября, был дома, так что на работу в ЭНИН успел к началу рабочего дня.

День седьмого октября был красным днем календаря (День Брежневской Конституции), поэтому я решил воспользоваться этим нерабочим днем для поездки в Болдино, из Москвы выехал в ночь на субботу, 5 октября. Добравшись до Болдина рейсовым автобусом, застал на месте большое трудовое оживление, работала группа молодчиков из отряда «Поиск». Дел натворили много, полностью разобрали деревянную монастырскую гостиницу, о восстановлении которой был разговор с владыкой Кириллом в мае. Конечно, в основательно порушенном здании было много гнили, но были и хорошие венцы, часть из которых бригада Копейчикова использовала для сооружения прируба к церкви Тихона Задонского. Эскизный набросок деревянной пристройки к церкви был сделан мной еще в мае, а затем был сделан и чертеж, фрагменты заготовок к которому у меня сохранились.

Много материала от бывшей гостиницы было отправлено на сооружение хлева, недалеко от Экономических ворот у западной стены ограды монастыря, а подгнивший материал пополнял дровяной запас обители. Кроме ликвидации остатков монастырской гостиницы, бойцы отряда выкопали с установкой бетонных колец два колодца: один – у дома казначая, а второй – у просфорни. Видно было, что хорошо потрудились и бригада из Сафонова, были оштукатурены все внешние стены дома казначая, которые оставалось только побелить. Внутри дома покраской и побелкой занимался Алексей Иванович Гурзов, так что скоро у монашествующих будет возможность переселиться на территорию монастыря в стены, помнящие прежних обитателей.

Если с утратой остатков монастырской гостиницы приходилось мириться, то хмурый, расстроенный вид иеромонаха Иоанна меня настораживал. Для разговора удалось мне с ним уединиться на лавочке на берегу пруда, поведал мне Иоанн, что Антония он не может видеть и поэтому в монастыре жить не хочет. Я пытался его успокоить, говоря о том, что он первый иеромонах, поселившийся в возрождаемом монастыре, и со временем, конечно, будет назначен настоятелем. Он же не мог унять свою гордыню, не мог стерпеть обиду за назначение настоятелем монастыря игумена Антония, хотя понимал, что в сане иеромонаха он меньше года. Гурзов А.И. тоже чувствовал настроение Иоанна и, видимо, узрел наше сидение на скамейке у пруда и предложил вечером побеседовать совместно с Иоанном в моей келье. На беседу он захватил бутылочку кагора, возможно, это было сделано с благословения игумена Антония, который в это время находился в западной части «белого» дома. Беседа наша была продолжительной, но Иоанн был кате-

горичен в своих намерениях, говорил, что не сможет ужиться с Антонием. Часов в одиннадцать нашу мирную беседу нарушил Игорек, который был практически келейником у игумена. Он искал Алексея Ивановича для помощи настоятелю, сказал, что бабушке плохо, поднялось давление. До вызова скорой помощи дело не дошло, видимо, Гурзову, опытному доктору, удалось квалифицированно помочь игумену, и наступившая ночь прошла спокойно.

На следующий день, в воскресенье, 6 октября, занимался я в подклете церкви Введения наведением порядка в коллекции находок, перенесенных из дома казначея. Во второй половине дня обмерял Экономические и Садовые ворота ограды монастыря для составления чертежей на навесные полотна для их проемов. В понедельник попросил я настоятеля выделить послушников для расчистки от завалов основания палатки привратника у Экономических ворот, чтобы обеспечить фронт работ для каменщиков реставрационного участка. Я специально задержался в Болдине до вторника, чтобы в рабочий день пообщаться с дорожными рабочими. Телефон в Болдине периодически не работал, поэтому мне за все дни пребывания в монастыре не удалось связаться с Дорогобужем. На подъездной дороге существенных изменений не было, но в Болдино был завезен мощный каток, что говорило о подготовке к покрытию асфальтом подъездной дороги. Пшеничный своих обещаний не выполнил, и чувствовалось, что встряска местных чиновников возможна только путем воздействия чиновников столичных структур.

С начала рабочей недели, 8 октября, дорожная техника Дорогобужского Управления, как было, видимо, обговорено заранее, работала на территории монастыря. Было вывезено много накопившегося строительного мусора. В отдельных местах территории была предпринята попытка срезать напластования щебеночного мусора. Командовал дорожными рабочими Александр Сычев. В Ю-В части территории монастыря, у места сгоревшего дома настоятеля, мощная техника понизила уровень поверхности слишком сильно, и пришлось место подсыпать, чтобы не повредить кирпичный фундамент дома настоятеля. Пришлось напомнить Александру, что нужно внимательно наблюдать за техникой и контролировать весь собираемый грунт, так как в нем могут быть важные находки (фрагменты изразцов, кованые металлические изделия, целые древние кирпичи и т.д.).

Из Болдина я выехал на одном из мощных самосвалов дорожников, и очень добродушный шофер довез меня до автобусной остановки в поселке Верхнеднепровском. В Сафоново успел к Калининградскому поезду и около одиннадцати часов вечера был дома в Москве.

На следующий день стал названивать в Смоленск и Дорогобуж по поводу проложенного нового подъезда к монастырю, но пронять чиновников было сложно. Признавая допущенные ошибки, все в один голос говорили, что сделано очень важное дело. Понятно было, что новая дорога наконец-то обеспечит хороший подъезд к достопримечательному месту, но важно было сделать правильный вывод из свершившихся событий, чтобы отношение к историческому наследию и при появлении новых хозяев было вдумчивым и профессиональным.

Конечно, в Москве, даже при загруженности по работе на энергетическом поприще, мысли мои постоянно возвращались к болдинским проблемам.

Вновь выехать на Смоленщину я смог в ночь на субботу, 19 октября. Первая неприятность ожидала меня уже в Сафоново – автобус на Васино не ходил, пришлось до-

браться с пересадкой на рейсовых автобусах до проходной ЗАУ, а дальше на Болдино идти пешком. Прошел я немного, километра полтора, когда нагнал меня трактор «Беларусь» с тележкой. Агроном совхоза «Ставково» Евгений Шалаев ехал в свое поместье на Любиной горке, где был его зарегистрированный фермерский участок около 6 га рядом с бывшей совхозной фермой и выкупленный совхозный домик, единственный сохранившийся на месте прежнего небольшого поселения, называвшегося Монастырская горка. Попутчиками был заполнен весь кузов телеги, многие поверили в налаженное автобусное сообщение и стали брать в собственность землю, чтобы обжиться на покинутой родимой земле. Вылез я из кузова у начала новой подъездной дороги к монастырю. Взору моему предстала дикая картина: Старая Смоленская дорога вся в ухабах, а небольшой «аппендикс» подъездной дороги покрыт свеженьким асфальтом. Асфальтом залили и участок между дорогой и стеной монастыря, устроив тем самым место для стоянки машин у ограды. Поговаривали, что у насельников монастыря было желание проложить асфальтированные дорожки и по территории монастыря, но, к счастью, что-то остановило эту нелепую затею.

В пути узнал я также, что домик бывшего болдинского магазина выкупила поселковая семья под дачу. Мария с Николаем (к сожалению, не осталось у меня в записях их отчеств и фамилии, как и многих других достойных людей, содействовавших становлению порушенной обители) с первых дней возрождения жизни на территории монастыря прониклись этим Святым местом и решили даже обосноваться в Болдине. Как они будут обитать в домике, над которым нависла насыпь новой дороги, я не мог и представить. Кроме того, около домика не было и земли для обустройства прилегающей территории, а переносить дом они не собирались и начали обустраивать запущенное помещение под жильё.

Самое большое расстройство ждало меня при встрече с насельниками монастыря, от которых узнал, что иеромонах Иоанн уехал. К этому я был готов, но надежда на лучший исход, видимо, еще во мне жила. Порадовался я только тому, что насельники монастыря начали перебираться в дом казначея, и келью, которая предназначалась для Иоанна, занял новый насельник – Владимир Перерва, высокий, скромный молодой человек. Он учился в Смоленске в семинарии, и была надежда на его рукоположение. Первичный постриг (рясофор) приняли Александр Сычев и Игорь Андреев, которые получили новые имена, соответственно, Даниил и Иринарх. Настоятеля монастыря игумена Антония в субботу в Болдине не было.

В воскресенье с утра я ушел в лес, тошно было на душе. Решил пройтись до клюквенного болота. Ушел до завтрака, взяв с собой банку шпрот и хлеб, перекусил у родничка под Ульяновой дачей. С клюквой на болоте было плохо, а брусничкой удалось подкрепиться. День выдался отличный и лесной прогулкой смягчил я немного свои негативные впечатления первого дня. В Болдино вернулся после обеда, встретился с приехавшим игуменом Антонием. Он приехал с женщинами из Сафонова, которые должны были навести порядок в доме казначея для переселения всех насельников на территорию монастыря. Вечером игумен Антоний уехал, а я, общаясь с постоянными помощниками из Сафонова, как и они, сожалел об уходе иеромонаха Иоанна.

С утра в понедельник, 21 октября, удалось мне созвониться с Дорогобужем и поговорить с В.Е. Цуренковым, который по-прежнему работал в Райисполкоме и пообещал вывезти меня днем из Болдина. Так что в первой половине дня я смог обстоятельно

поговорить с бригадиром Игорем Ряшенцевым о начале работ на привратной палатке у Экономических ворот и по первому ярусу Ю-3 башни, а также собрать в дорогу рюкзачок с дарами природы. Перед моим отъездом появилась в Болдине грузовая машина с иеромонахом Иоанном и его тетей (Анной Васильевной), они приехали забирать вещи.

После обеда выехал я из Болдина с В.Е. Цуренковым. Привычным путем добрался до Москвы, домой приволок картошку, лук и тыкву.

Больше месяца не был в Болдине, держали рабочие дела в ЭНИНе, а на ноябрьские праздники было холодновато. Выехал из Москвы только в ночь на субботу, 23 ноября. Автобус до Васина не ходил, на перекладных добрался до проходной ЗАУ и пошел пешком в сторону Полибина, на половине пути нагнал меня автобус, на котором ехал директор совхоза «Ставково» В.А. Ефременков, который и выручил меня. Доехали вместе до Полибина, остановились у совхозной механической мастерской, где обычно устранялись неполадки на совхозных механизмах. Посидели в конторке, поговорили за жизнь. Василий Андреевич посетовал, что с совхозом дело совсем плохо, деньги в совхозной кассе есть только на один месяц, а дальше спасайся, кто как может. Разрабатывали они систему приватизации имущества хозяйства. Проговорили около часа, а затем он отправил меня на подремонтированном молоковозе в Болдино. За рулем был экономист совхоза, мой двойной тезка – Александр Михайлович. В совхозе он работал со времен директорства Н.М. Сивакова. Конечно, я бы добрался до Болдина и пешком, но попробуй пошагай по гололеду, так что я был очень признателен добрым старым знакомым.

Подойдя к «белому» дому, почувствовал опустошенность. Насельники перебрались на территорию монастыря в дом казначея. Обо мне они позаботились, перетащив мои вещи в более приличную комнату в С-В углу дома, где непродолжительное время жила тетя иеромонаха Иоанна. Мою бывшую, небольшую, но очень жаркую келью выделили рабочим реставрационного участка. Послушники все разбежались. В доме остался зимовать лишь каменщик Юрий, который разместился в соседней половине дома в маленькой жаркой келье. Я пытался согреть новую свою келью, но растопленная печь не справлялась с этой задачей, поэтому для создания комфорта воспользовался электрической плитой с кухни, чтобы не мерзнуть ночью. Посмотрел, что сделала бригада реставраторов. Были заложены фундаменты Ю-В и С-3 башен ограды, начаты работы и на привратной палатке у Экономических ворот, так что фронт работ на плюсовую температуру бригады был. Темнело рано, неотложных дел не было, поэтому решил я в Болдине не задерживаться и в воскресенье уехать, с вечера собрал рюкзачок, положив в него картошку и небольшую тыкву.

В воскресенье с утра был в храме. Из поселка на службу приехала Мария с Николаем. Я не очень рассчитывал выбраться с ними на их «Москвиче», так как они привезли еще троих женщин. Женщины после службы остались в монастыре решать с игуменом Антонием церковные дела, так как хлопотали о регистрации общины на поселке.

Пока поселковые женщины обсуждали с настоятелем свои проблемы, Николаю неуютно было без дел, и он от чистого сердца решил меня выручить и подвезти до поселка. Хорошо, что в Сафоново я успел к отправлению электрички, так как в последнее время трудно было рассчитывать на дальние поезда, набитые обычно до отказа. С двумя пересадками в Вязьме и в Гагарине добрался я до Москвы, дома был около десяти часов вечера.

После ноябрьского выезда на Смоленщину в минувшем году не был я в Болдине почти два месяца. Два раза сдавал предварительно взятые билеты на поезд. Цены на билеты подскочили раза в три. Желание поехать было, но 10 декабря при входе на территорию ЭНИИНа через ворота для транспорта поранил средний палец правой руки. Пытаясь затворить мощные металлические ворота, повредил подушечку пальца, хорошо не была задета кость. На перевязку в травмпункт ходил через день, больничный лист закрыли только в новом году, 11 января. Так что на Рождество Христово в Болдино не попал.

Выехать смог только поздно вечером в пятницу, 17 января. Решил побывать в монастыре на Празднике Крещения. В вагоне Калининградского поезда света и отопления не было, пол был залит водой, сверху свисали обгоревшие матрасы, видимо, тушили пожар. В вагоне промучился всю ночь, а утром в Сафоново пассажирам, сошедшим с поезда, пришлось пробираться к автовокзалу по сугробам, нанесенным за ночь. Рейс автобуса на Васино не отменили, но водитель сказал, что повезет только до Полибина. В Полибине все пассажиры дружно уговорили водителя продолжить путь, но техника от езды по сугробам перегревалась, и несколько раз приходилось останавливаться. С трудом удалось доехать лишь до развилки на Полежакино. В горку, до поворота на Болдино, пришлось пробираться по сугробам. Была у меня и попутчица Валя из поселка. Она пообещала напечь насельникам монастыря к Празднику пирогов, поэтому и решилась проделать непростой маршрут. Я, не заходя в монастырь, отправился в «белый» дом, где за зрителя оставался трудник Юрий. В моей комнате был полный порядок, только от морозов погибли три большие тыквы, которые я в ноябре еще надеялся переправить в Москву. Для согрева помещения сразу затопил печь, а для ускорения согрева позаимствовал электропечь в комнате реставраторов, которых в эти дни не ожидалось.

Обосновавшись в келье, отправился в храм, служба шла уже с шести часов. Насельников прибавилось, Владимир принял постриг, и теперь имя его стало Филарет. Из прежних насельников не увидел я Александра, оказалось, что он на стажировке в Смоленске, готовился к рукоположению в сан священника. Игумен Антоний поприветствовал меня во время службы.

После водосвятия освящались помещения монастыря. Настоятель показал мне свою келью в С-В части дома казначея. Приятно было видеть, как преобразилась небольшая комната, которая была обставлена мягкой мебелью, а в левом от входа углу красовался угольник с иконами.

После дома казначея ходил я по территории монастыря. Корова Милка уже обитала в новом хлеве, где насельники монастыря разместили и трех овец с бараном. Посмотрел я и на труды реставраторов на привратной палатке у Экономических ворот. Кладка была выполнена очень небрежно, а декоративные элементы карниза и пилястр выглядели просто безобразно. Позвонил в Дорогобуж сотруднице Дорогобужского участка и высказал свое возмущение и требование исправления дефектов. Во время братской трапезы поговорил с насельниками о житье-бытье. На кухне хлопотала землячка настоятеля, приехавшая из-под Чернигова на Смоленщину помочь становлению монастырской жизни.

Во второй половине дня на «КАМАЗе» привезли в Болдино бревна от разбираемого на поселке сруба закрытого магазина. Сначала хотели материал использовать для строительства церкви в поселке, так как там уже были зарегистрирована православная община, а служба проводилась в помещении поселкового Совета. Однако в поселке не был выбран участок для строительства храма, поэтому бревна сруба послужили толчком к началу работ по возведению на старом фундаменте дома настоятеля в Болдине монастыре. Кстати, в Болдине довелось мне в этот день встретиться с В.А. Кабановым, который, войдя во власть, приехал на служебной «Волге», отобранной, видимо, у уже бывшего первого секретаря РК КПСС В.С. Серых.

Темнело быстро, и я решил в Болдине не задерживаться и, переночевав, уехать в Москву, так как дел по реставрации не предвиделось. До вечерней службы собрал рюкзачок с плодами урожая с огорода. Испортилась только тыква, которую пришлось выбросить.

На вечерней праздничной службе повидался с Семеном Родионовичем и Анной Яковлевной Турченковыми. На службу из Сафоново приехал и А.Н. Шалаев с двумя «орлами» из гвардии поисковиков, так что за ужином выпили по рюмочке по случаю Большого Праздника. Ночевал я в своей келье под двумя спальниками и проснулся часов в семь по новому времени, так как в ночь на воскресенье, 19 января, стрелки часов перевели на час вперед.

В монастыре это обстоятельство не учли, и службу в храме начали по старому времени. Прихожанам пришлось ожидать целый час, а собралось человек семьдесят из Полибина, Васина и Верхнеднепровского. Все пришли с банками и бидонами запастись Крещенской водичкой, а ведь некоторым пришлось идти пешком по 6-8 километров, не надеясь на автобус.

Из Болдина выехал я дневным праздничным автобусом в 13:20. На горку, к автобусной остановке пришлось бежать по снежной целине, так как засиделись за праздничным обедом, сдобренным вкусными пирожками. Игумен Антоний должен был уехать в этот же день с Шалаевым позднее, работ по обустройству обители не намечалось, и я уезжал без особой озабоченности. В Сафоново приехал к отправлению электрички на Вязьму и с двумя пересадками на электричках добрался до Москвы, дома был около десяти часов вечера.

В феврале отмечалось столетие со дня рождения П.Д. Барановского. Мероприятия в Москве длились неделю, затем выезжал я в Смоленск на вечер памяти и в Ярославль, где провели 2-дневную конференцию. Впервые в эти дни имя Петра Дмитриевича прозвучало на всю страну.

В марте заглумили меня дела по составлению договоров на финансирование работ в ЭНИНе. Два первых месяца в году финансирования работ в институте практически не было, и пришлось существовать на старых запасах. Выручали и хлопоты супруги, которая, также лишившись гарантированного заработка в научно-исследовательском институте приторговывала шмотками, купленными на оптовых рынках.

В Болдино смог выбраться только в апреле, после того как узнал из разговора по телефону с С.Р. Турченковым, что в монастыре начали ставить сруб дома настоятеля. Выехал в ночь на пятницу, 17 апреля, чтобы застать в Болдине и рабочих реставрационного участка. Заранее отправил письма Г.М. Аптекину и В.П. Теслину с просьбой собраться в Болдине для определения программы работ с учетом того, что начальник реставрационного участка был уволен, уличенный в жульничестве.

До Сафоново добрался на поезде, несмотря на то, что стоимость билета выросла почти в пять раз и приблизилась к сорока рублям. Автобус на Васино, как выяснил я заранее, по пятницам ходил регулярно, поэтому до Болдина добрался без дорожных приключений. В автобусе из Сафоново ехала большая женская бригада во главе с Ниной Кузьминичной, на огородные работы в монастыре. В «белом» доме застал оживление, в большой комнате восточной половины дома жила бригада, монтировавшая сруб дома настоятеля. Замок на двери моей кельи был не тронут, так что в помещении было все в полном порядке. Братию монастыря застал в полном сборе. Познакомили меня и с новым молодым человеком, который решил приобщиться к монастырской жизни, звали его Александром. Получив высшее образование по медицинской профессии, работал он в Смоленске с А.И. Гурзовым, от которого и узнал о Болдине монастыре.

С игуменом Антонием обошли мы ограду монастыря и обсудили порядок организации работ. Он пожаловался, что реставраторы по работам с ним не советуются и делают то, что им хочется, сиречь, что им выгодно. О. Антоний попросил меня разметить план постройки амбара у просфорни, так как он решил перенести сруб, стоявший у «белого» дома, который в совхозное время предназначался под хлев. Эта работа возникла неожиданно, нужно было занять бригаду плотников, так как не было материала для работы по дому настоятеля, поэтому я оперативно и выполнил поставленную задачу.

Удалось мне в день приезда созвониться с Дорогобужем. Поговорил я с В.Е. Цуренковым о подготовке к открытию в Болдине мемориальной доски П.Д. Барановскому, которая была изготовлена в Смоленске и с февраля лежала в помещении Дорогобужского реставрационного участка. К сожалению, власти Дорогобужа ничего не предприняли для установки доски, хотя об этом и договаривались еще в январе. Связался я и с реставрационным участком, поговорил с Татьяной Ивановной о необходимости исправления дефектов на привратной палате у Экономических ворот, для чего был необходим приезд бригадира, пока я в Болдине. Попросил Татьяну Ивановну решить вопрос и с доставкой мемориальной доски в Болдино.

Бригадир, Игорь Ряшенцев, приехал утром в субботу. Я высказал ему все замечания по привратной палате, но серьезного разговора по работам на стене ограды не получилось, так как решать вопросы с финансированием и обеспечением работ материалом было необходимо с руководством ССРПМ. Кроме этого, Игорь не упустил и возможности включиться в теплую компанию бригады плотников, которая из-за отсутствия работы, устроила в «белом» доме праздник. Погода стояла теплая, и я решил потрудиться на огороде, до вечерней субботней службы подготовил к посадкам три грядки с восточной стороны дома казначея и разрыхлил две цветочные грядки с южной стороны дома.

Воскресенье, 19 апреля, был большой праздник – Вход Иисуса Христа в Иерусалим. На службу собрался народ из Дорогобужа, Поселка и Сафонова. Приехала на праздник и Зина с одного из приходов ближнего Подмосковья, община которого с первых дней помогала становлению жизни в монастыре. Передохнув после поздней праздничной трапезы, покопался я на цветочных грядах, где хорошо взошли тюльпаны, кустики декоративного мака и турецкой гвоздики. Посадил я и привезенные из Москвы луковицы гладиолусов.

Вечером в храме было торжественное событие, в монахи постригли Александра Сычева и Игоря Андреева. Александр обрел новое имя – Даниил в честь преподобного Даниила из Переславля-Залесского, а Игорь стал Иринархом в честь преподобного Ири-

нарха Соловецкого и в память предпоследнего настоятеля Болдина монастыря архимандрита Иринарха. Даниил, рукоположенный владыкой Кириллом в сан священника, теперь стал и иеромонахом.

На понедельник, 20 апреля, была договоренность приезда в Болдино из Дорогобужа Татьяны Ивановны. Ожидая ее приезда, я завершал чертежи по дому настоятеля для о. Антония, ранее я передал фотографии подлинного дома. Новый сруб монтировался на старом кирпичном фундаменте, поэтому периметр нового сооружения в основном повторял контуры старого здания, отступление было сделано только при закладке северной стены. Не сделали в новом срубе и проем для второго окна в южной стене, так как решили, что оно будет лишним в южной комнате, которую отводили под опочивальню настоятеля. Все выполненные чертежи я передал настоятелю.

Во время бесед в этот приезд узнал я, что часть совхозных полей за монастырским прудом оформлены в собственность монастыря, а часть полей отдали на пять лет в собственность фермеру Дельцову, и на полях фермера в субботу и в воскресенье до темна работала техника, готовили поля под посев.

Часа в два Татьяна Ивановна привезла мемориальную мраморную доску. Текст для доски, который я передавал ранее в Смоленск, оказался немного отредактирован – вместо слов: «...выдающийся сын Смоленщины...» было выбито: «...выдающийся архитектор-реставратор...». Это, конечно, звучало скромнее, и выдавало осторожную позицию чиновников, причастных к руководству культурными процессами на Смоленщине. К сожалению, из руководителей реставрационной отрасли Смоленска в Болдино за время моего выезда так никто и не выбрался, поэтому ситуацию с финансированием реставрационных работ из закровов Культуры выяснить не удалось.

Из Болдина выехал я после обеда на «Волге», которую епархия выделила монастырю. Удалось подвезти до Сафонова и попутчиков – Алексея Турченкова с сыном Сергеем, которые часто приезжали в Болдино помочь по хозяйству в родном доме. Настоятель монастыря преподнес мне к пасхе сливочного масла местного производства, творогу и яиц, что упаковал я в рюкзак, наполненный остатками прошлогоднего урожая картошки, сохраненного в погребе Варвары Деевны. В общем нагружен я был под завязку. В Сафоново подъехали мы к Калининградскому поезду, который по измененному расписанию отправлялся в 18³⁸, дома я был в первом часу ночи.

2

Думы об огороде в Болдине, который я начинал возделывать для обустройства территории около дома приюта реставраторов, напоминали о необходимости выезда в Болдино. Сигналов со Смоленщины о проблемах с реставрационными работами в монастыре не было. Дом приюта реставраторов уже стал постоянным жилищем для насельников монастыря, но у них земельных хлопот хватало на других запущенных участках территории обители. Кроме радости любования зеленеющим и цветущим участком возделанной земли, за последние годы ощутил я и овощной вклад в бюджет семьи. Поэтому дни Майских Праздников решил посвятить хлопотам на огороде в Болдине, благо, погода по прогнозам обещала быть хорошей.

К праздничным майским дням мне удалось присоединить и один день из накопившихся отгулов и выехать на Смоленщину на поезде в ночь на четверг, 30 апреля.

Продремал на верхней полке до 5:30, и солнечным утром проснулся в Сафоново. На автобусной станции узнал, что рейс автобуса на Васино отменен. До поселка Верхнеднепровского довез рейсовый автобус, а затем на рабочем автобусе, который в народе называли «дармовоз», доехал до проходной ЗАУ, до Полибина шел пешком, благо, было тепло и солнечно. Не я один оказался в такой ситуации, видны были передвигающиеся фигуры по всей дороге, пересекающей пойму Днепра. В Полибине повстречал директора совхоза Василия Андреевича, который пообещал подвезти меня до монастыря, когда освободится от утренней суеты в совхозном хозяйстве. Однако ждать я его не стал, а пошел по дороге в восточном направлении. Прошел около километра, «Москвич» нагнал меня около моста через речушку Сукромлю. Василий Андреевич был очень внимателен и любезен, в пути я понял, что ему очень хотелось выговориться. Поведал он, как 11 февраля случилась у него автомобильная авария. Ехал он по грунтовой заснеженной дороге от Милоселья в Болдино, и машина перевернулась, несколько часов он был без памяти. Помнил только как медленно замерзал, но сориентировался, увидев свет прожектора на колокольне Болдина монастыря, и с трудом добрался до ближайшего жилого дома Козловых. Местные жители доставили его в больницу с температурой 35 градусов. Чувствовалось, что от последствий аварии он не оправился и ко времени нашей беседы. Подвез он меня до Святых ворот монастыря, сказав, что спасением обязан этому Святому месту.

Обосновавшись в своей келье в «белом» доме, пошел я на территорию монастыря, где встретил иеромонаха Даниила. Игумена Антония в монастыре не было, он уехал на похороны монахини в Рославль. О. Даниил провел меня в трапезную, где управлялась землячка Антония, Елена. Накормили меня сытной пасхальной пищей, куличами и творожными запеканками, которые в Украине называют пасхой.

Никаких строительных и реставрационных работ в монастыре не велось, поэтому, затопив печь в келье, пошел я трудиться на огород у дома казначея. Два дня, не разгибаясь, готовил участок с восточной стороны дома к посадке картошки. Освободил землю от кучи кирпичного щебня и мусора. Только в субботу, 2 мая, смог начать сажать картошку. С утра навозил в тачке навоз от хлева и посадил около 200 мелких клубней в девять борозд.

В субботу встретился я и с игуменом Антонием, он приехал в монастырь только накануне вечера, так как выезжал на похороны еще одной монахини в Издешково. Обе скончавшиеся монахини во многом помогали становлению жизни в Болдине монастыре. С о. Антонием определили мы место крепления мемориальной доски, посвященной П.Д. Барановскому, на стене дома казначея, и я попросил его благословить трудника монастыря Юрия помочь мне укрепить доску.

После воскресной службы, 3 мая, занимался я совместно с Юрой креплением на стене дома мемориальной доски. Задача оказалось не столь простой, как нам казалось, не было у нас и соответствующего инструмента. Приложенные к доске штыри были очень длинные, поэтому пришлось их укорачивать, так как непросто было их вбить в стену из оштукатуренных бревен. При вколачивании штырей повредили немного резьбу на их внешних концах, которая была предусмотрена для накручивания бронзовых декоративных гаек, фиксировавших доску на штырях. Помучались, но работа была выполнена, чем внесли мы свой вклад в сохранении памяти о П.Д. Барановском в Болдине для грядущих поколений.

Игумен Антоний после службы уезжал в Дорогобуж на похороны еще одной монахини. Уходило из жизни поколение, которое свято хранило православные устои жизни и при оголтелом большевистском иконоборчестве местных жителей, и при оккупации иноземными пришельцами в период Великой Отечественной войны. К вечеру о. Антоний вернулся, и мне удалось поговорить с ним о планах реставрации и строительства в монастыре. Преподнес я ему и небольшие пасхальные подарочки, среди которых была пряничная доска с видом воссозданной монастырской колокольни. Доска была вырезана по моему рисунку из дерева Владимиром Бусаровым, коллегой по работе в ЭНИНе. Передал настоятелю и рецепт пряничного теста. Рассчитывал я, что изготовлением пряников заинтересуется Елизавета Петровна Малик, возглавлявшая успешный хлебозавод в городе Сафонове и активно содействовавшая возрождению православной жизни в Болдине монастыре.

За время моего праздничного пребывания в Болдине несколько раз связывался по телефону с Дорогобужем. С В.Е. Цуренковым, к сожалению, поговорить не получилось, но в секретариате районного Совета удалось узнать, что Дорогобужский Райсовет возглавил Владимир Анатольевич Кабанов, меня это немного удивило, но и зародилась надежда на особое внимание власти к Болдину, ведь Кабанов и сам здесь родился. Удалось поговорить и с Анной Ивановной Ашметковой, директором Дорогобужского музея. От нее я узнал, что в журнале «Край Смоленский» № 4 опубликовано начало моего очерка «Покров над руинами». Меня это порадовало, но удивило то, что никаких вестей из редакции я не получал с момента передачи рукописи в мае прошлого года. Не видел я и верстку материала. К необходимости визирования автором публикуемого материала, я был уже приучен сотрудничеством с другими редакциями, поэтому захотелось побыстрее увидеть опубликованный материал.

Из Болдина выехал в понедельник, 4 мая, на монастырской «Волге». С утра на «Волге» о. Даниил объезжал местные совхозы в поисках семян овса и ячменя для посева на монастырских полях. У меня было свободное время до 2 часов, которое я использовал для трудов на огороде и сбора в дорогу. В Москву прихватил остатки урожая свеклы, топинамбура и корневищ петрушки.

Во вторник была «Радоница» – пасхальное поминовение усопших – и из Болдина выехал я с о. Даниилом, которому предстояла завтра напряженная работа на кладбищах. В Сафонове на вокзале был задолго до отправления Калининградского поезда, удивился отсутствию очереди у кассы. Оказалось, пустили дополнительный поезд из Смоленска, так что с билетами проблем не возникло. Дома в Москве был в первом часу ночи.

На день памяти Преподобного Герасима выехал из Москвы поездом в ночь на среду, 13 мая. Намеревался выбраться в Болдино М.Н. Громов с группой культурологов, но поездку свою они отменили, так что поехал я один. Вагон был почти пустой, видимо, сказывалось подорожание билетов. В пути небольшая пьяная компания затеяла драку. Проводница, пожилая женщина, была напугана, бегала по вагону просила пассажиров прятать вещи. В Вязьме в вагон зашли милиционеры и забрали буйных пассажиров, так что до Сафонова ехали спокойно. Автобус на Васино, слава Богу, не отменили. Автобус был заполнен бригадой монастырских помощниц во главе с Ниной Кузьминичной. От нее я узнал, что игумен Антоний только вчера вернулся из Украины. Они вместе проехали на «Волге» в город Прилуки, на родину о. Антония, навестить родных настоятеля монастыря, так как ему сообщили, что тяжело заболела его шестнадцатилетняя племянница.

В монастыре я застал расстроенного игумена, которого кроме гнетущего настроения, вызванного тяжелым состоянием близкой родственницы, расстроила и бригада плотников, не выполнившая намеченную работу на доме настоятеля. Одного из «тружеников» о. Антоний решил выгнать, его-то я и застал в «белом» доме опечаленного и в подпитии. Вся бригада решила на праздничные дни уехать.

Погода с утра стояла весьма прохладная, на траве лежал даже иней. Я не планировал 13 и 14 числа копаться на земле, но настрой приехавших помощников изменил мои планы, и занялся я наведением порядка на огороде.

Вечером был в храме, народу собралось немного, человек 20. Из Сафонова приехал священник о. Павел Петровский – очень приветливый, душевный человек. Из местных на службе присутствовали только двое Турченковых. После службы пошел дождь, но порадовала яркая радуга, обогнувшая весь монастырь. Печь в доме утром я не затопил, а келья за время моего отсутствия остыла, так что было не очень комфортно.

Утром, в четверг, 14 мая, было малое водосвятие, к сожалению, день стоял пасмурный и прохладный. К праздничному обеду женщины напекли пирогов с повидлом, так что после службы за обедом с пирогами все хорошо согрелись. После обеда все отдохали, монахиня, которую о. Антоний привез из Прилук, выговаривала всем, что в такой большой праздник работать грех. Однако помощницы из Сафонова все же вышли на огород, дело-то не терпит отлагательств. Я с С.Р. Турченковым занимался улучшением крепления мемориальной доски, исправляя дефекты нашей работы. Семен Родионович в своем хозяйстве подобрал плашки, которыми мы поправили резьбу на всех штырях и надежно закрутили декоративные бронзовые завершения на всех штырях крепление доски к стене дома.

Начало мая было холодным, непогода сказывалась и на растениях. В прошлом году на День Преподобного у дома казначея распустилось много тюльпанов, а в этом году с трудом раскрылся лишь один. В пятницу и субботу весь монастырский народ трудился на земле. За благородным трудом на огороде я и сфотографировал насельников с помощницей Марией из Сычевки, где одно время служил на приходе о. Антоний. Я тоже копался в земле у дома казначея, облагораживая территорию с северной стороны дома, в чем мне помогал и инок Иринарх, постоянный житель этого дома. Работая на огороде, решил я сфотографировать и новую симпатичную шатровую сень над возрожденным колодцем.

В понедельник я должен был с утра быть на работе в ЭНИНе, поэтому из Болдина выехал утром в воскресенье, 17 мая, на рейсовом автобусе. За пять дней моего пребывания в Болдине билет на автобус до Сафонова подорожал и стал стоить 26 рублей, а совсем недавно стоил всего 55 копеек. Вот такое сумасшествие было в то время с ценами буквально на все. В Сафоново, в газетном киоске, купил я четыре экземпляра журнала «Край Смоленский» № 4. Наконец-то удалось мне увидеть опубликованный текст очерка «Покров над руинами». К сожалению, узрел я много досадных опечаток, а самое главное – сокращений в тексте. Да, чувствовалось, что с авторским правом в Смоленске считаться не принято. Из Сафонова выехал я ранним Калининградским поездом и дома был около семи часов вечера.

Перед следующим выездом в Болдино несколько раз созванивался со Смоленском по вопросу финансирования реставрационных работ в монастыре. Теслин В.П. от встречи отказывался, так как занимался ликвидацией последствий аварии в своей квартире,

Аптекин Г.М. пообещал подъехать в Болдино в понедельник, 1 июня, что и определило время моего нового визита на Смоленщину. Привычным путем, в ночь на пятницу, 25 мая, поездом доехал я до Сафоново и местным автобусом на Васино добрался до Болдина. В девятом часу утра был в монастыре. Насельники монастыря сажали картошку. В помощь были приглашены и двое из болдинских жителей, которые споро управляли кобылой, тянувшей плуг. В строительных делах – затишье. Узнал я, что бригада плотников, работавшая на доме настоятеля, сбежала, не предупредив даже настоятеля монастыря, видимо, возникли разногласия по оплате из-за обесценивающихся отечественных купюр.

В день приезда я, как и насельники, занялся огородом, пропалывал всходы картошки и готовил грядки для посадки огурцов и зелени. В огородных делах быстро пролетели дни субботы и воскресенья. За минувшие дни получил я лишь важное сообщение из Дорогобужа, позвонили реставраторы и подтвердили, что в понедельник придет Г.М. Аптекин.

С утра в понедельник, 1 июня, я собрался в путь до дома и в ожидании Аптекина повозился немного с собранием изразцов, отбирая фрагменты для фроттажей. Машина из Смоленска подъехала часов в одиннадцать. Григорий Матвеевич приехал с начальницей проектного отдела мастерской, с которой меня тут же познакомил. Обошел я с гостями территорию монастыря, обращая внимание на работы по ограде и особенно по привратной палатке у Экономических ворот. Посмотрев на кладку привратной палатки, Григорий Матвеевич резко сказал: «Разобрать». Он естественным образом выразил свое возмущение небрежной работой, но деньги за работу уже выплачены, а авторов работы уже и не сыскать. Остался один ответчик, бригадир Игорь Ряшенцев. Ему Аптекин при встрече сказал: «Исправляй или уволью по статье».

После осмотра выполненной работы перешли мы к обсуждению организации работ по программе «Наследие», в которой были заложены деньги на реставрацию ограды Болдина монастыря. Естественно, это обсуждение было совместно с настоятелем монастыря Антонием. Решили, что приемлем ранее принятый путь финансирования работ через ССНРПМ, но с принятием работ настоятелем монастыря. Переговоры продолжили за трапезой с тостами за успехи совместной работы.

Из Болдина я выехал на машине со смолянами. По пути решили заехать в Дорогобуж посмотреть работу бригады на памятнике архитектуры, который в то время мы называли «Магистрат». Мне важно было посмотреть работу бригады, которую Григорий Матвеевич предлагал использовать в Болдине. Качество работ было безобразным, да и весь объект был завален мусором, что не способствовало качеству реставрации. Я сказал, что такую бригаду в Болдино присылать не надо. Таким образом, организация работ теперь ложилась на монастырь и меня. По пути на Сафоново Аптекин предложил мне написать заявление о зачислении на работу в ССНРПМ и пообещал оплачивать работу по архитектурному надзору. Этот вариант меня устраивал, так как хоть частично помог бы компенсировать дорожные расходы. В Калининградском поезде на Москву была мучительная жара, до дома добрался я в первом часу ночи чуть живой.

Очень хотелось мне побывать в Болдине на главном Престольном празднике, который выпадал в этом году на 14 июня, да и думы об огороде не оставляли, поэтому в ночь на пятницу, 12 июня, ехал уже в поезде, а утром в девятом часу входил в монастырь. Практически весь народ занимался хозяйственными работами, а строительных и реставрационных работ не велось. Игумен Антоний показал мне только кровлю, вы-

полненную оцинкованным кровельным железом на участках восточной стены ограды монастыря. Покрыты были Садовые ворота и обрамления проема, оставленного для въезда транспорта на территорию монастыря. Над этим потрудились старенький кровельщик из Сафонова по заданию настоятеля. Выполнено было, естественно, без учета архитектурной специфики лишь для выполнения защиты от осадков. При мне кровельщик завершал работу, поэтому уже поздно было что-то менять. Вот так с каждым днем все отчетливее начинал проявляться утилитарный хозяйственный подход к историческому наследию в монастыре.

Взглянув на грядки у дома казначея, понял, что предстоит основательно потрудиться. Практически весь день приезда полон я грядки с прижившейся рассадой огурцов, которой в прошлый заезд поделилась со мной Анна Яковлевна Турченкова; начал окучевать кустики картошки и обирать с них колорадских жуков.

В субботу утром был я в храме – Родительская суббота – подал записочки на поминовение почивших родственников. В храме появилась очень хорошая икона Тихона Калужского, которую игумен Антоний привез из Вязьмы. Икона достойного письма в добротном киоте, происходила из храма села Дуброво, где уже не было общины. Появление этой иконы, как я понял, было вызвано тем, что настоятель познакомился с пожилой женщиной Варварой, жившей недалеко от Васина, кажется, в Деревеньщиках. Своим духовным отцом она называла иеромонаха Болдина монастыря Силуана, который был в Болдине до дней ликвидации монашеской общины в 1929 году. Она считала, что возрожденный в монастыре храм ранее был освящен в честь Тихона Калужского. Днем в субботу мне тоже пришлось повозиться на грядках, борясь с колорадским жуком, которого было очень много, чему, видимо, способствовала жаркая сухая погода.

В воскресенье утром было водосвятие на колодце, что около просфорни, ныне трапезной, это событие сфотографировал я на память. У дома казначея на Троицын день распустилось штук пять крупных красных маков, что внесло цветное оживление на территории монастыря. После службы немного поблаженствовал на скамеечке на берегу пруда у водяных ворот. Вернувшись на территорию монастыря, увидел Виктора Кулакова с супругой и двумя дочками. Он перебрался на постоянную работу в Хмелиту и возглавил музей, звонил он мне в Москву, и я помнил его обещание приехать на праздник в Болдино. Однако не все выполняют обещанное, так что их появление было для меня и неожиданным, с ними приехала и главная хранительница хмелитского музея. Пошли мы вместе по территории монастыря, сфотографировались, возможно, в семейном архиве Кулаковых сохранились и фотографии. После праздничной трапезы, когда в небольшом помещении в несколько заходов были накормлены все участвовавшие в праздничной службе, я сказал о. Антонию о своих гостях. Конечно, накормили и гостей из Хмелиты. Были щавельные щи, рыбные котлеты и чай с пирогами. Землячки о. Антония, трудившиеся на кухне, напекли замечательных пирогов с луком и капустой, и гости были очень довольны.

В праздничный день было много гостей. Часа в четыре заезжал в Болдино Иван Павлович Ларенков, директор совхоза «Васинский». Прослышал он, что в журнале «Край Смоленский» опубликован очерк о П.Д. Барановском. Ему сказали, что очерк написал зять Барановского, вот он и заехал познакомиться. Я ему все прояснил, но жила еще в народе байка, запущенная Т.П. Новиковым. Меня И.П. Ларенков помнил смутно, так как общались мы давно и не часто. Он порадовался пробуждению жизни в монастыре и посетовал на печальную судьбу совхоза, которому посвятил свои лучшие годы.

Вечером в воскресенье приехал в Болдино А.Н. Шалаев с командой в шесть человек, которые после ужина уложили на лаги кучу бревен, заготовленных для работы на доме настоятеля. Бригада бойцов приехала поработать в Болдине несколько дней.

В понедельник опять праздник – Духов день. Служил игумен Антоний. Иеромонах Даниил с утра повез бойцов Шалаева в Васино на лесопилку помогать пилить брус. Из братии в Болдине оставался только инок Иринарх, послушник Александр ушел пожить в миру. После службы созвонились мы со Смоленском, Аптекин сказал, что счет на пиломатериал оплачен, поэтому появилась надежда на скорое продолжение реставрационных работ по ограде.

Из Болдина выехал я часов в двенадцать, до поселка выпала возможность подъехать на машине добрых помощников возрождения обители. Они были очень рады, что сегодня служил о. Антоний. Иеромонаха Даниила в качестве священника они не воспринимали, так как продолжительное время видели его мирские замашки до рукоположения. Поведали они и о том, что он им как-то заявил: «Колики у вас в спине будут, а кланяться ему им придется». С тоской вспоминали они отъезд их Болдина иеромонаха Иоанна, которого провожали со слезами на глазах прихожане поселка Верхнеднепровского и ближайших населенных пунктов.

Из Сафонова до Москвы добирался на электричках. По времени в пути был дольше обычного, но более ранний выезд из Сафонова все же дал мне возможность раньше обычного быть дома в Москве, и дорога обошлась дешевле.

3

Созваниваясь из Москвы с Болдиным, я знал от иеромонаха Даниила, что пиломатериал для кровли ограды начали завозить, поэтому чувствовал, что надо побывать в монастыре. Привычным, почти 400-километровым, маршрутом добрался я в пятницу, 26 июня, до места назначения, в 8:15 был на территории монастыря. Солнечное теплое утро, в обители была тишина. У дома казначея вовсю цвели маки, а грядки с благородными всходами заросли сорняками и требовали полива. Скоро обитель начала пробуждаться и выяснилось, что настоятеля в монастыре нет, вот народ и расслабился. В гостях в монастыре был священник из Смоленска о. Владислав, который приехал за Троицкой водой со Святого колодца.

Обещанного пиломатериала в монастыре я не обнаружил и попросил о. Даниила связаться с леспромхозом, после чего было получено обещание доставить материал к вечеру. В пятницу в монастыре был банный день, и о. Даниил с помощниками занялся банными проблемами, нужно было натаскать ведрами воды в бочки и протопить печь. Так как были помощники, иеромонах Даниил решил сделать подсыпку утеплителя на потолке бани, а то прежде чувствовалось, что банька быстро остывает. Я занялся борьбой с сорняками на огороде, прерываясь передохнуть от физической работы, созванивался с Дорогобужем, чтобы узнать новости района и области. От В.Е. Цуренкова я узнал, что в Москву выехал В.И. Атрощенко по вопросам исторического наследия Старой Смоленской дороги. Это была хорошая новость, так как недавно в Москве мне удалось поговорить по этой проблеме с Иваном Кузьмичем Савельевым, известным поэтом и писателем, родившимся на Смоленщине. С 1990 года И.К. Савельев занимал

высокий пост руководителя аппарата комиссии по культурному наследию Верховного Совета РСФСР и обещал оказать содействие нашим начинаниям. Хотелось верить, что наши усилия будут поддержаны.

Во второй половине дня в монастырь на автобусе приезжала группа из поселковой больницы, было человек тридцать. Для них о. Даниил с о. Владиславом отслужили молебен у иконы Прп. Герасима. Во время молебна произошел необычный случай, в обморок упала девочка лет пятнадцати. О. Владислав окропил ее Святой водой и перекрестил, после чего она постепенно начала приходить в чувство. Присутствовавшие врачи были просто потрясены, а о. Владислав сказал, что в девочке бесы.

После молебна о. Даниил провел для гостей обстоятельную экскурсию с рассказом об истории обители. О. Владислав отбыл в Смоленск на большой военной машине, полученной Смоленской епархией после вывода наших войск из Германии. На машину было загружено три бидона Святой воды.

Вечером проследил за отгрузкой привезенного пиломатериала и продолжил работу на огороде, полил грядки. Пообщался с паренком по имени Женя, который в день моего приезда появился в монастыре в сопровождении матери. В монастырь он приезжал летом в прошлом году, а в этом году, окончив 8-й класс школы, прибыл с вещами, чтобы поселиться в монастыре. Поведал он мне о своих способностях рисовать и красиво писать, что должно пригодиться в монастырской жизни. Мне подумалось, что паренек случайный, но время покажет.

Первый трудовой день в монастыре завершил я в баньке. Приятно было похлестаться веничком и прогреться. После баньки попил чайку в компании с иноком Иринархом и трудником Юрием.

В субботу, 27 июня, с утра немного потрудился на грядках, а после завтрака выбрался на Любину горку. Земляники уродилось много, но созревших ягод было маловато. Прервал мое занятие звон колокола, позвавший на трапезу, ягод, однако, собрал почти литровую банку. К обеду подъехал и игумен Антоний, он был что-то не в духе. Досталось главным монастырским насельникам, иноку Иринарху и иеромонаху Даниилу за то, что приехавших без него в Болдино двоих ребят они поселили в дом на территории монастыря, а нужно было разместить их в «белом» доме.

Погода стояла хорошая, и в субботу после обеда решил я прогуляться в дальний лес, надеялся, что у Ульяна поживлюсь земляничкой, но ошибся, в лесу земляника еще не поспела, вернувшись на территорию монастыря, до начала вечерней службы успел полить грядки. На вечернюю службу в монастырь приехали три женщины, одна сказала, что из Молодилова, а это место на левом берегу Днепра выше по течению от Полибина было известно с давних времен своим гончарным промыслом. Женщина пожаловалась, что залежи глины у Молодилова проданы иностранцам и просила выяснить ситуацию. Вот такие события происходили на Земле Дорогобужской.

В воскресный день утром приехали потрудиться в монастыре солдаты из Сафонова, отряд человек двадцать пять. Половину группы о. Антоний поставил разбирать завалы печей в сгоревшем в 1984 году доме настоятеля монастыря, а других направил на очистку садка в С-З углу территории монастыря. Довелось мне познакомиться с предводителем солдат, капитаном Терещенко, который оказался энергичным, интересующимся человеком. Он пообещал привозить солдат с субботы на воскресенье каждый выходной. Погода начала портиться, накрапывал дождь, но это не помешало солдатам отлично поработать.

Я надеялся, что дождик польет грядки на моем огороде, но редкие капли только немного прибили пыль, поэтому вечером пришлось заняться поливом огорода, но мой трудовой порыв унял о. Антоний. Он подошел к огороду, и наша беседа затянулась часа на два. Пригласил он меня в свою келью, показал последние пожертвования доброжелателей: золотое кольцо с красивым камешком, обручальные золотые кольца, золотой крестик с цепочкой, золотые часы. Пожертвовали монастырю и кирпичный дом в Ельне. Все это говорило о поддержке людьми возрождения обители и готовности помогать доброму делу. Поговорил я с о. Антонием и о реставрационных работах, сказал, что на привратной палате у Экономических ворот Игорь Ряшенцев хорошо потрудился и исправил много грубых погрешностей, сделал обмазку стен, так что о разборе кладки говорить уже не поворачивается язык, да и увольнять Игоря было жалко, слишком много бед сразу свалилось на него. Договорились с о. Антонием поручить Игорю реставрацию Экономических ворот.

Выехать из Болдина я наметил в понедельник, 29 июня, поэтому встал пораньше и с утра собрал рюкзак в дорогу, из даров природы прихватил баночки с земляникой, а на огороде собрал две баночки клубники и зелень, нарезал даже букетик цветов турецкой гвоздики для супруги. Цветы гвоздики и декоративного мака очень украшали возделанный участок у дома казначея, удалось мне даже подготовить к следующим посадкам две новые грядки с северной стороны дома. Копаясь на огороде, обменивался я впечатлениями с двумя женщинами, трудившимися на посадках картошки среди яблонь. Обе женщины приехали на воскресную службу из Сафонова и остались помочь по хозяйству. Неожиданно одна из них, как узнал я позже, Нина Ивановна, сказала, что прочитала в журнале очерк «Покров над руинами» и ей очень захотелось пройти пешком от Дорогобужа до Болдина, как повествуется в очерке. Мне, конечно, было приятно слышать ее отзыв, а она была удивлена, что беседует с автором очерка. Вот такие интересные встречи случались в Болдине.

Часов в одиннадцать на грузовой машине приехали из Дорогобужа сотрудники реставрационного участка, которых осталось всего трое, поговорил я с ними о работах по ограде монастыря. Татьяна Ивановна предупредила меня, что уходит в отпуск и сказала, что для работ в монастыре можно использовать грузовую машину участка. Привезла Татьяна Ивановна процентовку и счет на работы, которые планировалось выполнить. Мне была непонятна предлагаемая финансовая операция, поэтому я сказал, что созвонюсь со Смоленском и все выясню, будучи в Москве.

Из Болдина выехал я с игуменом Антонием на «Волге», которая была закреплена за монастырем, в Сафоново прибыли около четырех часов, планировали посмотреть обустройство интерьера церкви, но дверь оказалась на замке, поэтому меня на машине сразу довели до железнодорожного вокзала. В Москву уехал я в общем вагоне калининградского поезда и около часа ночи был дома.

В Москве пробыл дней десять. Видимо, удалось мне выяснить вопросы с финансированием реставрационных работ в Болдине и не было неотложных дел в ЭНИИне, поэтому в ночь на пятницу, 10 июля, выехал я, как обычно, калининградским поездом в Сафоново. На автобусе до Болдина был у меня попутчик Пека, что попытался обосноваться в приглянувшемся месте у порушенного монастыря. Поведал он, что устроился на работу в новую фирму и теперь приходится мотаться ему в Болдино на выходные. Далековато Болдино от столицы, и стал он задумываться о продаже дома. За разговорами быстро

пролетело время, и около девяти часов я уже был в монастыре и, естественно, сразу решил посмотреть, что изменилось за время моего отсутствия. Настоятеля в монастыре не было, поэтому не чувствовалось активной деятельности на территории. Однако результаты работы были видны. У Экономических ворот вырыты шурфы с внешней и внутренней стороны, на воротах и привратной калитке навешены и покрашены зеленым цветом металлические заполнения. Запечатлел я и скотный двор, который ранее был построен недалеко от Экономических ворот, а в восточной части монастыря, на доме настоятеля, начали установку стропил.

В день моего приезда доставили кубов десять обрезных досок на стропила для кровли ограды. Насельники монастыря позаимствовали сенокосилки в соседнем совхозе и покосили траву на лугу у березовой рощи с восточной стороны монастыря и на поле за прудом. Я до середины дня собирал колорадских жуков и окучивал картошку на огороде, а после обеда пошел в большой лес. В лесу в траве земляника была крупной и места нехоженые, поэтому литровую банку я наполнил быстро и поспешил в монастырь, так как нужно было поливать огород, чтобы «оживить» повядшие огуречные кустики. Перед ужином приехал игумен Антоний с тремя женщинами со своего старого прихода в Сычевке, которые вызвались помочь управляться с монастырским хозяйством. Вечерком поговорил с игуменом. Антонием и иеромонахом Даниилом об оформлении финансовых документов при взаимодействии со Смоленской реставрационной мастерской, так как все особенности мне удалось выяснить в Министерстве культуры в Москве.

В субботу с утра продолжил наводить порядок на грядках, основательно заросших сорняками. После обеда пошел в дальний лес поживиться земляникой. На лесной дороге встретил Анну Яковлевну Турченкову с ее дочерью Любой и московским зятем Алексеем Алексеевым, который поработал на руинах колокольни Болдина монастыря, в середине 1970-х годов, приобщаясь к реставрационным работам в мастерской ЦС ВООПИК. Все члены семьи Турченковых хорошо знали ягодные и грибные места в лесу, поэтому у каждого были полны ягодами трехлитровые емкости. Как опытные лесные люди одеты они были во все белое, чтобы не заедали оводы и слепни, которых в лесу было тьма. Приятна встреча с близкими людьми; а Алексея я попросил подойти в монастырь, чтобы поговорить о реставрационных работах. В лесу особо задерживаться не стал, так как заедали кусачие твари, но литровую баночку земляники набрал. Вернувшись в Болдино, решил освежиться в монастырском пруду. Из Москвы уезжал я в холодную погоду, а на Смоленщине было солнечно и тепло, так что купание здорово меня взбодрило.

На вечернюю службу игумен Антоний поехал в Дорогобуж, там в храме Петра и Павла было навечерие престольного праздника. Повез его на монастырской «Волге» инок Иринарх, у которого появилось и послушание водителя. В Болдине с делами управлялся один иеромонах Даниил.

Вечером в монастырь зашел Алексей Алексеев. Я показал ему мемориальную доску в память о трудах П.Д. Барановского, с которым ему довелось пообщаться, работая в Крутицкой мастерской. Рассказал ему о планируемых работах на ограде Болдина монастыря. В Москве он работал на церкви Большое Вознесение, где была и бригада плотников, которую, при необходимости, можно было бы пригласить на работу в Болдино.

В воскресенье, 12 июля, игумен Антоний с иноком Иринархом утром поехал в Дорогобуж, а в Болдине опять остался служить один иеромонах Даниил. Однако, зайдя в храм, я неожиданно услышал незнакомый с четким выговором голос чтеца. Оказалось,

что приехала с подмосковного прихода Зинаида, а с ней молодой паренек Антоний, который, как выяснилось позже, решил приобщиться в Болдине к монастырской жизни, что вселило надежду на хорошее прибавление в братии.

После службы немного пообщался с солдатами, которые приехали из Сафоново с капитаном; небольшая группа солдат продолжила заниматься очисткой садка в С-3 углу территории монастыря, а в основном солдаты занялись подбором скошенной травы, которая за день хорошо подсохла. Вторую половину воскресного дня провел я в дальнем лесу, набрал еще почти полный литровый молочный пакет земляники, в Болдино вернулся часов в семь и занялся поливом грядок. За три дня мне удалось оживить на грядках повядшую зелень. Игумен Антоний вернулся из Дорогобужа очень довольным, сказал, что встречали его как владыку с колокольным звоном.

В понедельник, 13 июля, встал я пораньше, чтобы до завтрака подготовить рюкзачок с дарами природы к отъезду в столицу. К сожалению, за минувшие дни не позанимался я прорисью новых находок изразцов и благоустройством своей жилой комнаты. Собрал только письменный стол, выделенный мне иноком Иринархом, а прежний стол подготовил для использования в хозяйственных нуждах. После завтрака подъехали в монастырь на переговоры представители Дорогобужского строительного управления, которые хотели подрядиться на выполнение работ по кровле ограды. Мужички произвели хорошее впечатление, но сказали, что нужно составить смету, согласовать с плановым отделом Управления и т.д., в общем продемонстрировали всю закостенелость сложившейся системы организации даже простейшей работы. Я предложил настоятелю монастыря нанять двух-трех работающих мужиков и назвал ориентировочную заработную плату за 10 погонных метров кровли ограды порядка 2,5-3 т. руб. Сказал я о. Антонию и о возможности приглашения на эту работу бригады плотников из Москвы. Поговорил с игуменом и об организации работ по завершению и обмазке внутренней поверхности западной стены ограды, за эту работу готовы были взяться опытные ребята, проработавшие несколько сезонов в студенческих реставрационных отрядах. Возглавить группу бывших студентов, а ныне школьных преподавателей взялся в отпускной период Николай Николаевич Колпачков.

Из Болдина в Сафоново выехал я на монастырской «Волге» с о. Антонием и иноком Иринархом, до ЗАУ решил с нами подъехать и о. Даниил, который надеялся на заводе договориться о выделении грузовой машины для перевозки в монастырь заготовленного сена. Перед отъездом я с удовольствием искупался в монастырском пруду, а о. Антоний с иноком Иринархом ехали принять душ в комфортных условиях в Сафоновской квартире о. Антония. Скоротав часок в Сафоновской квартире, выехал я в Москву на Калининградском поезде и в первом часу ночи был дома.

Реставрационные работы по ограде монастыря и сооружению деревянного дома настоятеля на старом фундаменте хорошо продвигались, поэтому я пытался бывать в Болдине с перерывом дней в десять. Благо, неспешный ритм работы в летний период в ЭНИНе позволял мне отлучаться на пятницу и понедельник, но для этого, естественно, приходилось жертвовать полноценным отпуском, дробя его на отдельные дни. Так что следующий выезд я наметил на последние выходные дни июля. Давно собирался съездить со мной в Болдино мой старший брат Анатолий Михайлович, проведать, чем же я занимаюсь на Смоленщине. Из Питера в Москву он приехал заранее. Я предупреждал его, что снарядиться нужно по-походному, но ему не были знакомы российские деревен-

ские условия, так как, будучи капитаном дальнего плавания, он большую часть времени проводил в заморских странах. В столице он появился как для прогулки в Измайловском парке, хорошо известном ему с детских лет.

На Смоленщину выехали мы в ночь на пятницу, 24 июля, в плацкартном вагоне. Простынки для недолгого сна в не очень комфортных условиях я захватил из дома. В Сафонове в автобусе расположились на приличных местах, так что до Болдина добрались благополучно. Выходя из автобуса, повстречался нам иеромонах Даниил, который направлялся в Васино, для очередных хлопот по сельхозработам. В «белом» доме в своей келье я заранее предусмотрительно установил вторую койку со всеми постельными принадлежностями, так что с размещением брата проблем не возникло. Оставив брата передохнуть с дороги, пошел я на территорию монастыря, где народ уже трудился. Работали пять солдат и четверо историков-педагогов, для которых работа на древних порушенных памятниках монастыря стала очень близким делом. Работая в студенческих реставрационных отрядах, они освоили специфику докомпоновки выветрившихся кирпичей и за небольшой период в этом году успели уже облагородить около тридцати погонных метров внутренней поверхности западной стены ограды. С ребятами приехала и бывшая повариха студенческого отряда Оля, так что труженики позаботились и об организации своего питания.

После завтрака, оставив брата в келье восполнять ночной недосып, я с интересом выслушивал рассказы всех встречных, которые с удовольствием делились свежими впечатлениями от первого празднования Дня Антония в монастыре. Гостей было человек шестьдесят, из которых шесть священников. Пели хоры из Вязьмы и из храма Петра и Павла Смоленска, где настоятелем был о. Владислав. Небольшое помещение монастырской церкви Тихона Задонского было заполнено до отказа, а после службы в трапезной долго звучало: «Многая Лета!» В день моего приезда настоятеля в монастыре не оказалось, он рано утром уехал в Сафоново. Из гостей в монастыре задержался только иеромонах Лазарь, которому, как выяснил я позже, было 64 года, как и моему брату. Настоятель Антоний жил с ним ранее в одной келье в монастыре в Одессе, там у о. Лазаря в качестве послушания были заботы о цветах и саде на даче патриарха. Беседа с насельниками, обошел я всю территорию монастыря, порадовался отличному виду законченного объема дома настоятеля с выполненной обрешеткой стропил. Хорошо смотрелось большое слуховое окно в центре западной части крыши, чертеж крыши со слуховым окном я сделал, пользуясь старой фотографией. На доме работал Стас Дорожкин из Полибина, молодой паренек осваивал в монастыре навыки строительных и реставрационных работ. Поднялся я на чердак дома, который с большим слуховым окном выглядел прекрасным летним помещением, мансардой. Осталось покрыть крышу, и дом можно будет обживать. Завершив обозрение строительных и реставрационных свершений, занялся я прополкой на грядках и сбором жуков на кустиках картошки. Порадовался небольшими огурчиками, которые начали появляться, но явно требовали полива, так как стояла жаркая, сухая погода.

После обеда отправился с братом в дальний лес, дошли мы до Ульяновой дачи, кусты малины посохли от жары, дождя не было дней двадцать, поэтому из леса вернулись мы без даров природы. Показал Анатолию только хороший смешанный лес, и отведали мы водички из источника. К ужину приехал в монастырь настоятель и руководство военного гарнизона Сафонова. Игумен Антоний накрыл небольшой столик для новых гостей на

кухне в просфорне, где в узком кругу выпили немножко водочки с пожеланием доброго здоровья о. Антонию. Я подарил игумену пластинку с записью колокольных звонов в храмах Золотого кольца. То, что настоятель слушает записи на пластинках, я понял, побывав в его квартире в Сафоново в предыдущий выезд. После ужина занялся поливом грядок, так как жалко было смотреть на увядшую зелень. Перед сном искупались с братом в монастырском пруду, чем сняли усталость от изнуряющей дневной жары.

В субботу после завтрака пошли с Толей пособирать малину на просеку линии 10 кВ, что минутах в десяти от монастыря. Я привык заниматься заготовкой даров природы в Болдине, а для брата лесные хлопоты были не в обычае, поэтому он просто решил составить мне компанию, так как более интересного занятия в Болдине для него не было. Из-за жаркой погоды малины было немного, но литра два я набрал, немного пособирал и Толя. Вернувшись в монастырь, порадовались мы неожиданной новости. За время нашего отсутствия иеромонах Лазарь организовал работу по спасению засыхающего кедра, который мы называли кедр Иринарха, так как кедр был посажен у места захоронения настоятеля монастыря, скончавшегося в мае 1918 года. Кедр выжил в период разграбления территории монастыря, когда усыпальница архимандрита Иринарха была превращена в силосную яму, устоял при взрыве Троицкого собора немецкими оккупантами и еще плодоносил, но нижние ветки стали сохнуть после одного из неряшливых опылений совхозных полей сельхозавиацией в 1980-е годы. О. Лазарь сделал вокруг ствола кедра большую лунку, в которую с помощниками натаскал и вылил ведер сто воды. Помощники также спилили нижние сухие ветки кедра, помнится, что среди помощников был Сергей Героев из Сафонова, который позднее принял постриг в монастыре. Я от всей души поблагодарил о. Лазаря за это доброе дело, а вечером по его благословлению с братом подвез тачку навоза со скотного двора. Верилось, что кедр будет жить, а брат мой почувствовал, что тоже немного потрудился над оживлением территории обители. Хотел я сфотографировать о. Лазаря у кедра, но он отказался и сказал, что фотографируется, когда кедр зазеленеет.

Воскресное утро, 26 июля, было солнечным и привычно жарким. Был я с братом на службе в храме от начала до завершения. Народу было немного, и в церкви тихо и благодатно. После службы, немного перекусив, пошли с братом прогуляться. Решил я показать ему вид обители из-за пруда, где давно уже присмотрел самые интересные места для фотосъемок, сделал снимок панорамы монастыря, запечатлел на память и брата. Вернувшись в монастырь, увидели мы трудившихся солдат, которые продолжили чистку садка в С-3 углу территории монастыря, но основные силы они направили на стогование сена на лугу за прудом. У о. Лазаря было много хлопот в храме – крестины и молебен о здоровье одной маленькой девочки, которую привезли в монастырь родители. Иеромонах Даниил был в Дорогобуже, подменяя о. Николая, ушедшего в отпуск, а настоятель Антоний с иноком Иринархом уехали в Сафоново, готовить храм к престольному празднику Святого Владимира.

Вечером команда спасителей кедра занималась поливом кедра. Иеромонах Лазарь, основательно натрудившись за весь день, решил даже искупаться. Он своей активностью вносил новый дух в монастырскую жизнь в Болдине. Во время купания и трудов обсудили даже, как отвадить приезжих паломников от купания у стен монастыря, где еще со времен работы студенческих отрядов были устроены мостки и лавочка. Иеромонах Даниил уже не один раз предлагал огородить берег пруда у стен монастыря ко-

лучей проволокой, что, естественно, выглядело бы дико. Я предложил сделать указатель с местом купания на противоположном берегу, и о. Лазарь меня поддержал, пообещав даже сделать на противоположном берегу мостки для захода в воду лучше, чем у стен монастыря при выходе из Водяных ворот. Это будет очень хорошее решение, и все добрым словом вспоминят монахов.

До позднего вечера готовился я к отъезду в Москву, собирал морковку, свеклу, чеснок и подкопал немного молодой картошечки для домашнего стола. В день отъезда, в понедельник, 27 июля, встал я часов в шесть, чтобы успеть собрать первый урожай свеженьких огурчиков, которых набралось килограммов пять. Рюкзак заполнил дарами природы и с братом направились мы на большак к утреннему автобусу. На престольный праздник в Сафоново выезжали и насельники монастыря, так что уже в Болдине почти все сидячие места в автобусе были заняты. На утреннем автобусе в Болдино приехал Юрий Шорин, который должен был усилить бригаду историков-педагогов. В Сафонове были около десяти часов. Билеты на Москву удалось взять в общий вагон на Брестский поезд, который отходил в 11:46. До Москвы у нас ехал и попутчик из Болдина – Владимир, московский зять семьи Сальниковых, дом которых был почти напротив дома Турченковых на Слободе. Как выяснилось в дороге, работал он на заводе на Измайловском шоссе, по соседству с моим домом. Поезд шел более шести часов и только разговоры о знакомых Московских местах скрасили наш утомительный переезд. Домой с братом попали около шести часов вечера. Я был вполне доволен поездкой, так как работы в монастыре активизировались, и старший брат мой немного соприкоснулся со средой моих многолетних трудов.

4

Московские дни быстро пролетели в почти ежедневных выездах в Подмосковные города Дмитров и Талдом, где включали в работу нашу систему телесигнализации для электрических распределительных сетей 10 кВ. В поездках донимала жара, многие колодцы в местах командировок высохли, и воду в сельскую местность завозили цистернами. С тоской вспоминалось мне купание в монастырском пруду в Болдине, куда в очередной раз выехал я в ночь на пятницу, 7 августа. Автобус из Сафоново на Васино выехал почти заполненный. До Болдина ехали москвичи Пека с Наташей, были в автобусе и бывшие болдинцы Рахмановы Владимир с женой Валентиной и сыном Павлом. Они возвращались из Тулы, куда ездили по семейным хлопотам. За мое отсутствие чуть больше десяти дней реставрационные дела в Болдине хорошо продвинулись. Солдаты практически завершили сооружение кровли над южной стеной ограды монастыря, для полного завершения работ не хватило им немного теса на верхний слой кровли. Солдаты переключились на реставрацию внутренней поверхности южной стены ограды и доведения до кондиции привратной палаты у Экономических ворот. Педагоги-историки завершали обмазку внутренней части западной стены. Приступил к работам и бывший сотрудник Дорогобужского реставрационного участка Сергей Хоменко, которому была под силу не только докомпоновка утраченных элементов кирпичной кладки на внешней стороне западной стены ограды, но и более сложные работы. На всем протяжении поверхность стены делилась пилястрами на прясла, каждое из которых было украшено выложенным крестовым рисунком, а основание стены украшал декоративный цоколь.

Настоятеля монастыря в Болдине не оказалось, сказали, что он уехал с иноком Иринархом в Смоленск. На кухне хлопотала педагог-историк Ольга. Обеденные столы из трапезной были вынесены на улицу, так как в трапезной начали переключать печь. В монастыре гостили москвичи, приехала Наталия Петровна из Славянского фонда с сестрой и детьми. Они, правда, приехали не помогать по хозяйству, а немножко отдохнуть на природе. В день приезда я немного повозился на грядках, а потом с о. Даниилом составлял отчет о работе, выполненной педагогами-историками. Настоятель Антоний с иноком Иринархом вернулись в монастырь поздно вечером в пятницу.

В субботу у бригады историков планировался последний день работы, так что нужно было подготовить все к их расчету. Они привели в достойный вид 140 погонных метров стены ограды и за проделанную работу в монастыре им выплатили 28 т. руб., что соответствовало предварительной договоренности. Работу группы бойцов из бывшего студенческого отряда в монастыре восприняли хорошо. Вечерком устроили небольшое прощальное застолье, так что можно было надеяться и на дальнейшее сотрудничество. К сожалению, рассчитывать на такое сотрудничество можно было только на месяц-два в году. Налаживаемое сотрудничество с военным гарнизоном, естественно, представлялось более перспективным. В субботу в Болдино подъезжал Стас Дорожкин, он очень заинтересовался изразцовыми находками в монастыре и попросил меня привезти ему литературу по керамическому искусству. Живя в Полибино, он был наслышан о керамическом производстве в Молодилове, что расположено немного выше по Днепру от Полибина. Я привез ему для начального курса обучения популярную книжечку «Солнечные плитки». Он искал для себя перспективное поле деятельности, но в сложившихся условиях склонялся пока к пельменному бизнесу.

В воскресенье, 9 августа, был праздник, Собор Смоленских Святых. Литургию в Болдине служили о. Лазарь с о. Даниилом. После трапезы игумен Антоний с иноком Иринархом поехали в Смоленск к празднику Одигитрии, с ними отправился и о. Лазарь, с надеждой получить благословение владыки Кирилла на переселение в Болдин монастырь. Инок Иринарх поехал обследоваться, так как жаловался на проблемы с легкими. Педагоги-историки уехали из Болдина на утреннем автобусе, все хозяйство в монастыре осталось на гостивших московских женщин. Этого они, конечно, не ожидали, но за работу взялись активно. Готовили обед и ужин, перемыли все кастрюли. Днем приезжал В.Е. Цуренков, показать гостям происходящее оживление Болдина монастыря. Он порадовал меня новостью о запланированном на август начале работ по асфальтированию дороги от Полибина до Васина. Приезжали на пикничок из Сафоново офицеры с женами, военным было что рассказать о своей помощи монастырю. Я во второй половине дня прошелся до леса, набрал немного малины, а вечером начал готовиться к отъезду. Собрал на огороде свеклу, морковь, огурцы, которых было очень много, особенно сорта «Королины», так что огурцов хватало и на монастырский стол. Завершив хозяйственные дела, написал послание Г.М. Аптекину о планируемых работах в монастыре.

Утром в понедельник, 10 августа, встал часов в шесть, дополнил рюкзачок свеженькой зеленью. Завтрак готовить было некому, так как московские женщины с детьми неожиданно тоже собрались в дорогу, а планировали побыть недели две, но, видимо, не совсем подошли им бытовые условия. На кухне пришлось хлопотать московскому Антонию. Из кельи к автобусу вышел я в 8:30, даже утром было жарко, за все лето при мне в Болдине ни разу не было дождя. В Сафоново на вокзале было полно народу, но

билеты на всю компанию из Болдина удалось взять в общий вагон на Брестский поезд. За разговорами необременительным был и пятичасовой переезд до Москвы. Дома я был часов в семь.

Через десять дней опять еду я в Болдино. В этот раз компанию мне составил Семен Ермолаевич Дмитриев. Он последний раз был в Болдине в 1978 году, поэтому очень хотелось ему посмотреть, как течет монастырская жизнь в порушенной обители. Выехали мы из Москвы на поезде в ночь на пятницу, 21 августа. До Болдина добрались хорошо освоенным маршрутом. В пути меня порадовали работы на дороге. Асфальт начали укладывать одновременно в двух местах, от ЗАУ в сторону Полибина и от Полибина в сторону Болдина. Позавтракали с Семеном Ермолаевичем в монастырской трапезной, устроил я гостя в своей келье и пошел проведать, что сделано за минувшие десять дней. Солдаты практически завершили кровлю на ограде монастыря, приехал из Смоленска Андрей Копейчиков и начал крыть оцинкованным железом дом настоятеля. Из Москвы приехали два паренька и начали обивать дранкой притвор церкви Тихона Задонского, который они же должны и штукатурить, планировали они штукатурить и дом настоятеля. Сергей Хоменко трудился на внешней стороне западной стены ограды, где ему приходилось местами подводить фундамент и укреплять цоколь. При расчистке от мусора цоколя ограды в северо-восточной части стены открылась арочка, которая была сделана, видимо, для стока воды с территории монастыря. Игорь Ряшенцев приступил к работам по устройству металлической конструкции для укрепления С-В башни ограды, стены которой были пронизаны трещинами.

В монастыре были гости из подмосковного прихода, Зинаида и Галина, на чьей квартире в Москве мне довелось побывать однажды с о. Антонием. Они были знакомы с о. Антонием со времени его жизни в Псково-Печерском монастыре и не прерывали с ним связь во всех местах его послушания. Приехал к настоятелю Антонию из Вязьмы и игумен Аркадий, который возглавил возрождение жизни в Иоанно-Предтеченском монастыре и им, естественно, было о чем побеседовать, поэтому на территории монастыря их не было видно, а во второй половине дня игумен Аркадий с о. Даниилом уехали. В пятницу удалось мне немного покопаться и на огороде. Дмитриев С.Е. тоже не удержался и включился в работу на земле у дома казначая, где начал вскапывать целину у места установки мемориальной доски П.Д. Барановскому, которому помогал в житейских делах до самых последних дней, вывернул он из земли кучу битового кирпича. К вечеру в монастырь подъехал Алексей Иванович Гурзов, приятно было мне встретиться с достойным смолянином, опекавшим возрождаемую обитель.

Погода стояла теплая, поэтому я не протопил печку в келье, и ночью было прохладно и сыровато. С утра в субботу решил я прогреть келью и затопил печь, обрезков досок от кровли стены было много, поэтому с дровами проблем не возникло, заодно наводился и порядок у стены. К вечеру в комнате было жарко, и вторую ночь спал я даже под простынею, и гость не жаловался. Днем в субботу занимался рисунком тамбура у палатки привратника Экономических ворот. В палатке решил поселиться иеромонах Лазарь, поэтому требовалось сделать утепленное помещение. Нужно было сделать и чертежи на столярку окон и дверей.

После обеда в субботу приехали солдаты, человек двадцать. Они помогли освободить от завалов битого кирпича территорию с северной стороны дома казначая, что открыло возможность сделать клумбу у мемориальной доски. Поработали солдаты и на очистке

от мусора мельничной башни, которую очень хотелось начать восстанавливать. Постоянно участвовала небольшая группа солдат и в хозяйственных монастырских хлопотах в парниках, на огороде и на скотном дворе, где я и запечатлел помощников, которых опекал на хозяйстве А.И. Гурзов.

Гурзов, освободившись от хлопот на кухне, померил давление у Семена Ермолаевича, которое оказалось высоковатым. Семен Ермолаевич знал о своем гипертоническом диагнозе и имел с собой таблеточки. Вечер субботы провел я в келье за чертежами и в беседах с Семеном Ермолаевичем, за чаем со свежей мятой с огорода.

В воскресенье, 23 августа, с утра пошли мы на службу. Семен Ермолаевич исповедался и причастился. Последнее время он стал жаловаться на здоровье, ведь ему уже стукнуло 64 года. После трапезы прогулялся я с гостем до Святого колодца. К сожалению, из-за сухого лета воды в колодце не было. Еще раз я убедился, что прежде чем начинать обустройство этого места, необходимо разобраться здесь с водоносными слоями. Перед ужином прошлись с игуменом Антонием к мельничной башне, обсудили программу работ и передал я настоятелю чертежи на столырку. Вечером о. Антоний поехал в Сафоново провожать Галину и Зину, а заодно требовалось ему в понедельник хлопотать в ГАИ, так как с монастырской «Волги» сняли номера за какие-то прегрешения водителя.

Воскресным вечером собирал в дорогу рюкзак с дарами природы, урожай овощей был богатый, так что немного загрузил себе и Семен Ермолаевич, естественно, свеженькие овощи пополнили и хозяйство и на монастырской кухне.

В понедельник, 24 августа, встал часов в шесть, подобрал на грядках огурчиков, так что намеченная программа была мной выполнена. Алексей Иванович собрал нам в дорогу сухой паек и в 8:30 двинулся я с Дмитриевым к автобусу. В Сафоново мы были в 10:30, а на поезд смогли попасть только в пять часов. Из-за толпы пассажиров у кассы, пропустили три поезда и выручил нас только дополнительный поезд из Смоленска, народ возвращался в столицу к началу учебного года. В поезде устроились на боковых сиденьях, так что у нас был стол, сухой паек и фляжечка с бодрящим напитком, припасенная Семеном Ермолаевичем. В Москве были мы часов в десять. Подводя итоги своего выезда, Семен Ермолаевич сказал, что у него прошли все хвори. Дай Бог, чтобы Болдино так помогало всем.

Вернувшись в Москву, вестей со Смоленщины долго ждать не пришлось, уже на второй день позвонил из Дорогобужа В.А. Кабанов. Он порадовал, что из средств, заложенных на работы по Старой Смоленской дороге можно использовать и на обустройство дорог в Болдине. Договорились с ним собрать всех заинтересованных в Болдине в пятницу, 4 сентября. Таким образом, в ночь на 4 сентября я уже был в вагоне поезда. Автобус на Васино вышел из Сафонова по расписанию, и к завтраку я был уже в Болдине. Часам к одиннадцати подъехало из Дорогобужа пять легковых машин, собрались представители власти, хозяйственники и строители-дорожники Дорогобужского района. Совещались недолго, все собравшиеся поддержали мое предложение начать работы по дороге, которая проходила вдоль западной стороны ограды монастыря. Трассу дороги необходимо было отвести от стены, что позволяло обеспечить сохранность восстанавливаемого Ю-З участка ограды монастыря с привратной палатой и башней. Для производства этой работы не требовалось разработки проектной документации. Второе мое предложение по восстановлению дороги от С-В башни до Любиной горки тоже поддержали, так как это

был главный подъезд к монастырю со Старой Смоленской дороги. Многие из собравшихся хорошо помнили эту дорогу, но понимали, что для ее восстановления необходимо сделать проект, так как требовалось выполнить сток грунтовых вод, пробивавшихся на поверхность с северной стороны дороги. После завершения непродолжительного совещания, настоятель монастыря игумен Антоний пригласил всех к столу. В монастыре готовились к празднованию 5 сентября дня рождения настоятеля, поэтому пекли пироги и хлопотали по приготовлению различных разносолов. Потрапезничали очень хорошо, но от спиртного многим пришлось отказаться, так как были за рулем.

К вечеру в монастырь начали съезжаться гости. До приезда гостей я успел выкопать всю картошку на огороде у дома казначея и перевезти все мешки в свою келью в «белый» дом. После вечерней службы было небольшое застолье. Из Сафонова приехали четверо высших офицеров из воинской части, которые до застолья успели даже попариться в баньке. Приехал А.Н. Шалаев и помощницы, опекавшие храм в Сафонове. Так что подняли несколько тостов за здоровье игумена Антония.

В субботу, 5 сентября, к утренней службе приехал игумен Аркадий. После литургии я пофотографировал насельников монастыря с гостями. Одну фотографию сделал на фоне Святых врат монастыря. После трапезы немного передохнули и пошли за верхний пруд на реке Болдинке посмотреть на вид возрождаемой обители, где я сделал фотографию на память. К вечеру большинство гостей разъехалось, и смог я немного покопаться на огороде.

Утром в воскресенье на рейсовом автобусе уехали Шалаев А.Н. и Гурзов А.И., который потрудился в монастыре со времени моего предыдущего выезда. Я наводил порядок в келье, разбирая и сортируя собранный урожай овощей. В середине дня прошелся в ближний лес проведать урожай орехов, но на кустах было пусто.

Из Болдина выехал утром в понедельник, 7 сентября, на монастырской «Волге». Иеромонах Даниил отправлялся на поиск строительных материалов и подвез меня до поселка Верхнеднепровского. В Москве дома я был около шести вечера.

Числа 15 сентября позвонил мне из Болдина о. Даниил и сказал, что все работы в монастыре остановлены, так как нет на счету средств и солдаты отозваны. Я понял, что выезд в Болдино нельзя откладывать и привычным рейсом поезда выехал из Москвы в ночь на пятницу, 18 сентября. В Сафонове встретил попутчика – Пеку, так что за разговорами о местных проблемах скоротали время в пути до Болдина. Дорога была уже покрыта асфальтом до моста через речку Сукромлю. В пути подсел в автобус еще один попутчик – Игорь Ряшенцев. Оказалось, что он на больничном с поломанными ребрами, поэтому в Болдине намеченную работу на Экономических воротах не выполнил. Подходя к Святым воротам монастыря, я ожидал увидеть запустение, но был приятно удивлен. За завтраком в трапезной сидели человек пятнадцать солдат.

После завтрака пошел посмотреть, что сделано в монастыре за мое отсутствие. Хорошо продвинулось дело у Сергея Хоменко на внешней стороне западной стены ограды монастыря. Солдаты заложили фундамент пристройки к привратной палате у Экономических ворот. В палатке решил поселиться иеромонах Лазарь, поэтому для утепления требовалось сделать тамбур перед входом в помещение. Был заложен фундамент привратной и у Святых ворот. Место расположения привратной у Святых ворот мы не обсуждали, и фундамент, по моему мнению, был заложен слишком близко к воротам, поэтому я предложил приостановить работы до обсуждения с настоятелем. Убедить игумена Анто-

ния приостановить работы было не просто, так как на работы было его благословление. Пришлось мне взять эту проблему на себя и сказать солдатам, что в данный момент важнее выполнить работы у Экономических ворот. Порадовал меня вид побеленной пристройки у храма Тихона Задонского.

Солдаты работали и на прокладке электрического кабеля. Благожелатели подарили монастырю кабель для электропроводки 0,4 кВ, чтобы освободить территорию от столбов и линий воздушной электрической сети. Я предложил проложить кабель по верху стены ограды, делая отпайки в местах отвода к отдельным помещениям. Кабель начали прокладывать по южной стене от Ю-3 (Мельничной) башни. Для подведения электроэнергии к восстановленному подклету древней трапезной палаты солдаты вырыли траншею от стены ограды до середины южной стены 2-й палаты подклета трапезной. В траншее открылся очень интересный вид разреза культурного слоя. Приблизительно по середине траншеи на глубине около метра хорошо был виден слой мелких булыжников толщиной почти 0,5 метра. Видимо, таким образом была засыпана низина при строительстве трапезной палаты в XVI веке.

Созвонился я с Аптекиным Г.М. и предупредил его, что в понедельник подъедет в Смоленск иеромонах Даниил с подписанными мной процентовками на выполненную работу, попросил его оперативно обеспечить перевод денег на счет монастыря, чтобы полноценно можно было поработать в Болдине в последние теплые дни.

В день приезда мне удалось потрудиться и на грядках, с южной стороны дома казначея сделал я по одной грядке для посадки чеснока и посева морковки.

С утра в субботу решил сходить в лес, дошел до Ульяновой дачи. В лесу было очень сухо, но удалось набрать корзину свинушек и чернушек. Вечером варил грибы на плитке в келье, заодно прогревая и свое жилище.

В воскресенье сходил в ближний опятный лес, но грибов не нашел, видимо, в этом году из-за жары опята должны пойти позже. Вернувшись из леса, занимался утеплением окон кельи, проконопатил два окна с улицы, заклеивать окна в помещении пока не стал. На огороде сделал три грядки с северной стороны дома казначея, посадил чеснок, посеял семена моркови, хрена и мяты.

Монастырская старенькая «Волга» была на очередном ремонте, поэтому в понедельник, 21 сентября, выехал я из Болдина на рейсовом автобусе. Дома в Москве был часов в семь вечера.

Погода в конце сентября была солнечная и достаточно теплая, надеялся я, что в Болдине работы шли полным ходом, поэтому в ночь на пятницу, 2 октября, выехал на Смоленщину. На Калининградский поезд, как обычно, получил билет в третий вагон, который выделялся для смоленских пассажиров. Привычным маршрутом добрался от Сафонова до Болдина и около девяти часов был уже на территории монастыря. Хозяйничал в обители иеромонах Даниил, так как игумен Антоний с иноком Иринархом накануне моего приезда уехали в Украину. У Святых ворот расстроился я тем, что работы по закладке фундамента привратной продолжались, о. Даниил мне вскоре объяснил, что на это было благословение о. Антония. Солдаты трудились и над тамбуром у палатки возле Экономических ворот. Посетовал я, что крышу над входной дверью делали без фронтона. На доме настоятеля работала бригада из Сафонова. На кухне хлопотали две прихожанки Сафоновского храма. Весь день приезда я провел на грядках у дома казначея, выкопал остатки моркови и свеклы. Подготовил место для посадки цветов у ме-

мориальной доски. Все выкопанные овощи перенес в дом Варвары Деевны, которая отвела мне местечко в своем погребке, где я ранее подготовил одно отделение под картошку и два поменьше под морковь и свеклу. Вечером утеплял окна в келье, чтобы было комфортно при грядущих похолоданиях.

Так как в субботу строительные работы не проводились, отправился после завтрака в лес. С утра подморозило, но солнышко пригревало, и вскоре значительно потеплело, пошел я в дальний лес, но не к Ульяновой даче, а правее по зеленой, не наезженной машинами дорожке. Нарезал чернушек и свинушек. Приятно было срезать мороженые свинушки. Все грибки были крепкие, без червяков. К обеду вернулся в Болдино, а во второй половине дня до позднего вечера разбираю, мою и отвариваю грибы.

В воскресенье опять пошел в лес после трапезы, грибов много и достаточно быстро нарезал полную корзину. В светлые часы второй половины дня чередовал работу на грядках с грибными заботами. За два дня удалось закрыть 18 банок по 0,8 литра, которые на хранение спустил в погреб, устроенный в моей келье предыдущими хозяевами.

Настоятель о. Антоний был еще в Украине, поэтому и работы в монастыре велись неторопливо, что позволило мне спокойно выехать из Болдина утром в понедельник, 5 октября. Часов в семь вечера был дома в Москве.

Месяц октябрь стоял очень теплый, поэтому после праздника Покрова, который выпал на будний день, решил я съездить в Болдино на завершение летнего сезона. Выехал из столицы привычным образом на Калининградском поезде в ночь на пятницу, 16 октября. Игумен Антоний с иноком Иринархом были еще в отъезде и командовал всем в монастыре иеромонах Даниил. В келье моей с виду все было в порядке, но как вскоре выяснилось, основательно похозяйничали крысы. В прошлый выезд я оставил в келье немного выкопанной картошки на один выезд. Крысы прогрызли мешок и опробовали все клубни, видимо, подкормилась целая стая. Так что возникла у меня новая проблема – вытравление грызунов. Погода была прохладная, и первым делом я затопил печь и заклеил окон. Прогрев келью, занялся сортировкой изразцов, перетаскивая их в келью со склада в подклете церкви Введения.

Работали в монастыре только двое солдат. Основной трудник Юра, видимо, был в очередном запое. Иеромонах Даниил по моей просьбе, с которой я много раз обращался к нему в прошлый заезд, остановил работы по закладке привратной у Святых ворот и основательно расчистил участок под закладку фундамента привратной на новом месте. Чувствовалось, что основные работы на территории монастыря в этом году заканчиваются и мне предстояло зимой заняться в Москве чертежами Троицкого собора.

В понедельник, 19 октября, привычным маршрутом отправился я с рюкзаком, полным овощей и грибов домой.

5

На дни красных праздников ноября решил я съездить в Болдино. Выехал из Москвы в ночь на субботу, 7. Дел на работе в ЭНИНе было много – отчеты, договоры, но к концу года дел только прибавится, да и погода будет холодной.

Утром, в день моего приезда, из насельников в монастыре были молодой трудник Женя, послушник из Москвы Антоний и новый для меня поселенец – Андрей из бело-

русской семинарии. Старшие монастырские насельники должны были подъехать к вечеру. Желая с пользой провести короткий световой день, решил я сходить за калиной на южный берег монастырского пруда. Дул холодный северный ветер, водную поверхность пруда прихватило свежим ледком, и по нему скользила легкая поземка. Увиденное меня впечатлило, и я даже сделал фотографию. К сожалению, куст калины, к которому я добрался, был почти без ягод, и в монастырь пришлось вернуться без даров природы, но с прекрасным настроением от увиденного природного явления.

К обеду приехал в Болдино иеромонах Даниил. На военной машине он привез несколько бочек с живой рыбой из рыбхоза. Солдаты сразу занялись сортировкой рыбы по живости и величине. Часть живой рыбы выпускали в монастырский пруд, а часть в садок на территории монастыря. К вечеру погода изменилась, потеплело, и пошел сырой снег. Я ухитрился даже немного покопать на моей делянке у дома казначея.

В день приезда узнал я, что был в Болдине и трудник Юрий, он бегал хмельной и на ходу сказал мне, что зарабатывает на дорогу. Игумен Антоний его выгнал после очередной дикой выходки. Юрий был командирован в Москву с молодым Антонием для покупки бензопилы. Пилу в Москве они купили, но Юрий до Болдина ее не довез, приехал в монастырь, избитый и раздетый, что и переполнило чашу терпения настоятеля монастыря.

К вечерней службе ждали приезда игумена Антония с иноком Иринархом, но они не приехали. Я был вечером в храме, служил о. Даниил, на клиросе пели и читали Антоний и Андрей. Игумен Антоний с иноком Иринархом приехали в Болдино только утром на следующий день, восьмого ноября. После службы поведали они нам о вчерашнем происшествии. Направлялись они вечером в Болдино на «Волге». Недалеко от Сафонова из-за скользкой дороги машина съехала с дороги и перевернулась. За рулем был инок Иринарх, в машине о. Антоний и Нина Кузьминична. Все, по словам рассказчиков, отделались легким испугом. Только «Волгу» немного и повредили.

После рассказов участников свершившейся аварии я не сразу решился подойти в келью к о. Антонию, так как чувствовалось, что он не совсем еще пришел в себя. Однако решил я его порадовать привезенной ксерокопией Жития Преподобного Герасима (список XVII века Жукова). Это, видимо, немного взбодрило настоятеля и поведал он мне свои впечатления о поездке в Украину. Его соблазняли перебраться в родные края, но он отказался, так как почувствовал, что там уже идет внутренняя война.

Вечером инок Иринарх поехал в Сафоново, чтобы утром девятого быть в Смоленске, видимо, он почувствовал, что нужно показаться врачу. Я вечером собрал в келье рюкзак с дарами природы, добавив и врученный мне о. Антонием пакет со свежими рыбешками килограммов на пять.

Из Болдина выехал утром в понедельник, 9 ноября, на рейсовом автобусе. До Москвы был у меня попутчик Володя Рахманов, направлявшийся к родственникам в Тулу. В Сафонове в кассовом зале была тьма народу, и на поезде нам уехать не удалось, пришлось добираться на электричках с пересадкой в Вязьме. Вагоны были заполнены, но мы всю дорогу сидели и играли в карты, которые прихватил в дальнюю дорогу Володя. Играли в подкидного дурака, так что мне вспомнились поездки в студенческие годы, правда, в ходу у нас были другие игры.

В следующую поездку на Смоленщину я смог выбраться только в декабре. Целый месяц занимался в ЭНИНе составлением различных протоколов, технических требова-

ний, удалось осилить с группой сотрудников даже годовой отчет о проведенной научной работе. Рукописный отчет был сдан в печать, и в ночь на субботу, 12 декабря, выехал я из Москвы на поезде с Белорусского вокзала. Погода стояла не зимняя, около нуля градусов. Накладок в дороге не случилось, и около девяти часов утра был я в Болдине.

Окна в моей комнатке замерзли, так что сразу пришлось затопить печь. После завтрака обошел с о. Антонием территорию монастыря. В доме настоятеля работала бригада из Васина, плотники сделали в доме черные пол и потолок. По моему разумению, они поспешили, так как сначала нужно было сложить печи для отопления. Обговорили с о. Антонием, как поставить лестницу на чердак и обустроить мансарду. Прошли к Экономическим воротам, где о. Антоний показал мне келью иеромонаха Лазаря с обустроенным притвором. Отца Лазаря в монастыре не было, но он уже почти перебрался в привратную палату. Однако, он уже жаловался, что и в новой келье его донимает «лукавый», заглядывая в окно. Вечером приехал в монастырь иеромонах Даниил, посидели с ним в трапезной, обсуждая монастырские хозяйственные проблемы. Деловые разговоры продолжили в баньке, которую к вечеру насельники хорошо протопили. Пар был отменный, о. Даниил несколько раз выбегал к пруду окунуться в прорубь. Я не рискнул последовать его примеру, но пожалел, что не было у баньки свежего снежку, чтобы обтереться. В беседах с о. Даниилом узнал, что инок Иринарх в Смоленске в больнице проходит обследование, видимо, сказываются последствия аварии на дороге. Ночевал я в своей, хорошо прогретой комнате, за день пришлось три раза закладывать в топку охапки обрезок досок, которых много скопилось у дома настоятеля.

Утром в воскресенье был я в храме на службе. Из прихожан стояли лишь старшие Турченковы. На клиросе читал молодой Антоний, Андрей уехал в Витебск. В «белом» доме с отъездом загульного Юрия стало спокойнее. Всю западную половину дома освободили для приезжающих гостей, а в восточной части, где была моя комната, большая комната была выделена для трудников, а за порядком в ней следили солдаты.

Днем в воскресенье еще раз обсудил я с о. Антонием дела по дому настоятеля, поговорили о лестнице на чердак, чертежик лестницы я набросал и передал настоятелю. Иеромонах Даниил занимался с гостями за столом после крестин. Вообще в этот заезд у меня было очень много разговоров. Игумен Антоний из Болдина в последнее время не выезжал и, чувствовалось, что ему не хватает общения.

Из Болдина выехал я утром в понедельник, 14 декабря. Мой походный рюкзак был заполнен овощами, свежим монастырским творогом, выданным мне с благословения о. Антония, и парной свининой. Килограмма два свининки перепало мне от Варвары Деевны, которая распрощалась со вскормленным поросенком, забитым в субботу ее зятем, приехавшим с дочерью Людмилой. Так что деревня живет и себя кормит. Выехал я на рейсовом автобусе с о. Даниилом, который в дорожной беседе жаловался мне на то, что настоятель не дает ему свободно действовать. Я успокаивал его тем, что все уладится с приездом о. Лазаря и инок Иринарха. В Москву из Сафонова ранним Калининградским поездом выехать не смог, очень много людей было в разъездах. Домой попал около семи часов вечера.

В конце декабря по просьбе насельников монастыря я составил объемную ведомость на восстановление дома настоятеля, так как возникла возможность получить средства в каком-то благотворительном фонде. Несколько материалов сохранилось еще в моем архиве, которые явно были составлены в 1992 году, но у меня появились позже.

Иеромонах Даниил передал мне рукопись «Годовой отчет Свято-Троицкого Болдина монастыря за 1992 год» на шести рукописных страницах, который был, видимо, составлен для передачи в епархию.

От ССНРПМ получил я сброшюрованные и переплетенные синьки чертежи по церкви Введения с трапезной палатой Болдина монастыря, которые были мной переданы ранее в Смоленск. На обложке материала была приклеена этикетка «ЭСКИЗНЫЙ ПРОЕКТ реставрации Трапезной Болдинского монастыря Дорогобужского р-на Смоленской области. Том I. г. Смоленск. 1992 г.». Еще один переплетенный материал ССНРПМ был выпущен также в 1992 году под следующим названием: «ПРОЕКТ РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКА АРХИТЕКТУРЫ ТРАПЕЗНОЙ БОЛДИНСКОГО МОНАСТЫРЯ ДОРОГОБУЖСКОГО РАЙОНА Том III. Проект организации строительства». Указанные материалы свидетельствовали о том, что Смоленской Реставрационной мастерской удалось получить финансирование на проектные работы по сооружению второго яруса Трапезной палаты и завершению Введенской церкви Свято-Троицкого монастыря, о чем мне только мечталось с 1975 года, когда были выполнены проектные чертежи, приведенные в Томе I.

1993 год

1

Прошло больше месяца с моего последнего выезда в Болдино. Отшумели новогодние праздники, которые продолжались две недели. На Новый год был морозец, а под Рождество Христово распустило, сошел весь снег. Не было и Крещенских морозов, стояла плюсовая температура. Билет на поезд для выезда на Смоленщину взял я заранее, перед Новым годом. Для исключения спекуляции билеты на поезд продавались с указанием фамилии, но паспорт не требовали, так что это была какая-то профанация.

В Сафоново прибыл утром в субботу, 23 января. Автобус на Васино выехал по расписанию. В поселке подсел в автобус Игорь Ряшенцев, Новый год он праздновал в Болдине в компании местных жителей, так что жизнь в деревне шла своим чередом. Поведал мне Игорь, что в штате реставрационного участка он числится, но денег не получает, что показалось мне странным. Так уже в автобусе начал я погружаться в дела болдинские.

В Болдине сразу направился в «белый» дом, где увидел полный порядок. Моя комната была неприкосновенна. Кроме солдат, в доме в большой комнате жили двое, периодически наезжающих трудника и новый труженик с Украины, назвавшийся Виктором. На территории монастыря, общаясь с насельниками, узнал я, что вся братия на месте. За прошедший период был пострижен московский Антоний, принявший имя Аркадий. После завтрака поговорил я с игуменом Антонием и иеромонахом Даниилом о монастырских делах. Деньги, выделенные Верховным Советом страны на реставрацию, на счет монастыря пока не поступили, но в Смоленской епархии обещали перевести деньги в ближайшее время. Правда, сказали, что будет переведено не пять обещанных миллионов, а три.

Для прогрева комнаты печь я топил весь день. В одном перерыве с печными хлопотами зашел к Варваре Деевне передать московские гостинцы – баночку растворимого

кофе и карамельки, слезил в погреб и убедился, что картошка, свекла и морковка зимовали нормально.

Вечер провел в разговорах с о. Антонием и о. Даниилом. Обсудили, какие материалы нужно завозить для летних строительных и реставрационных работ. Часам к одиннадцати вернулся в свою комнату, которая за день хорошо прогрелась, так что спал в тишине и тепле.

Утром в воскресенье составил план летних реставрационных и строительных работ. Воскресную первую половину дня вся братия монастыря была занята в храме, разбирали стенку на правом клиросе. Насельников в монастыре стало больше, и игумен решил, что все монахи и послушники во время службы должны находиться в основном помещении храма, а прихожане в притворе. С обустройством притвора в церкви стало просторнее и светлее. Работали в храме и художники из Вязьмы, промывшие от грязи и копоти икону прп. Герасима с Николаем Чудотворцем, которая стала выглядеть еще благороднее. О. Даниил очень рвался сходить со мной к В.А. Кабанову, так как нужно было решать много вопросов с Дорогобужскими властями, но, к сожалению, в первой половине дня нам это сделать не удалось.

После обеда игумену Антонию с о. Даниилом пришлось срочно выехать в Сафоново. Повез их инок Иринарх на монастырской «Волге». Я вечером собирал в дорогу рюкзак и раздумывал о возникших проблемах. Дело в том, что у дома Рахманова были заготовлены новые строительные материалы. Как мне поведали местные жители, здесь решила построить новый дом сестра Володи Рахманова, а на этом месте ранее стоял западный корпус монастырской гостиницы, так что нужно было предотвратить застройку этой территории. Ходили в Болдине также слухи и о том, что местная сельская администрация раздает землю под дачные участки на горке к северу от территории монастыря, а это, естественно, нарушит виды на монастырь со Старой Смоленской дороги. Требовалось срочно принимать меры для обеспечения бережного отношения к природному окружению уникального историко-архитектурного памятника. Из Болдина выехал я на утреннем рейсовом автобусе в понедельник, 25 января, и вечером был в столице.

В Москве, погрузившись в работу на энергетическом поприще в ЭНИНе, урывками пытался хлопотать и о проблемах Болдина. Из сохранившихся у меня материалов следует, что 2.02.1993 я написал и отправил в Дорогобуж письмо руководящим работникам района, В.Е. Цуренкову и В.А. Кабанову, с предложениями по решению проблем окружающей среды Болдинского монастыря. На чертежной доске был у меня приколот лист ватмана для выполнения чертежа восточного фасада Троицкого собора. П.Д. Барановский в 1918 году сделал только чертеж западного фасада собора в масштабе 1 дюйм – 1 сажень, на котором галерея собора была реконструирована на основании скудной информации по изображениям на иконах конца XVIII века и гравюрах середины XIX века. Петр Дмитриевич еще в 1969 году после изготовления мной макета колокольни в масштабе 1:20 озадачил меня проблемой выполнить и макет собора. Для этого, как и для колокольни, необходимо было выполнить чертежи в метрических единицах. Собор к тому времени лежал в руинах, поэтому не было материалов для обоснованного изображения галереи собора, охватывавшей основной объем собора с трех сторон (с Севера, Запада и Юга), поэтому вопрос с изготовлением макета был отложен. К работе над чертежами по Троицкому собору я вернулся только после начала раскопок руин собора и, естественно, начал с восточного фасада, где был зафиксирован отличный фрагмент с

декоративными кокошниками и обнажена часть цоколя центральной абсиды. Для удобства работы в домашних условиях чертеж восточного фасада я выполнял на листе ватмана формата А1, что позволяло выполнить чертеж только в масштабе 1:100.

В Болдино планировал я выехать в конце февраля. Несколько раз звонил мне со Смоленщины иеромонах Даниил и просил приехать в будни, чтобы устроить встречу с представителями Управления культуры Смоленской области. Договорились организовать встречу в Болдине числа 15–16 марта. Из Москвы выехал я в ночь на субботу, 13 марта, билеты смог взять только на Смоленский поезд. На привычный для меня Калининградский поезд билетов не было. В Сафоново приехал я по времени раньше обычного, но уже чувствовалось наступление весны и на улице светало. В автобусе на Васино народу было немного, в Болдине сошел я один. Хоть февраль был снежный, на полях снега оставалось мало. В день моего приезда температура была – 10°С, а накануне ночью, как выяснилось, доходила до – 20°С. В «белом» доме было все на месте, правда, один солдат с трудником Мишей, перебрались в дом Варвары Деевны для присмотра за хозяйством. Узнал я, что Варвара Деевна уже более трех недель находилась в поселке Верхнеднепровском в больнице. Ее мучил камень, кажется, в почках, который наконец-то вышел, и она стала чувствовать себя получше и каждый день связывалась по телефону с хранителями своего очага. Мне тоже довелось с ней поговорить, и по голосу я понял, что домой ее отпустят не скоро.

Утром вся монастырская братия была в храме на службе, и встретился я с насельниками обители только после завтрака. С игуменом Антонием и иеромонахом Даниилом пошли мы на обход территории монастыря, и хозяева делились со мной приятными новостями. Было завезено много строительного материала, стандартного кирпича, большемерного кирпича и пиломатериала. Бригада из Васино пристроила сарай к скотному двору. О цене на эту работу с бригадой договорились только в мой последний выезд, и работа уже была выполнена. В хлеве насельники похвалились пополнением, отелилась корова Милка, телочку назвали Мартой. Так что хлопот на скотном дворе прибавилось, а главный ветконсультант, Варвара Деевна, была в больнице. В прошлый мой приезд чудила повзрослевшая телка Фиалка и, по рекомендации Варвары Деевны, два солдата водили ее к быку в Полибино, после чего она стала смиренной. После обхода территории зашли мы в храм. С первых дней нашего знакомства чувствовалось, что игумен Антоний более всего хлопочет о храме, вот и в этот раз показал он замечательное паникадило, вроде бы даже серебряное, которое по небрежению хранилось в сарае одного из храмов на Смоленщине. Прошли мы к дому настоятеля, в котором, к сожалению, работы не велись, так как для продолжения обустройства внутри дома требовалось выложить печи. Трудники обивали дранкой амбар, около просфорни, так как он служил основной кладовой при нынешней монастырской трапезной, и хорошо потрудились над запасом дров, попилили все гнилые бревнышки от разобранной гостиницы.

Кроме обустройства территории монастыря, насельники раздумывали и что-то предпринимали по облагораживанию прилегающей территории. Иеромонах Даниил порадовал меня тем, что начал очищать от зарослей молодых березок и ольхи дорогу на Любину горку, так как уже проникся тем, что нужно восстановить главный доступ к монастырю от Старой Смоленской дороги. Иеромонах Лазарь поделился своими соображениями по закладке вне стен монастыря кедровой рощи, прошлись мы с ним за восточную ограду монастыря и наметили места для посадки по весне молодых кедров, которые обещали

выделить монастырю в одном из питомников. В беседе с о. Антонием обсудили план первоочередных новых построек, необходимых для монастыря. Попросил он меня сделать проекты привратной палатки у Святых ворот и братского корпуса на 6-8 келий в С-В углу территории монастыря, так что субботний вечер был я уже в раздумьях о новых постройках.

В воскресенье, 14 марта, утром пошел в храм. Перед Святыми воротами монастыря к березе была привязана лошадка, запряженная в сани с сеном, как вскоре выяснилось, на воскресную службу таким образом добрались три женщины из Деревенщиков, деревни, что километрах в десяти к востоку от Болдина. Пожалел я, что не сфотографировал этот редкий эпизод.

После трапезы о. Антоний с иноком Иринархом поехали в Сафоново, а мне довелось выслушивать бесконечные тирады о. Даниила о беспокоивших его проблемах в обустройстве монастыря. Часов в пять вечера решили с о. Даниилом сходить на слободу к В. А. Кабанову. По пути нас перехватил С.Р. Турченков и сказал, чтобы на обратном пути мы не миновали его дом. Кабанова дома не было, поэтому мы, не задерживаясь, зашли в гостеприимный дом Турченковых, но едва расположились за столом, нашу домашнюю обстановку нарушил телефонный звонок из монастыря. Оказалось, что вернулись из Сафоново игумен Антоний с иноком Иринархом. Иеромонах Даниил напугался, что его будут ругать за отсутствие на вечерней службе, и помчался в монастырь. По моим наблюдениям, в братии обители негласно определилось распределение обязанностей по склонностям отдельных насельников. Иеромонах Лазарь и инок Аркадий готовы были весь день молиться, поэтому о. Даниил называл их блаженными. Игумен Антоний с иноком Иринархом решали представительские задачи и постоянно были в разъездах. Иеромонах Даниил был поглощен хозяйственными вопросами и в промежутках отдавал предпочтение не молитвам, а художественным рисункам и чтению для повышения квалификации.

Возвращения о. Даниила к столу в доме Турченковых мы ждали недолго. Оказалось, что о. Антоний приехал сообщить о. Даниилу о приезде в понедельник смолян для решения вопросов по реставрации монастыря и дал указание встретить их по высшему разряду. Озабоченность о. Антония мне была понятна, так как я приехал с вестью, что денег в Министерстве культуры обещают маловато и надо пытаться выбивать средства на реставрацию в области. В гостеприимном доме я с о. Даниилом пробыл часов до девяти, и было мне очень приятно пообщаться с добрыми и милыми хозяевами. Вернувшись в «белый» дом, затопил я печь, так как в келье было прохладно, и спать лег часов в двенадцать.

Утром в понедельник, 15 марта, было солнечно и тепло, чувствовалось, что наступила весна. Смоляне, Г.М. Аптекин, В.П. Теслин и И.В. Григорьев, подъехали часам к двенадцати, когда уже набух оставшийся снежок и развезло оттаявшие тропинки. Игумен Антоний, о. Даниил и я прошли с гостями по территории монастыря. Конечно, изменений со времени возрождения монашеской жизни на руинах было очень много, но гости сдержанно реагировали на все увиденное. Больше интересовались они тем, что согласовывалось ли строительство хозяйственных построек на территории монастыря. Мне, естественно, приходилось обосновывать жизненной необходимостью появление отдельных новых хозяйственных построек и говорить о том, что нужно разрабатывать план обустройства монастырской и прилегающей территории, но для этого необходи-

мо проявить на областном уровне заинтересованность к этому уголку. Обсуждение увиденного и услышанного в монастыре было продолжено за столом. Хорошо пообедали, подняли несколько тостов за возрождение обители и завершили общение за чаем с тортом и пирогами. Расставались с надеждой на поддержку реставрационных работ в монастыре областными структурами. Правда, смоляне еще не знали, что программа «Наследие» в Москве была урезана раз в пять. Игумен Антоний уехал из Болдина следом за смолянами, пообещав показать им храм в Сафоново. Я решил задержаться на денек, так как нужно было доделать набросок проектного предложения по привратной палатке у Святых ворот.

Во вторник, 16 марта, с утра собрался я в дорогу. На территории монастыря у насельников выяснил, что о. Антоний вернулся в монастырь в первом часу ночи. Узнал я также, что он вчера съездил в Вязьму и привез из Иоанно-Предтеченского монастыря Татьяну, мать болдинского послушника Жени. Она не прижилась в Вязьме и решила попробовать потрудиться в Болдине. Встретившись с о. Антонием, я передал ему два варианта набросков привратной палатки. Высказал я настоятелю и замечания по завезенному строительному материалу. На строительство келейного корпуса о. Даниил завез шлакоблоки, которые выглядели крепкими на морозе, а на солнышке стали рассыпаться. Попросил я о. Даниила вернуть изготовителю негодный материал с требованием возврата денег, так как за блоки было заплачено 200 т. руб.

После завтрака вместе с настоятелем на монастырской машине выехал я из Болдина. В Сафоново о. Антоний показал мне обустройство интерьера храма. Местные резчики изготовили и монтировали в храме иконостас, который делался по образцу иконостаса в с. Дуброво, где одно время служил о. Антоний. Там, правда, как мне сказал игумен, иконостас был сделан из дуба, а в Сафоново пришлось делать из мореной липы. Резьба иконостаса мне очень понравилась. Иконы были установлены только в нижнем ряду и поэтому о величии всего иконостаса судить было трудно, правда, обратил я внимание на несхожесть лика преподобного Герасима Болдинского с известными старыми изображениями. В храме распрощался я с о. Антонием, а инок Иринарх довез меня до железнодорожного вокзала и в седьмом часу был я в Москве. Во время этого визита выяснилось, что Святейший патриарх Алексий II посетит Болдин монастырь третьего мая, так что нужно было готовиться к его встрече.

2

В начале апреля планировал я съездить в Болдино, но стояла холодная погода, поэтому выехал только в ночь на пятницу, 9 апреля. Автобус от Сафоново на Васино был почти пустой, стоимость проезда до Болдина 54 рубля не изменилась с моего выезда в середине марта. Билет на поезд от Москвы до Сафоново в плацкартном вагоне при предварительной покупке обошелся мне в 306 рублей. При предварительной покупке аналогичных билетов на май нужно будет выложить уже 606 рублей, так что цены начинали превышать наши возможности по доходам. День моего приезда был дождливым, но удалось пройтись по территории монастыря и посмотреть, что сделано. Каменщики из Сафоново начали выкладывать С-З башню ограды. Эта башня была разрушена еще в действующем монастыре при попытке соорудить в этом месте входные ворота. Затея

не удалась, и в порушенном участке были восстановлены лишь фрагменты стены. Естественно, что в новой кладке стены не было следов примыкания стен башни, поэтому башня закладывалась вновь на сохранившимся фундаменте. Выполненная кладка мне не понравилась, так как была выполнена с пустыми швами, как под штукатурку. Я сказал каменщикам, что вся кладка должна быть выполнена с затиркой швов, к чему они и прислушались. Самая большая радость ожидала меня в доме настоятеля. Доставленный игуменом Антонием печник из Сычевки, Иван Никитович, с мастерской сноровкой выкладывал печи.

Из Москвы я привез и передал о. Антонию копию завержденного мной чертежа восточного фасада Троицкого собора в надежде показать его представительному собранию во время грядущего визита патриарха. Настоятель озадачил меня предложением сделать проект кирпичного корпуса на восемь келий и наметить план его размещения в С-В части монастыря, недалеко от старого дуба. Настоятель с иноком Иринархом были в постоянных переездах между Болдино и Сафоново, поэтому больше мне приходилось общаться с иеромонахом Даниилом. Он основательно готовился к приезду патриарха, готовя подарочные рисунки. Из Москвы я привез о. Даниилу по его просьбе три тома Жития Святых Димитрия Ростовского, и из бесед с ним сложилось у меня впечатление, что задумался он об уходе из монастыря, возможно, даже на приход.

В субботу и воскресенье дождя не было, и я смог чередовать работу над набросками проекта братского корпуса в келье с работой на земле, расширяя облагороженный участок у бывшего дома казначея. На цветнике около мемориальной доски уже видны были робкие всходы тюльпанов и нарциссов, но более всего радовали меня зеленые листики памирского лука. Заглядывал я периодически и в дом настоятеля полюбоваться мастерской работой печного специалиста. На одиннадцатое апреля выпадал Большой Праздник – Вербное Воскресенье, и, естественно, не упустил я возможности быть на службе. Болдино покинул я в понедельник, 12 апреля, с иноком Иринархом на «Волге», успел в Сафоново на поезд и отлично доехал до столицы в почти пустом общем вагоне.

Неожиданно пришлось мне выехать в Болдино в ночь на вторник, 20 апреля. Позволил на работу игумен Антоний и попросил приехать для встречи с владыкой Кириллом, который должен был заехать в Болдино во вторник часам к четырем, после службы в Вязьме. Нужно было обсудить организацию приезда патриарха в монастырь. От Сафоново на автобусе я смог доехать только до поселка Верхнеднепровского, рейс автобуса на Васино был отменен. На рабочем автобусе ЗАУ доехал до проходного завода, а дальше пошел пешком. Идти пришлось недолго, нагнал меня автобус с рабочими, которые ехали что-то строить в Милоселье. От поворота со Старой Смоленской дороги на Милоселье опять пришлось идти пешком. В этот раз я ехал налегке с небольшой дорожной сумочкой, в которой был лишь фотоаппарат, поэтому пеший переход был не в тягость. Оказался у меня и попутчик, строитель-дорожник, которому нужно было добраться до Васина. Рассказал он мне, что активно ведутся подготовительные работы по строительству дороги от Васина в направлении на Вязьму. В проекте были выявлены ошибки, и сейчас проектировщики корректируют прохождение трассы дороги. Вместе с интересным рассказчиком дошел я до поворота на Болдино, откуда до монастыря всего метров семьсот промелькнули быстро.

К сожалению, в монастыре ждало меня разочарование, владыка был в Болдине и уехал незадолго до моего появления. Его срочно вызвали в Москву (видимо, в связи с

трагедией, случившейся на Пасху в Оптиной пустыни), и он заехал в Болдино по пути в Вязьму. По словам о. Антония, владыка остался доволен состоянием монастыря. Совместно они выбрали место посадки вертолета на территории монастыря. Я, конечно, не мог с этим согласиться и сказал, что буду пытаться изменить это решение, так как есть очень хорошая полянка за оградой с восточной стороны монастыря, откуда всего метров сто до Святых ворот, и это расстояние совсем несложно будет пройти по хорошей дорожке даже пожилым людям.

Чтобы была хоть какая-то польза от моего появления в Болдине в этот раз, решил остаться я на ночь, так как автобус не ходил, а инок Иринарх пообещал завтра утром отвезти меня в Сафоново. Мне предстояло переночевать в келье, поэтому первым делом затопил я печь для ее согрева и пошел потрудиться на грядках. Прополол междурядье в посадках клубники и рассадил всходы чеснока, вылезшие в несметном количестве из неубранных семян и долек урожая прошлого года. Зашел и в дом настоятеля, где печи были уже облицованы кафелем. После обеда приехал о. Даниил с саженцами кедров и других растений, за которыми он был отправлен накануне в лесопитомник под Вязьмой. Это меня очень порадовало, и на следующий день в среду, 21 апреля, я с о. Лазарем посадил на территории монастыря десяток кедров. Другие насельники занимались посадками голубых елей и туй. Инок Иринарх смог отвести меня в Сафоново только к поезду в 18:30, и в четверг с утра я был на работе в ЭНИНе.

К приезду патриарха Алексия II хотелось мне навести порядок на грядках у дома казначея, да и стоявшая теплая погода позволяла приступить к огородным работам. В ночь на пятницу, 30 апреля, отбыл из Москвы поездом. От Сафоново до Болдина доехал на рейсовом автобусе. В монастыре все насельники и помощники были заняты весенними хозяйственными хлопотами на территории обители. Я тоже включился в этот процесс, и весь день готовил участок на огороде у дома казначея, отведенный под посадку картофеля. Урывками общался и с насельниками, подарил о. Антонию свежий номер журнала «Памятники Отечества» с небольшой моей статьей о Болдине. Это была первая журнальная публикация о монастыре в центральной прессе с двумя цветными фотографиями, появившаяся благодаря сотруднику ЦС ВООПИиК А.С. Уранову и главному редактору журнала С.Н. Разгонову. На вечернем рейсовом автобусе приехала в Болдино Варвара Деевна Воронеж. С февраля она скиталась по больницам Смоленщины, однако выглядела неплохо, но жаловалась на слабость.

Утром первого мая приехали в монастырь из Москвы помощники – Зинаида и Евгений Михайлович, отец молодого инока Аркадия. Ко дню приезда патриарха гостей ожидалось много, поэтому настоятель монастыря попросил меня приютить Евгения Михайловича в келье. Весь день занимался я посадкой картошки, огородные хитрости приходилось осваивать на ходу, и я прислушивался ко всем советам. Между лунками с небольшими картофелинами сеял бобы и горох. Во время небольших перерывов в работе на земле осматривал я работу по ограде монастыря. Каменщики из Сафоново завершили выкладку башни в С-3 углу. Так как кладку они вели с подмостей, сооруженных внутри помещения, плохо был выложен карниз, который нужно будет поправить. При выкладке мельничной башни я им предложил сразу поставить леса с внешней стороны, что позволит качественней сделать кладку и упростит выполнение обмазки внешней поверхности стен, да и кровлю без лесов навести будет практически невозможно. Так что экономия на внешних лесах при выкладке С-3 башни обошлась им большими издержками.

Весь день первого мая поступали по радио тревожные сообщения о столкновениях демонстрантов с милицией на Ленинском проспекте в Москве. Чувствовалось, что обстановка в столице накалена, но верилось, что до кровопролития дело не дойдет. С вечерним рейсовым автобусом приехало в Болдино много новых гостей, что было видно от «белого» дома, так как на всей дороге, ведущей от Старой Смоленской дороги к монастырю, двигались неспешно человеческие фигуры. Среди приехавших распознал я и коллегу по работе в ЭНИНе Валентину Щеголеву, для которой Болдино за десять лет участия в трудах по облагораживанию руин стало близким. Естественно, ей тоже захотелось принять участие во встрече патриарха, хотя я не советовал этого делать, так как предполагал, что будет очень большой наплыв людей и возникнут сложности с размещением. Конечно, первым делом пошел я с Валентиной к Варваре Деевне, которая с радостью встретила знакомую гостью и сказала, что готова приютить ее на праздник с ночлегом на русской печке.

Болдино постепенно становилось не просто достопримечательным историческим местом, а мужским монастырем, специфику жизни которого большинство соотечественников, даже воцерковленных, не знали и порою не хотели понять. Супруге своей я сразу пояснил, что на территории обители потихоньку начинает формироваться жизнь монашеской братии и светские люди должны с пониманием к этому относиться. Мои выезды в Болдино были сопряжены в основном с выполнением дел, связанных с содействием обустройству обители, и поэтому Ольга с пониманием относилась к моему довольно частому отрыву от семейного очага.

Второго мая с утра я трудился на грядках, сажал картошку и готовил землю для посева свеклы, моркови и посадки лука. Валя Щеголева хлопотала на огороде Варвары Деевны. Благодаря прекрасной майской погоде удалось мне выполнить за день все намеченные работы на земле.

Понедельник с утра не очень радовал погодой, но нужно было готовиться к важнейшему событию в жизни монастыря – визиту Святейшего патриарха. В монастыре загодя созрело желание попросить патриарха посадить дубок на территории обители. Место для посадки выбрали недалеко от места поселения Преподобного Герасима. С западной стороны церкви Тихона Задонского, в направлении к Троицкому собору, который еще предстояло воскрешать из руин. Часам к десяти была выкопана яма для посадки дубка. Иеромонах Лазарь сходил в рощу, что метрах в ста от восточной стены обители, выкопал и принес к месту посадки ранее им присмотренный стройный дубок, высотой чуть больше двух метров. К часу дня все подготовительные земляные работы были нами выполнены, и удалось даже привести себя в порядок в протопленной накануне баньке.

Прилет вертолета с патриархом ожидался часам к трем, но уже в 14:30 братия монастыря собралась у Святых ворот в полной готовности к встрече. Иеромонаху Лазарю выпала честь встретить патриарха хлебом-солью. Минут тридцать встречающим пришлось стоять в ожидании у С-В башни ограды монастыря, накрапывал небольшой дождь, но вся территория, прилегающая к монастырю, была заполнена народом. Сначала появился вертолет сопровождения, заложил круг над монастырем, во время которого, видимо, была сделана фотография корреспондентом с борта вертолета, и приземлился за оградой монастыря у Садовых ворот, что в восточной стене. В 15:30 приземлился и вертолет МИ-8, за оградой, напротив проломных ворот восточной стены. Первым из вертолета вышел Святейший патриарх, следом вышли владыки – митропо-

лит Кирилл, епископ Истринский Арсений, епископ Тверской и Кашлинский Виктор, а также высокопоставленные представители Смоленской власти. Процессия, в которой главенствовали, естественно, Святейший патриарх Алексей II и митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, проследовала вдоль северной стены до главного входа в обитель – Святых ворот, благословляя паломников, стеной обступивших проход. У входа в Святые ворота успел я запечатлеть и братию обители, возвращавшуюся после встречи патриарха у вертолета. Встречу у вертолета мне хорошо сфотографировать не удалось из-за скученности толпы паломников.

От Святых ворот торжественная процессия прошла к церкви Тихона Задонского. Молебен в небольшой церквушке был непродолжительный, минут десять, диаконом служил о. Иринарх, что было очень приятно слышать и наблюдать. Проповедь патриарх произнес, выйдя из церкви, чтобы его слова были услышаны собравшимися и вне стен церкви, помянул патриарх добрыми словами Петра Дмитриевича Барановского, отметив его труды по сохранению памятников православной культуры Отечества. Торжественность события не омрачил и накрапывавший дождь. Я укрывался целлофановой накидкой, которую все время про запас держал в руках, что при дожде мне не позволяло делать фотосъемку.

По завершении проповеди процессия направилась к просфорне на небольшую праздничную трапезу. Отойдя от храма метров тридцать, владыка Кирилл позвал меня и представил патриарху. Не припомню, получал ли я благословение, но на ходу стал рассказывать патриарху о восстановлении колокольни, древней трапезной палаты с церковью Введения и о работах на руинах Троицкого собора. Святейшей внимательно слушал, а затем поделился со мной своей признательностью П.Д. Барановскому, благодаря материалам которого в Москве завершалось воссоздание Казанского собора на Красной площади. По пути на трапезу мы проходили мимо места, где было намечено посадить дубок, я выбрал момент сказать об этом, но совершить это важное дело владыка Кирилл предложил после трапезы.

В небольшую трапезную с трудом вместились человек сорок, остальных отсеки на подходе метров за пятьдесят наряды милиции. Для высшего духовенства был особый стол. Патриарх произнес тост за возрождение монастыря. Во время трапезы патриарх сказал, что, судя по столу, монастырь не бедный, так как на столах была красная икра, белая рыбка, водка, шампанское, Амаретто и т.д. Разговора о монастыре на трапезе почти не было, больше говорили о городе Сафоново и об опеке над заключенными, содержащимися в лагерях на территории Сафоново района. На трапезе было руководство Дорогобужского района и Смоленской области, но о местных проблемах никто не сказал ни слова. Трапеза продолжалась недолго, Святейший патриарх сказал, что нужно вылетать, так как предстоял еще визит в Вяземский Иоанно-Предтеченский монастырь. Перед выходом патриарх одарил братию маленькими иконками. Как узнал я позже, в храме патриарх подарил монастырю икону Воскресение Христово и наградил игумена Антония наперстным крестом.

На выходе из трапезной я подошел к игумену Антонию и напомнил о том, что необходимо посадить дубок. Настоятель сказал, что времени на посадку дуба уже нет. Тогда я на ходу стал убеждать владыку Кирилла выделить несколько минут на благое дело. Получилось все очень достойно, и посаженный дуб, хочется верить, на века останется свидетелем столь знаменательного события в жизни обители.

От места посадки дуба до вертолета мне довелось пройти рядом с патриархом и поведать Святейшему о важных исторических событиях в жизни монастыря. Казалось, что патриарх утомился и не слышит моих слов, но это впечатление было ошибочным. На информацию о том, что два настоятеля Болдина монастыря до Смутного времени начала XVII века были рукоположены в епископы, Святейший отреагировал мгновенно, так как это свидетельствовало о высоком уровне монастырского духовенства. С Болдином патриарх прощался с трапа вертолета, на лице его была улыбка, все прошло очень хорошо.

После провода высоких гостей насельники монастыря и доброжелатели, которые способствовали организации достойной встречи Святейшего патриарха, вернулись в трапезную и хорошо пообщались под добрые тосты. После застолья фотографировались на территории монастыря на память о знаменательном дне. У меня сохранилась фотография с игуменом Антонием и замечательным доброжелателем из города Сафоново Петром Сергеевичем Осиповым. Много добрых слов слышал я от о. Антония об активном содействии П.С. Осипова становлению церковной жизни в Сафоново.

После всех событий зашел я к Варваре Деевне поделиться впечатлениями о торжественных событиях в Болдине. Застал Варвару Деевну за столом с соседкой Марией Бобровой, пили они чай вприкуску с хлебом. Это меня, конечно, очень озадачило, вернулся я в монастырскую трапезную и попросил хлопотавших на кухне женщин устроить и для местных жителей праздник. Женщины быстренько собрали сластей, кулич, закуски и бутылочку водки и отнесли все в дом к Варваре Деевне.

Первый майский понедельник 1993 года, ставший событием в жизни Свято-Троицкого Болдина монастыря тихо завершался, а мне довелось до позднего вечера слышать вдохновляющие отзывы насельников обители.

Из Болдина выехал во вторник, 4 мая. Иеродиакон Ириарх часов в одиннадцать собрал группу москвичей, в которую попал я и три женщины, и на «Волге» довез нас до железнодорожного вокзала в Сафоново, без очереди купил он нам билеты на поезд. Деньги за билеты не взял, видимо, в благодарность за труды москвичек в праздничных хлопотах. В поезде вспоминали мы события праздничного дня, и время пролетело быстро. Распрощался я с женщинами в метро с пожеланием новых встреч в Болдине.

3

Не прошло и десяти дней, как я снова был в пути на Смоленщину, не мог я быть вдали от Болдина в день памяти Преподобного Герасима. В ночь на четверг, 13 мая, выехал на поезде из Москвы. Знал, что автобус на Васино по четвергам не ходил, поэтому известными местными автобусными маршрутами доехал до проходной ЗАУ и настроился дальше добираться пешком. Прошел всего метров пятьсот, и меня подобрал попутный автобус, на котором удалось доехать до Полибина. Погода была хорошая, и направился я пешком на Болдино. Опять пройти довелось немного, встретилась грузовая машина, в которой ехал иеромонах Даниил. Машину шофер развернул и подвез меня до монастыря.

На территории монастыря было тихо, насельники трудились на местах своих послушаний. Первым увидел иеромонаха Лазаря, который хлопотал у дуба патриарха. Он рас-

сказал мне, что со времени посадки дуба он заботился о его укоренении, для чего вырыл по кругу траншею, которую заполнил навозом. Я застал его за созданием большой клумбы вокруг дуба, как он пояснил, для того, чтобы паломники не отламывали веточки с дуба. Так что с такой заботой дубок, вне сомнений, должен был хорошо прижиться в монастыре.

Мне тоже удалось в день приезда поработать на грядках, а вечером помолиться на праздничной службе, а за ужином пообщаться с гостями из Дорогобужа. Довелось познакомиться с Валентином Алексеевичем Баскаковым, легендарным председателем колхоза «Путь Ильича», лучшим хозяйством в районе в прошлые годы. Раньше я слышал о нем много добрых слов от Т.П. Новикова. Приехал он на службу в монастырь с дочкой и внуком. Дочка его работала медиком на ЗАУ и была знакома с иеромонахом Даниилом, которому частенько приходилось обращаться по хозяйственным делам на самое крупное предприятие района. По рассказам В.А. Баскакова было понятно, что он в прежние времена был глубоким атеистом, а теперь начал основательно пересматривать свои взгляды. Так что получился очень приятный разговор с воспоминанием о минувшем.

На следующий день была прекрасная солнечная погода. Красивая служба, водосвятие на колодце у бани, гостей на празднике было человек десять. Во второй половине дня продолжил я свои огородные работы.

В субботу, 15 мая, посадил несколько борозд картошки с восточной и северной сторон дома казначея, подготовил грядки с южной и восточной сторон для посадки огурцов и тыквы, сделал наконец-то окантовочную грядку для цветов, посадив на ней топинамбур и посеяв семена подсолнухов. Выехать из Болдина мне нужно было в воскресенье, так как в понедельник предстояло отбыть в Ростов-на-Дону с комиссией из Минэнерго для обсуждения перспектив сотрудничества по работам ЭНИНа.

Встал я в воскресенье пораньше, чтобы успеть на поезд в первой половине дня, оказалось, что иеродиакон Иринарх накануне уехал на машине заправляться и пока не вернулся. Днем о. Антоний наконец-то смог разыскать по телефону о. Иринарха, и я смог выехать из Болдина только после обеда, но вечером был дома в столице.

В ночь на пятницу, 28 мая, опять выехал в Болдино. Вступило в силу новое расписание поездов. Из ночных поездов в расписании остался только поезд на Смоленск, который частенько задерживался в пути, что могло привести к моему опозданию на Васинский автобус. Для надежности билет я взял утром, заехав на Белорусский вокзал по пути на работу. Билет в общий вагон стал стоить уже 385 рублей. В поезде устроился я вполне прилично, спал на второй полке. В вагоне ехали солдаты и везли двух породистых овчарок, так что было спокойно, пьяни не было. В Сафоново состав пришел с опозданием минут на пятнадцать, где-то в 6:40, так что на автобус я успел. На поселке в автобус подседа группа школьников, это Ю.Н. Шорин вез на экскурсию в Болдино своих учеников. Добравшись до Болдина, школьники установили палатки на горке к С-В от монастыря, что позволяло им с раннего утра до позднего вечера любоваться прекрасным видом на обитель.

Я расположился в келье в «белом» доме, в которой понравилось останавливаться и отцу московского инокa Аркадия. Он приехал в монастырь для участия в сооружении привратной палатки. Игумен Антоний был в монастыре, и я передал ему привезенный том (декабрьский) Жития Святых. Для иеромонаха Даниила тоже привез книги, но его

в монастыре не было, паломником уехал он в Псково-Печерский монастырь. С отсутствием о. Даниила некому было провести в монастыре экскурсию. Шорин Ю.Н. для своих учеников сам провел экскурсию, испросив предварительно благословения настоятеля, а еще для двух групп младших школьников пришлось вещать мне. Было приятно почувствовать возрастающий интерес к достопамятному месту.

Во второй половине мая погода стояла прохладная, местные говорили, что по утрам были заморозки до -7°C . На грядках кустики картошки и другие благородные всходы подмерзли и заросли травой. Опытные огородники посоветовали мне полить грядки раствором голубиного помета. Полез я под консервационный шатер над подклетом церкви Введения, где на своде почти за 20 лет скопилось много голубиного добра. Развел в бочке перепревший помет и обработал все грядки. В пятницу был банный день, вечером приехали офицеры из Сафоново и известили меня, что решили для своих целей построить в Болдине пять домиков. Пообещали они приехать в воскресенье со строителем для выбора места постройки.

В субботу, 29 мая, с утра прошелся по местам реставрационных работ. Работы не очень продвинулись. Сафоновские каменщики выкладывали Ю-В башню ограды монастыря. Качество работ на третьей башне стало у них лучше, фигурный профиль кирпича приспособились делать на точиле. Не были начаты работы только по С-В башне ограды. С Игорем Ряшенцевым удалось договориться о выполнении работ по стягиванию металлическим бандажом треснувшую башню, а затем восстановить утраты кирпичной кладки. Все работу по взаимной договоренности оценили в 40 т. руб.

Весенние работы в монастырском хозяйстве были практически все выполнены, картошка посажена, поля засеяны, в чем помогли специалисты из хозяйства В.А. Баскакова. Теперь можно было надеется, что монастырская братия сосредоточит свои усилия и средства на обустройстве обители. Вечером в субботу удалось поработать и на грядках. Днем пекло солнце, дождей не было, почва высохла, поэтому пришлось ведрами поливать огород.

Воскресное утро порадовало легким дождиком. Согласно предварительной договоренности, в десять часов приехали офицеры и мы с игуменом Антонием и иеродиаконном Иринархом поехали с военными осматривать территории, которые можно было бы выделить под постройку домов. Сразу направились на левый берег речки Болдинки – в Слободу. Свободных от старой застройки мест было много, но жители Слободы все свободные территории стали использовать под сенокосы. Действительно, за последние 2-3 года количество коров в Болдине у местных жителей увеличилось, и это, видимо, было связано с оживлением в сознании жителей крестьянского начала. Проехали мы всю Слободу, до дома В.А. Кабанова. Владимир Анатольевич был дома и очень настороженно выслушал мой рассказ о цели выезда военных на Слободу. Я пояснил, что все должно быть сделано с соблюдением охранной зоны Исторического Наследия и по согласованию во всех необходимых инстанциях. Непросто было Кабанову воспринять предполагаемое вторжение на его родную Землю и почувствовал я, что будет он всячески препятствовать этой задумке. После Слободы поехали мы посмотреть еще одно место, что к С-З от территории монастыря. Посмотрели заросшее кустарником место на горке за руслом небольшой речушки – Малой Болдинки, недалеко от Святого колодца. Место всем очень понравилось и подумалось нам, что заодно будет окультурена и территория, прилегающая к Святому колодцу. Договорились, что от военной части в понедельник приедут специ-

алисты с письмом для начала оформления необходимых документов. Вот в таких заботах прошел воскресный день и во второй половине дня игумен Антоний с иеродиаконом Иринархом следом за военными уехали в Сафоново. Меня порадовал И.Н. Ряшенцев, который активно взялся за работу на Тюремной башне и за два дня хорошо прочистил трещины С-В башни, появилась уверенность, что бандажом трещины в стенах башни можно будет уменьшить и сохранить таким образом сооружение XVIII века.

В понедельник, 31 мая, встал часов в семь, чтобы успеть до приезда военных собрать вещи и подготовиться к выезду в Москву. Нащипал зелени на огороде, наполнил бутылочку освященной воды. Часов в девять прибыл подполковник В.В. Корниенко и вместе поехали мы в Полибино к председателю Сельского Совета Г.Ф. Лебедевой. Галина Федоровна в очередной раз проявила свои прекрасные деловые качества, и мы достаточно быстро обо всем договорились. Познакомила она нас с новым директором совхоза с очень звучной фамилией – Храбрый. До нового назначения он работал начальником транспортного цеха ЗАУ, сможет ли он поднять погибающее хозяйство, покажет время.

Все документы в Сельсовете были согласованы, и подполковник настроился во вторник поехать в Дорогобуж к районному архитектору. На ГАЗоне военные довезли меня до Сафоново, и в 12:30 выехал я в Москву на Калининградском поезде.

Болдинский престольный праздник Троицы встречал в Москве. Все дни были заняты у меня работой в ЭНИНе. Готовили всей группой Техническую справку о работе за половину года, и только 10 июня удалось сдать рукопись в печать, поэтому в Болдино выехал в ночь на пятницу, 11 июня. Ехал в длинном составе Смоленского поезда в общем 24 вагоне. Вагон был заполнен под завязку, поэтому пришлось мне спать на третьей полке. В Сафоново поезд пришел с опозданием минут на сорок и долго стоял на подступах к вокзалу. Я выскочил из вагона метров за 500 от вокзала, надеясь успеть на рейсовый автобус, но спешил напрасно – рейс автобуса на Васино отменили. Добирался с попутчиком из Абрамова на автобусах через поселок до проходной ЗАУ, где удалось перехватить рабочий автобус дорожников. В Болдине был по времени прихода рейсового автобуса, так что не сожалел о дорожных приключениях. С пересадками немного пострадал только мой огородный груз, в картонной коробке я вез для посадки рассаду помидоров, перца и огурцов. Расположился я в своей келье и успел в храм к завершению литургии. Иеромонах Даниил вернулся из паломнической поездки, так что вся братия была в монастыре. Порадовал я насельников хорошей вестью: Верховный Совет РСФСР принял решение о выделении средств на реставрацию памятников, по которому на Болдин монастырь было выделено 15 млн руб. Об этом я узнал перед выездом в Доме Советов у И.К. Савельева, которому подарил журнал «Памятники Отечества» со статьей о Болдине. От Государственного служащего и известного поэта получил я в дар сборник стихов. Меня немного насторожило название сборника «БЕСЫ АВГУСТА», так как в общении не чувствовал категоричность взглядов смолянина, но, видимо, он лучше знал настрой во властных структурах страны.

После завтрака главные насельники монастыря были в хлопотах, так как ждали приезда важных гостей. Насельникам было не до разговоров, поэтому я начал заниматься огородом, но удалось только собрать колорадских жуков и окучить семь гряд с кустиками картошки. Меня пригласили к накрытому столу с красивой крупной бутылкой «Смирновской», емкостью, наверное, 1,75 л. Главным гостем был состоятельный человек из

Москвы, которого в надежде на содействие в восстановлении монастыря пригласили в Болдино. Сопровождали гостя сотрудник одного из коммерческих банков Смоленска и П.С. Осипов. Главный гость оказался очень разговорчивым, даже болтливым, поведал он нам много фантастических историй и сообщил, что занимается изучением своей родословной, назвав это занятие «гинекологией», что у меня отложилось в памяти в качестве его характеристики. Застолье завершилось только после опустошения могучей емкости.

Из гостей с симпатией я воспринимал только П.С. Осипова, он был немногословен и, по отзывам насельников монастыря, проявил себя деловым и обязательным человеком, что было известно по его содействию игумену Антонию в Сафоново и Болдино. Я его видел второй раз, наше знакомство состоялось в день визита патриарха Алексия II. Кстати, в этот раз он и передал мне фотографии, сделанные 3 мая, чем очень меня порадовал, так как буквально оживил в памяти прекрасные мгновения этого праздничного дня, поэтому несколько фотографий я использовал в этой книге при изложении событий в день визита патриарха.

Вечером в пятницу я все же успел потрудиться на грядках и посадил всю привезенную рассаду, а утром в субботу понял, что зря старался. Выдалась очень холодная ночь с температурой ниже нуля. На грядках я увидел подмороженную зелень и срочно стал искать семена для восполнения утрат. Весь субботний день хлопотал на грядках, временами отрывался на телефонные звонки из Алексина, знаменитой усадьбы, что почти на одинаковом с Болдином расстоянии от города Дорогобужа, но только не к востоку, а к югу. Звонил писатель Леонид Георгиевич Корнюшин, который решил обзавестись в родных краях жилой собственностью и начал строить в Алексине деревянный домик, но высказывал постоянное недовольство нанятой бригадой и просил помочь. Проблемы с квалифицированными строительными рабочими стали проявляться и в округе орденосного Конезавода, который в советское время был создан в богатейшей усадьбе Барышниковых, застроенной замечательными сооружениями в XVIII–XIX веках.

В воскресенье, 13 июня, приезжали военные из Сафонова, с которыми после службы занимался я разметкой на территории предполагаемой постройки домов. Выяснилось, что для более детальной разметки необходимо предварительно освободить территории от зарослей кустарников. Вторую половину воскресного дня наводил я порядок на грядках огорода и готовил запасы даров природы для доставки к московскому столу.

Из Болдина выехал утром в понедельник на монастырской машине с игуменом Антонием и иеродиаконем Иринархом. В Сафоново на вокзале был к поезду в 12:30, но билетов на поезд в кассе не оказалось. Пришлось обращаться за помощью к проводникам состава, так как по окнам вагонов было видно, что места есть. Доехал до Москвы с комфортом в СВ вагоне за 1000 р. Попутчицей в купе оказалась женщина из знаменитого Николо-Погорелова, что в Сафоновском районе. Это место было хорошо известно всем ценителям русского усадебного искусства замечательными постройками, возведенными, как и в Алексино, представителями богатейшего рода Барышниковых. Так что время в дороге пролетело за интересными разговорами. Соседка, оказалось, даже ходила в одну школу с моим одноклассником по учебе в МЭИ, Николаем Захаровым, который в далекие студенческие годы рассказывал мне о таинственных руинах древней усадьбы, где довелось ему родиться.

Следующий мой выезд на Смоленщину был в конце июня, из Москвы выехал я в ночь на пятницу, 25 июня. Билет в общий вагон на Смоленский поезд взял я утром

в день отъезда. В ЭНИНе с работой было глухо. Не было договоров и заработка тоже не было. Народ в городе приспособлялся жить торговлей. Однажды и я съездил с супругой помочь запастись товаром для перепродажи. Главный в Москве оптовый рынок был на территории спортивного комплекса в Лужниках. Вся замечательная территория была забита машинами с товаром и покупателями, такого обилия людей здесь не бывало раньше даже в дни престижных футбольных матчей. Кругом цветастые рекламные вывески зазывали покупателей. Меня поразила больше всего написанная крупными буквами надпись над обувным рядом палаток у выхода из метро «Спортивная» – «МЫ ОБУЕМ ВСЮ СТРАНУ». Чувствовалось, что у нашего народа с юмором все в порядке даже в лихую пору.

Вагон поезда был заполнен, но мне удалось устроиться на верхней боковой полке и немного поспать. В Сафоново поезд прибыл с небольшим опозданием, минут на десять. Рейс автобуса на Васино был отменен, поэтому до ЗАУ пришлось добираться с пересадкой на автобусах. От заводской проходной шел пешком с четырьмя попутчиками, несколько желающих попасть в родные края остались ждать оказии на поселке, но шагали недолго, выручил частник на «Запорожце», ехавший в Васино. Так что за 100 рублей доехал я до Болдина. На такси от Сафоново до Болдина можно было доехать за 3-4 тыс. рублей, да и то в хорошую погоду. В 9:30 был я в «белом» доме, дверь моей комнаты была на замке, но, чувствовалось, что в мое отсутствие комнату использовали, так что я решил больше ключи никому не оставлять. Настоятель встретил меня очень радушно, но ошаршил трагической новостью, в понедельник похоронили П.С. Осипова, кем-то убитого. Очень печально слышать о гибели человека, от общения с которым были очень приятные воспоминания. Петр Сергеевич много содействовал о. Антонию в деле становления православной жизни в Сафоново и начинал помогать в Болдине. После трапезы поговорил я с настоятелем о реставрационно-строительных делах. В Москве узнал, что деньги на реставрационные работы на Смоленщину переведут только в августе, поэтому надо было как-то пока выкручиваться. Бригада Андрея Копейчикова, завершив покрытие мельничной башни, приступила к покрытию С-3 башни и ставила стропила на Ю-В башне. Кроют башни оцинкованным железом, хотя договаривались покрыть черным железом с покраской зеленым цветом. Не установили они на завершении башен и флюгеров, которые были заложены в проекте, так что придется выяснять причины отступления от принятых решений.

Иеромонах Даниил трудился в мельничной башне, решив приспособить ее себе под мастерскую, а о. Лазарь грезил о своем переселении в Ю-В башню. Так что насельники монастыря обустроивались на территории обители, но жилья уже не хватало. В прошлый мой приезд трудился в Болдине художник Стас из Казахстана. Он приводил в порядок две иконы, вывезенные из покинутой церкви в бывшем селе Ректы, что немного к западу от города Дорогобужа. В этот мой приезд Стаса не было, он уехал в Казахстан, но обещал вернуться на постоянное поселение на породистом жеребце.

После обеда занялся прополкой грядок, но помешал начавшийся дождик. Игумен Антоний вечером ездил служить в Сафоново, так как служивший там о. Павел (Петровский) был в отпуске.

Дождик шел всю ночь, не прекратившись и в субботу, так что я по памяти сделал записи в дневнике о прошлом выезде и позанимался прорисью изразцовых находок. Настоятель попросил меня сделать разметку плана келейного корпуса в С-В части тер-

ритории монастыря, чтобы заложить его при получении ассигнований. К воскресному утру дождик прекратился, поэтому в монастыре был обычный рабочий день. Иеромонах Лазарь развел костер в металлической бочке у Ю-В башни, якобы для разгона туч, так как не терпелось ему переселиться в обустроенную башню. Трудился народ и над выкладкой привратной палатки у Святых ворот. К сожалению, из-за плохой квалификации тружеников, углы и пилястры сооружения были выложены очень плохо и огрехи придется поправлять штукатуркой. Не продвинулись дела на тюремной (С-В) башне, как поведал мне Игорь Ряшенцев, его постоянно отвлекали поработать на Мельничную башню.

В воскресенье неожиданно всплыл вопрос о месте предполагаемого строительства домов военных. Против намеченного строительства начал выступать о. Даниил, хотя я с ним на эту тему разговаривал в субботу, и он полностью поддерживал планируемые работы. Пришлось идти с о. Даниилом на место намеченного строительства и показывать место выделенной территории, что его немного остудило.

Утром в понедельник, 26 июня, собрался я в дорогу, заполнив рюкзачок дарами природы с грядок. Из Болдина выехал часов в девять на монастырской машине с о. Антонием, которому нужно было взять заранее билет на Чернигов. В Москву я уехал на поезде в 11:30, так что дома был к ужину.

Для следующего выезда на Смоленщину мне пришлось изменить привычный график из-за приближавшегося дня рождения двоюродного брата, которое наметили отметить на его даче под городом Загорском. В Болдино выехал я в ночь на воскресенье, 4 июля. Автобус из Сафоново на Васино был по расписанию, и к девяти часам я был уже у монастыря. Все встречавшиеся местные жители первым делом сообщали мне об изобилии грибов в лесу. В трапезной на завтрак были грибы, жаренные с картошкой. После завтрака был массовый выход в лес за грибами. На сбор грибов приехали из Сафоново офицеры с женами. Я решил далеко не ходить и прогулялся по заросшей старой дороге на Абрамово, которая была проложена вдоль южной границы монастырской земли, окопанной канавкой с валом. Действительно, все было усыпано свинушками.

После обеда пошел уже на грибную добычу под Ульянову дачу, где брал только маленькие упругие свинушечки. Набрал очень много грибов и часов до двух ночи возился с их обработкой, отвариванием и упаковкой в баночки по 0,8 литра с крышками. В понедельник до обеда возился на грядках, вся окультуренная зелень росла плохо, так как не хватало летнего тепла. Частенько, как обычно, подходил ко мне иеромонах Лазарь поговорить за жизнь. Поделился он со мной своей обидой на настоятеля, который накануне заставил его выбросить ведро собранных грибов, так как собраны они были без его благословения. Но более всего о. Лазаря обидело то, что настоятель отругал его при насельниках и прихожанах.

Во второй половине дня я опять пошел в дальний лес, решил проверить земляничные полянки, ягод попало немного, всего на стаканчик, но принес из леса опять полную корзину грибов. С вечерним рейсовым автобусом, как и было заранее обговорено, приехала в Болдино бригада из пяти бывших бойцов студенческих отрядов, ныне школьных учителей, которую возглавил Николай Николаевич Колпачков. Настоятель монастыря был в Сафоново, поэтому их размещением занимался о. Даниил. Естественно, приятную встречу и благополучное размещение в «белом» доме слегка отметили, сдобрив походное застолье грибами. Мне пришлось опять до часа ночи заниматься консервированием грибов.

Утром во вторник бригада преподавателей без промедления взялась за знакомую реставрационную работу на стене ограды монастыря. В первую очередь решили завершить работу на внешней стороне участка западной стены ограды, чем и занялись четыре человека. Николай Колпачков начал подготовку фронта работ на южной стене, очищая цоколь внешней части стены от Мельничной башни, дабы облагородить место, приглянувшееся о. Даниилу. С Николаем Колпачковым я обговорил стоимость работ по 10 т. руб. за погонный метр по западной стене и по 12 т. руб. по южной стене, так как на южной части стены требовалась реставрация и цокольной части. Условились и о стоимости питания бригады в монастырской трапезной: по 350 рублей в день с человека. Естественно, вся договоренность по работе бригады была согласована с игуменом Антонием. Во второй половине дня я опять выбрался в лес, набрал немного земляники и черники и, конечно, грибов. Вечером занимался грибами и подготовкой в дорогу. Упаковал в рюкзак килограмма четыре отварных грибов, немного лесных ягод и зелень с огорода.

Из Болдина выехал я в среду, 7 июля, в одиннадцатом часу на монастырской машине с о. Иринархом. Заехали в город Дорогобуж за о. Даниилом, который замещал в церкви Петра и Павла настоятеля о. Николая, ушедшего в отпуск, а в будний день выезжал он по случаю отпевания скончавшегося дорогобужанина. Я рассказал о. Даниилу, что офицеры из Сафоново возмущаются тем, что им не согласовывают в Дорогобуже площадку под строительство, выбранную в Болдине. О. Даниил сказал мне, что военные хотели согласовать строительство типовых особняков, а мы с ними договаривались о строительстве сельских домиков. Я тут же сказал о. Иринарху, чтобы игумен Антоний ни в коем случае не подписывал военным никаких документов.

На вокзал в Сафоново я добрался только в 12:30 и пришлось ждать поезда часа два, заняв очередь в кассу. В очереди разговорился с пареньком Михаилом из поселка Горный, что считался территорией города Сафоново. Вместе с ним сели и в плацкартный вагон Брестского поезда. Весь вагон был забит вещами группы, возвращавшейся с товаром из Польши. Билеты у нас были на боковые места, так что мы хорошо расположились вместе. Попутчик сразу достал водку и закуску, я от перекуса с выпивкой отказался, но поддержал с ним беседу и рассказал ему о Болдине, что оказалось ему очень интересно. Он стал искренне раскаиваться, что сам местный и ничего ранее не знал о столь достопримечательном месте и просил номер расчетного счета монастыря для перевода денег на реставрацию. Прилично захмелев, решил он громогласно делиться услышанным с пассажирами и представлять меня всему вагону, пришлось мне сдерживать его удаль. Вскоре он совсем уgomонился и заснул. При подъезде к Москве я даже не смог его разбудить и вышел из вагона, не попрощавшись с попутчиком. Надеюсь я что, вернувшись в родные края, он все же побывает в Болдине.

Не прошло и десяти дней, а я снова выехал на Смоленщину в ночь на пятницу, 16 июля. Видимо, была необходимость присмотреть за работой бригады педагогов, да звали и дары леса. В дневнике об этой поездке запись всего на половину тетрадной странички, да и то помеченная уже августом. Бригада Колпачкова сделала обмазку Ю-3 и С-3 ба-

шен и заканчивала обмазку Ю-В башни. Подсчитал я с Николаем объем выполненных работ и прикинул, что бригада сможет выполнить до намеченного отъезда (27 июля). Объем всех работ тянул на сумму в 250 тыс. рублей на пять человек, что бойцов вполне устраивало. Бригада продолжила работу, а я сходил несколько раз в лес, поднабрал чернушек на соление. Проверил несколько малинников в лесу и на просеках линий электропередач, но везде было пусто, вот такой выдался не ягодный год. В Москву вернулся я в понедельник, 19 июля, с грибами, редиской и свежей зеленью с грядок.

Во второй половине июля в ЭНИНе пришлось срочно писать Техническое задание на новый телемеханический комплекс, поэтому не смог я выбраться в Болдино ко дню завершения работ бригады педагогов, но по телефону Николай Колпачков сообщил мне, что все намеченное они выполнили и деньги под расчет получили. Пропустил я и день именин игумена Антония, который обычно широко праздновали в монастыре. Не смог и сопроводить до монастыря трех старшеклассников из московской школы Академии Славянской Культуры. Выезд школьников был организован по инициативе М.Н. Громова, который много лет посвятил восстановлению памятников Болдина монастыря до возрождения монашеской общины и считал полезным наладить живую связь АСК с действующим монастырем. Естественно, что выезд старшеклассников был мной заранее согласован с настоятелем обители.

Выехать из Москвы я смог только в ночь на пятницу, 30 июля. Автобуса на Васино из Сафоново не было, поэтому до ЗАУ добирался на двух автобусах с пересадкой, а дальше пошел пешком на Полибино с двумя попутчиками, вот так жили в ту пору местные жители. Очередной раз выручил рабочий автобус дорожников, так что около девяти часов был я в Болдине. Первым повстречался мне иеромонах Даниил, после обычных приветственных слов он сказал, что никаких «академиков» им не нужно, с ними одни заботы. Видимо, в чем-то он был прав, при необустроенной жизни в монастыре трудно будет подрастающему поколению составить представление об особенностях и специфике монашеской жизни в обители. По настроению о. Даниила я понял, что ситуация в монастыре не радужная. Обещанных государственных ассигнований на восстановление не поступило, поливали дожди, сена не запасли. Территория монастыря между трапезной палатой и скотным двором была завалена клевером, который скосили на половине монастырского поля, что за прудом к югу от обители, а высушить его никак не удавалось. После службы встретился я с игуменом Антонием и, позавтракав, пошли вместе в настоятельский дом. Настоятель с о. Иринархом перебрался уже на постоянное жительство во вновь построенный дом. В доме мне понравилось, было уютно. Так что внутри дом произвел на меня лучше впечатление, чем снаружи. Фасады дома выглядели пустоватыми, явно не хватало наличников и пилястр, украшенных пропиленной резьбой, что были на подлинном доме. Посидели с о. Антонием в зале на мягкой мебели, которую он привез из квартиры в Сафоново. Привез он из Сафоново и два угольника с иконами и приемник с проигрывателем. Зная его интерес к прослушиванию записей на пластинках, подарил я ему пластинку с записью «Всенощное бдение» Рахманинова.

Две кельи в доме казначея освободились и были заняты новоселами, подававшими надежду на продолжительное проживание в монастыре. Один из новоселов по имени Андрей (по фамилии Кох) нагрянул из Германии, говорил, что о монастыре узнал из передачи по радиостанции «Свобода». Как он из России попал в Германию, я из его повествований не понял, но по Европе он уже успел побродить, побывал и на Афоне. Поселились в бывшем казначейском доме и два смоленских паренька.

Мне хотелось сходить в лес, но остановили наплывавшие тучи, до дождя успел я немало покопаться на грядках. У ребят из Славянской Академии было послушание в монастырской бане, они натаскали ведрами воды и дров. Мылись все после вечерней службы. Как потом выяснилось, о. Даниил обидел «академиков», сказав им, что воды не хватает, и они мыться не стали.

В субботу с утра погода была солнечная, что, естественно, очень меня порадовало. Перед завтраком двое «академиков» неожиданно заявили, что хотят уехать, один из группы решил остаться, сказав, что ему здесь нравится. С двумя «академиками» распрощались, а оставшийся весь день трудился в послушании у о. Даниила. В первой половине дня я потрудился на грядках, подкопал немного молодой картошечки-«синеглазки». Среди кустиков картошки порадовал отличный урожай бобов. Игумен Антоний всех насельников обители направил на сооружение навеса для сушки сена и зерна, скороспелое сооружение получалось хлипковатым, но просто необходимо было сохранить сено и зерно. После обеда в субботу опять задождило.

Воскресное утро порадовало солнышком. После службы прошелся я посмотреть, что сделано по строительной части. Приехавший в монастырь из Смоленска молодой паренек по имени Андрей оказался неплохим каменщиком, он прилично выложил карниз на привратной палате у Святых ворот и начал кладку небольшого тамбура у входа в дом настоятеля.

Во второй половине выходного дня я наконец-то выбрался в лес. Набрал свинушек, немного «поклевал» малины на молодых кустах, забрался в глухой лес и наткнулся на гнездо, в котором было четыре яйца, видимо, глухариных. Решил сдуру подержать яйца в руках и одно случайно разбил, а там уже был зародыш. Больно стало за загубленную жизнь, так что из леса возвращался с грустными мыслями...

Из Болдина выехал утром в понедельник, 2 августа. Предложил оставшемуся «академику» составить мне компанию, но получил отказ, видимо, ему сельские хлопоты пришлись по душе. На монастырской машине о. Иринарх подвез игумена Антония и меня до Сафоново, настоятеля – в храм, а я был доставлен на железнодорожный вокзал. У билетных касс было тьма народу, так что уехать я смог только на дополнительном поезде и дома в Москве был часов в десять вечера.

При каждом выезде в Болдино донимал я по телефону руководство Дорогобужского района с требованием не отменять рейс автобуса Сафоново–Васино. Народ только начал привыкать к нормальной транспортной связи населенных пунктов восточной части Дорогобужского района с ближайшими жилыми центрами. Дорожные расходы в стране с изменением политического строя увеличились раз в сто, а цены на продукты взлетели в 500–1000 раз, поэтому выращивать овощи стало выгодно даже на значительном расстоянии от места проживания. Вот бывшие сельские жители и потянулись к родным местам, что могло позволить вдохнуть жизнь в покинутые места обитания.

При очередном выезде на Смоленщину в ночь на пятницу, 13 августа, я надеялся, что рейс автобуса на Васино не отменят и надежда моя оправдалась. В монастыре было непривычно тихо, службы в храме не было. Первым встретился мне Геннадий Михайлович, который был расстроен и готовился к отъезду. Выяснилось, что иеромонах Даниил велел ему отвезти домой внука, которого он, ни с кем не посоветовавшись, привез в Болдино, где сам трудился на строительстве привратной палатки у Святых ворот. Поведал мне Геннадий Михайлович и о том, что ожидается приезд в Болдино двух сестер,

монашек из Чернигова, которые окормлялись у игумена Антония. Настоятель сначала решил поселить их в казначейском доме, но все жители этого единственного братского корпуса высказались против этой затеи. В результате было принято решение поселить сестер в привратной палатке у Святых ворот, поэтому стали форсировать завершение ее строительства и сделали упрощенную четырехскатную железную кровлю. Геннадий Михайлович считал, что строил эту палатку под келью для сынов, поэтому был возмущен принятым решением. Его сын, инок Аркадий, в расстройстве уехал в Москву за советом к матери.

В доме настоятеля был коллективный загул, игумен Аркадий из Вязьмы, Шалаев из Сафоново и командир дорогобужского танкового полигона основательно набрались хмельного. Только к обеду нетрезвая компания вышла на прогулку из дома. Подошли они к дому казначея, где я ковырялся на грядках. Сопровождавший их о. Антоний представил мне знакомых гостей, которые едва держались на ногах. Игумен Аркадий, правда, попытался поговорить о делах, но быстро спохватился. Чем был вызван этот групповой заезд в монастырь, я не знал, видимо, людям потребовалась разрядка.

После обеда пошел в лес, чтобы немножко развеется от грустных впечатлений от увиденного и услышанного в монастыре. Заглянул в большой лес в Ульяновой даче, грибов было маловато, в основном свинушки и чернушки, порадовали только два прекрасных подосиновика и крепкий могучий подберезовик. Вечером приезжал Валерий Вячеславович Корниенко, произведенный недавно в подполковники, благодаря его заботам при монастыре постоянно находились пять солдат, так как в части даже не знали, чем их занять.

В субботу, 14 августа, праздновался Медовый Спас, с водосвятием. Во второй половине дня собирал я урожай на грядках. Уродилось много кабачков и патиссонов, как обычно, порадовал урожай свеклы и морковки, плоховато было с огурцами. Занятия на грядках перемежал я с работой над набросками вариантов нового келейного корпуса, план размещения которого был ранее размечен в С-В части монастыря.

Половину воскресного дня провел я в лесу, а вечером отваривал грибы и готовился к отъезду. В этот раз я впервые приехал в Болдино с сумкой на колесиках и рюкзаком, зная, что нужно вывезти домой запасенные грибы и созревающий урожай овощей. Сумка на тележке была очень емкая, так что в нее поместилось килограммов двадцать даров природы. Грибы упаковал в рюкзак, оставив местечко для свежей зелени.

В понедельник, 16 августа, встал пораньше, нарезал свежей зелени на грядках и упаковал свое снаряжение, утречком завершил также чертеж келейного корпуса, который оставил в монастыре, сделав, естественно, копию для себя. Из Болдина выехал на монастырской машине около одиннадцати часов, за рулем был о. Иринарх, а на заднем сиденье две мои попутчицы до Москвы. Две женщины были из прихода в Подмосковном селе Бисерово, где мне довелось несколько лет назад побывать по просьбе одной доброжелательницы, хлопотавшей об обустройстве заброшенной старой церковной постройки. В Болдине женщинам очень понравилось, одна даже стала планировать купить здесь домик, чтобы жить в летнее время. О. Иринарх взял нам билеты на поезд в 14:00, вагон был почти пустой, и мы прекрасно добрались до столицы.

Созревал в Болдине урожай на возделанных мной грядках, поэтому решил я наведываться в Болдино каждую неделю, поездка в Болдино обходилась в 1000–1500 рублей, что равнялось стоимости около 4 кг репчатого лука. В ночь на пятницу, 20 августа, опять

выехал на Сафоново. Автобус на Васино был подан по расписанию, поэтому до места назначения добрался я без мытарств и приключений. Насельники монастыря были в ожидании приезда матушек из Чернигова. За вещами матушек поехал о. Даниил, сопровождая грузовую машину. Матушки должны были прибыть поездом.

День моего приезда в Болдино с утра был солнечный, но к полудню стал накрапывать дождь. Лето выдалось холодным и дождливым. Хорошо, что в монастыре успели высушить скошенный клевер и наполнить им сарай. На половине поля клевер остался нескошенным. В промежутках между дождями покопался я на грядках, в лес не пошел, было очень сыро. Весь день в Болдине работала техника, трактор «Беларусь» с ковшем и ножом, а также самосвал. Технику прислали из военного лесхоза для подсыпки и укрепления дороги с западной стороны монастыря. Для подсыпки дороги вывозили строительный мусор от раскопок руин Троицкого собора, чем немного облагородили монастырскую территорию. Подвезли работники мелкий щебень и к месту закладки нового келейного корпуса в С-В части территории монастыря. Игумен Антоний попросил рабочих скрыть небольшой бугорок у вновь возведенного дома настоятеля. Оказалось, что весь бугорок был из плохо сохранившегося большемерного кирпича без следов раствора. Видимо, в Ю-В части территории монастыря был склад кирпича в период строительства древних сооружений. Вечером приехал из Чернигова о. Даниил, который доставил контейнер с вещами. Первым делом были выгружены два гроба, которые отправили на склад, решив, что в келье они матушкам не понадобятся. Оставшиеся вещи почти все вместились в привратную палатку.

В субботу и воскресенье с небольшими перерывами шел осенний дождичек. Пришлось мне заниматься наведением порядка в келье, да и сделать по памяти записи в дневнике о предыдущем выезде. В Москве к тетрадям с болдинскими записями я обычно не прикасался. В этот раз перед выездом в Болдино пришлось мне побегать по книжным магазинам, так как о. Даниил попросил привезти вышедшие книги философа и публициста Ивана Александровича Ильина, но найти удалось только «Аксиомы религиозного опыта». Несколько раз ко мне в келью наведывался Андрей Кох, пытался поговорить о монастыре, но история, архитектура и реставрация его не очень интересовали. Он все пытался побольше узнать о жизни братии, и я его отправлял к насельникам монастыря, поэтому интересных бесед не получалось. В субботу приехали матушки, две благообразные сестры, которые начали обустраиваться в привратном сооружении.

Утром в понедельник на завтраке не было Андрея (Коха) и о. Даниила. Затем Андрей появился в изрядном подпитии и стал говорить всякие непристойности в адрес братии монастыря. Оказалось, что он внезапно решил покинуть Болдино, с настоятелем он разговаривать не стал. Постепенно выяснилось, что Андрей часов до двух был с о. Даниилом, которому сочувствовал и помогал советами, как отбиваться от нападков на него настоятеля, обвинявшего о. Даниила в заживлении монастырских денег.

Я выехал из Болдина в понедельник, 23 августа, часов в двенадцать на монастырской машине с игуменом Антонием, который решил съездить в Смоленск договориться об устройстве в Епархиальное училище иеродиакона Иринарха, инок Аркадий поступать в училище отказался. В Сафоново взять билеты на 2-часовой поезд мне не удалось, поэтому пришлось часа два ожидать дополнительного поезда. Во время моего ожидания на вокзале из Болдина подъехал на своем «Запорожце» С.Р. Турченков встречать гостей из Москвы. С Семеном Родионовичем приехал Андрей (Кох), с которым мне довелось

еще раз пообщаться. Я сказал ему, что в Болдино подсылали уже несколько раз людей из различных странных организаций и, видимо, будет еще много лазутчиков, так как мне хотелось высказать свое к нему отношение. С московским поездом объявился на вокзале Геннадий Михайлович, который, увидев нас, подошел и начал о чем-то шушукаться с Андреем. До отхода моего поезда на Москву мне удалось намекнуть Геннадию Михайловичу, что Андрей – проходимец и с ним лучше дел не иметь. Дома в столице я был около десяти вечера.

До конца августа решил еще раз навеститься в Болдино, благо, День Успения Пресвятой Богородицы выпадал на выходной день. Привычным путем добрался до конечного пункта. Автобус был почти пустой, в Болдине сошел я один. Так утром в пятницу, 27 августа, я был уже в «белом» доме. Геннадия Михайловича не было, как выяснилось, он уехал накануне с вещами и распрощался со всеми до мая, комнату он оставил в полном порядке.

Все насельники монастыря трудились на рытье траншей под ленточный фундамент нового келейного корпуса. Я пытался найти иеромонаха Даниила, так как привез ему еще две книги Ильина, но в монастыре его не было. Просветил меня игумен Антоний, рассказав, что в четверг он с о. Даниилом был в Смоленске на приеме у митрополита Кирилла и настаивал на удалении Даниила из Болдина монастыря. Митрополит, видимо, поддержал настоятеля, но о. Антоний не знал, куда владыка направит Даниила. К вечеру все прояснилось, появился о. Даниил и сказал, что игумен Аркадий принимает его в братию Иоанно-Предтеченского монастыря в Вязьме и во вторник он уезжает из Болдина. Да, со слезами на глазах расставался с намоленным древним местом второй из двух первых новобранцев Болдина монастыря.

Погода в день моего приезда была солнечная, теплая, но печку я протопил, так как в комнате было сыровато. До обеда трудился на огороде, выкопал всю картошку, которую сажал 2-3 мая. После обеда решил пройти в ближний лес в сторону Бузанова, проведать – не появились ли опять. Оказалось, что проклюнулось полно чернушек, нашел даже два белых и несколько подберезовиков. В лесу была благодать, чувствовалось, что до меня здесь никто не побывал.

Вечернюю праздничную службу был я в храме, служил игумен Антоний. Иеромонах Даниил в храме был, но только в притворе. После ужина занимался я в келье грибами до начала новых суток.

В субботу с утра был в храме, Праздник Успения Пресвятой Богородицы, служил игумен Антоний. Иеромонах Даниил всю службу был в притворе. После службы праздничной трапезой отметили завершение поста. Немного передохнув, насельники монастыря пошли в лес по грибы. Я опять отправился в ближний лес и быстро нарезал два целлофановых пакета молоденьких чернушек. На всю процедуру – дойти до леса, нарезать грибов и вернуться в дом – ушло у меня около двух часов, так что до полдника успел еще покопать картошку на огороде. Весь пол в моей комнате был занят под картошку, которую надо было подсушить. После полдника, который был в четыре часа, опять навестил я лес, благо, стоял отличный солнечный вечер. Удалось полюбоваться природой и нарезать еще два пакетика чернушек.

Воскресный день после службы занимался разбором даров природы. В лес не пошел, так как накрапывал дождь. Выкопанную картошку отнес в погреб к Варваре Деевне, отведенный мне ящик заполнил до верха. Отъезд из Болдина наметил на понедель-

ник, поэтому почти весь день занимался хозяйством, отваривал грибочки и закручивал их в баночки, часть из которых спустил в погреб, который был сделан в комнате еще в период обитания в комнате насельников монастыря. Часть отварных грибов загрузил в тележку для пополнения московских запасов, тележку наполнил также свеженькой картошкой, свеклой и морковкой. Провозился с дарами природы долго, поэтому утром в понедельник проснулся только в восьмом часу. Не успел нарезать свежего укропа и петрушки, так как появился иеромонах Даниил и сказал, что монастырская машина для меня подана. Попрощаться я успел только с настоятелем монастыря, пожелав мира и благополучия братии обители, в Сафоново был около одиннадцати часов, но уехать смог только на поезде в два часа, так что дома в столице был около восьми вечера.

В Москве я узнал, что с середины сентября проезд по железной дороге должен был подорожать в 2,5 раза, так что решил успеть съездить в Болдино по дешевой цене, выехал из Москвы в ночь на пятницу, 10 сентября. В поезде, вышедшем из Москвы в 0:33, устроился хорошо на верхней полке, в третьем часу ночи проснулся и понял, что поезд стоит. Простоял поезд до утра в районе станции Бородино, ходили слухи, что около города Гагарина произошла авария, сошли с рельсов несколько грузовых вагонов. Тронулся поезд лишь около одиннадцати часов, а до этого пассажиры прогуливались около состава. Один пассажир прогуливал немецкую овчарку, чувствовалось, что собака умная и выученная, вот хозяин и расслабился, дав собачке порезвиться. В это время на соседнем пути появился встречный состав, собака напугалась, а ее поводок зацепился за движущийся состав, который проволоком собаку несколько метров. К счастью, собака осталась жива, и хозяин на руках понес ее в свой вагон, у всех очевидцев остался печальный осадок.

До Сафоново доехал наш состав только к трем часам дня. Хорошо, что успел я на вечерний автобус на Васино и в Болдино поспел к вечерней службе, для работ на грядках день был потерян. В субботу с утра обошел я территорию монастыря, приятно было видеть плоды деятельности в оживающей обители. Солдаты завершали сооружение навеса для сушки зерна и сена, иноки и послушники бутили фундамент для нового келейного корпуса. Порадовал меня и единственный сотрудник реставрационного участка Игорь Ряшенцев, который завершил покрытие оцинкованным железом С-В башни ограды монастыря и занимался докомпоновкой древних кирпичей и укреплением цоколя башни с восточной стороны. Настоятеля в монастыре не было, не видел я и иеродиакона Иринарха, насельники сказали мне, что он приболел.

В субботу и воскресенье я занимался в основном на грядках, выкапывал оставшуюся картошку, сушил ее и пристраивал на хранение в погребе у Варвары Деевны. Удалось, правда, выбраться мне и в ближний лес, опять не было, но удалось набрать чернушек. В день моего отъезда, утром в понедельник, не стал я рассчитывать на монастырскую машину, так как знал о том, что инок Иринарх приболел, и пошел к остановке рейсового автобуса. По пути повстречалась мне монастырская «Волга», за рулем был о. Иринарх, который поведал мне, что ему пришлось побороть недуг и съездить в совхоз, что за городом Дорогобужем, с просьбой о помощи по уборке урожая на монастырских полях. Рейсовый автобус пришел по расписанию, и в Сафонове взял я билет до Москвы на поезд в 11:30, но надежда приехать пораньше домой не оправдалась. Состав три часа простоял под городом Гагарином, оказалось, что за три дня не были устранены последствия аварии в день моего выезда на Смоленщину, вот так неспешно устранялись

аварии на важных железнодорожных путях осенью 1993 года. В результате домой я попал только часам к десяти вечера.

Строительные работы в Болдине монастыре велись не очень активно, а мои частые выезды в эти края определялись в основном необходимостью сбора урожая на обустроенном огороде, вот такими узами повязал я себя с этим местом. Это все становилось, конечно, для меня очень утомительным, да и билеты на поезд все дорожали, место в общем вагоне стоило уже около тысячи рублей. Рейсовый автобус от Сафонова до Васина был отменен, так что добираться до места назначения мне приходилось на перекладных, частенько, правда, выручал автобус дорожных рабочих, трудившихся в Васино.

5

Очередной раз выехал я на Смоленщину в ночь на пятницу, 24 сентября, до Болдина успешно добрался часам к девяти. На территории монастыря насельников не было видно, но чувствовалось, что жизнь в монастыре идет. Все силы трудников и насельников в минувшее время, видимо, были направлены на сельхозработы. Иеромонах Лазарь хлопотал по обустройству своей новой кельи в Ю-В башне, ему не терпелось переехать в башню, у которой не было ни дверей, ни рам на окнах. Я пообещал ему срочно сделать чертежи на рамы и двери. Игорь Ряшенцев продолжал трудиться на С-В башне, с территории монастыря стены башни он обмазал полностью, немного напорточил с карнизом на северной стене башни, но пообещал исправить.

В Бодино опять приехал поработать художник Стас, разместился он в этот раз на втором ярусе колокольни, откуда выходил лишь изредка. Поновил он уже несколько икон, и мне показали икону Божьей Матери Одигитрии, которая была практически переписана заново. Все насельники монастыря решили, что икону он испортил и не стоит ему давать в работу старые иконы, пусть пытается писать новые. Со Стасом в колокольне расположился еще один художник, который якобы хотел взяться за написание икон для храма в Сафоново.

Погода в день моего приезда была отличная, так что я смог выкопать на грядках всю морковку и свеклу. Весь урожай пристроил на хранение в погреб Варвары Деевны. В пятницу удалось мне даже выбраться в ближний лес, но нарезал лишь немного подмерзших опят.

Всю субботу занимался я чертежами для столярки на окна и двери башен ограды монастыря. Денег для заказа столярки в монастыре не было, поэтому двери для башни о. Лазаря насельники взялись сделать своими силами, а на оконные проемы хозяин кельи решил пока вмазать стекла.

В воскресенье, 26 сентября, был я в храме на литургии, служил игумен Антоний, на клиросе управлялись черниговские матушки. После трапезы решил я сходить в дальний лес. В лес шел дорогой вдоль монастырских полей, овес и ячмень были убраны, нескошенным оставалась только половина поля с клевером, который уже полег. Игумен Антоний разрешил пасти на поле местное болдинское стадо, поголовье которого, к сожалению, с каждым годом уменьшалось, и позволил местным жителям брать ячменную солому. Болдинцы, подумал я, должны быть благодарны настоятелю монастыря, так как с заготовкой кормов в этом году было плохо из-за погодных условий. Большой лес гриба-

ми меня не порадовал, набрал я немного опят и чернушек, в монастырь вернулся до начала вечерней Праздничной службы. Видимо, поэтому не встретил в лесу я змей, так как по приметам, на день Воздвиженья Креста Господня змеи сползаются к своим норам.

Из Болдина выехал я в понедельник после Праздничной службы на монастырской «Волге» с о. Иринархом и успел на поезд в 14:00. Пассажиров в поезде было немного, видимо, действовал шок от повышения цен на билеты.

До следующего моего выезда на Смоленщину в Москве в высших эшелонах власти страны проходила ожесточенная борьба, которая привела даже к локальным вооруженным столкновениям и обстрелу танками здания парламента. Слава Богу, что кровавые события не перекинулись в другие регионы страны.

Из Москвы я решил выехать в ночь на пятницу, 8 октября. В столице было введено чрезвычайное положение, и с 23 часов действовал комендантский час, поэтому из дома я решил выйти пораньше и скоротать время до отхода поезда на Белорусском вокзале. Около 24-х часов ко мне подошел милиционер, документы у меня были упрятаны, поэтому отделался показом лишь билета на поезд в 0:33. Больше приключений по дороге до Болдина не было, и около девяти утра был я у монастыря. Погода была отличная, позднее бабье лето.

Насельники монастыря своими силами заводили нулевой цикл нового келейного корпуса. Сделали насельники и входную дверь для башни иеромонаха Лазаря. Настоятель из-за отсутствия средств столярку для Ю-В башни не заказывал. Перед отъездом из Москвы звонил я в Министерство культуры и узнал, что деньги (50 млн руб.) на реставрацию в Смоленск наконец-то перевели, и была надежда, что на Болдино будет выделено 5 млн руб. Из Болдина по телефону я связался со Смоленской реставрационной мастерской, начальства не застал, но секретарю передал, что в монастыре ждут перечисления денег за выполненные реставрационные работы. Узнал я также, что в понедельник Игорь Ряшенцев собирался съездить в Смоленск выяснить свою судьбу, так как он остался единственным сотрудником Дорогобужского реставрационного участка. Я написал послание Г.М. Аптекину со своими просьбами и предложениями, которое решил отправить в Смоленск с Игорем.

Пользуясь хорошей погодой, занялся наведением порядка на возделанной земле у бывшего казначейского дома, выкопал остатки урожая морковки и свеклы, посеял на одной грядке с южной стороны семена моркови, а с северной стороны посеял семена щавеля и воткнул несколько небольших корешков хрена. У мемориальной доски П.Д. Барановского на северной стороне дома посадил луковицы тюльпанов, в общем, все светлое время дня провел на территории монастыря. Темнело рано, поэтому было время заняться наведением порядка с находками изразцов, которые хранились в подклете церкви Введения. Небольшими партиями переносил находки в комнату в «белом» доме и сортировал фрагменты по рисункам, сделал и несколько новых прорисей.

В воскресенье был на службе. Обстановка в монастыре радовала, каждый день все насельники получали благословение у настоятеля, ходили на службу, да и работа спорилась. В понедельник, 11 октября, выехал я из Болдина на монастырской машине с о. Иринархом. По дороге, около ЗАУ, повстречали мы Н.А. Дементьева, который в этот период, видимо, работал на заводе. Конечно, обратились мы к нему с очередной просьбой выделить технику, чтобы выполнить планировку территории у дома настоятеля. Николай Алексеевич пообещал подъехать в Болдино при моем очередном приезде, на

этом и распрощались. В Сафоново о. Иринарх решил показать мне в храме иконостас с новыми иконами праздничного ряда. Все написанные иконы явно выбивались по цветовому решению из всего стиля иконостаса, как я понял по реакции о. Иринарха, мое мнение было не единичным.

На железнодорожном вокзале без труда взял я билет на Москву и к девяти часам вечера с помощью тележки на колесиках довез до дома около 30 кг даров природы.

В октябре сельхозработы в Болдине я не планировал, а реставрационные работы практически не велись, поэтому не думал, что скоро опять придется ехать на Смоленщину. Да и нужно было заботиться о заработке в Москве, так как с заказами работ по энергетической тематике было глухо. Пришлось мне даже вызволять 100 долларов, хранившихся более пяти лет на счете в банке за работы на Кубе. Три дня провел я в очереди у Внешэкономбанка, чтобы получить в рублях чуть больше ста тысяч рублей, доллар в конце 1993 года стоил около 1200 рублей, вот такие финансовые выкрутасы.

Не прошло и недели с моего приезда в Москву, а из Смоленска позвонил Г.М. Аптекин и попросил приехать для оформления процентовки на реставрационные работы в Болдине монастыре, чтобы перевести деньги на счет монастыря, пообещав и мне оплатить авторский надзор. Затягивать с выездом не стоило, поэтому, подтянув работы в ЭНИНе, я решил выехать в Болдино на субботу и воскресенье, чтобы в понедельник быть в Смоленске с документами, заверенными монастырской печатью.

В ночь на субботу, 23 октября, удалось выехать с трудом, билеты взял в плацкартный вагон только перед отходом поезда. В девятом часу утра был в Болдине и сразу пошел в храм на службу. После службы удалось пообщаться с игуменом Антонием. Я поведал ему о моих планах побывать в Смоленске в начале следующей недели, а он рассказал о визите в Болдино целой комиссии во главе с Г.М. Аптекиным. В монастыре их приняли хорошо, и они остались довольны всем увиденным и услышанным. Утреннее мое общение с настоятелем оказалось очень кстати, так как вскоре он отбыл в Смоленск. На воскресенье было намечено рукоположение иеродьякона Иринарха в сан иеромонаха.

После отъезда настоятеля все насельники в монастыре занимались своими привычными трудами. Иеромонах Лазарь поведал мне, что уже третий день живет в Ю-В башне и ему новое место обитания очень нравится, его прежнюю келью у Экономических ворот насельники начали ремонтировать. Узнал я и о больших переменах в судьбах насельников монастыря. Игумен Антоний постриг трех послушников в рясофор, Василий стал Савватием, послушник Александр из Полоцка получил имя Зосима, а Андрей теперь величался Амвросием. В послушниках остались Евгений, Алексей и Сергей.

Пользуясь хорошей погодой в субботу, я покопался на грядках и срезал оставшиеся шесть кочанов капусты. Ночью неожиданно нагрянула зима, всю ночь и весь воскресный день шел снег, температура опустилась до -2° С, так что мои работы на земле завершились, и воскресный день я смог посвятить сортировке изразцов, наводя порядок в подклете церкви Введения.

Из Смоленска группа насельников монастыря вернулась только поздно вечером, так что мне представилось, что в понедельник в Смоленск нам выехать не удастся. В понедельник с братией я встретился только за завтраком, естественно, что в первую очередь поздравил с рукоположением в сан иеромонаха Иринарха. Служба, по рассказам очевидцев, прошла очень торжественно. Настоятель сожалел, что не удалось с митрополитом Кириллом поговорить о монастырских делах. В епархии украли машину, и

владыка устроил служащим разнос за разгильдяйство. Игумен Антоний поддержал мое предложение поехать в Смоленск во вторник, что позволит и иеромонаху Иринарху немного отдохнуть от тяжелой езды по гололеду. Я позвонил в Смоленск и предупредил Г.М. Аптекина о переносе нашего приезда и занялся изразцами. Перетаскал много изразцов из подклета церкви Введения в «белый» дом, помыл и частично отсортировал. Очень много было мелких осколков, которые трудно будет отнести к какой-либо печи.

Во вторник, 26 октября, выехал я из Болдина на монастырской машине утром часов в восемь, было уже светло. В поселке Верхнеднепровском о. Иринарх сменил резину на задних колесах, так как дорога была скользкой, и заправил машину. Кроме игумена Антония и меня, в машине ехали Сергей и инок Филарет, которые везли свои документы для поступления в епархиальное училище.

В реставрационной мастерской у Аптекина мы были около десяти часов. Григорий Матвеевич нас ждал, и в плановом отделе мастерской были быстро оформлены процентовки на объемы работ, привезенные нами из Болдина. По стенам ограды монастыря работ было выполнено на 4 млн руб., а по башням ограды монастыря более чем на 9 млн руб. Так что из Смоленска уже могли перевести в Болдино деньги за работы по стенам ограды, а за работы по башням нужно будет ждать следующего перевода средств из Москвы. Подготовили в проектно-отделе и документы для оплаты мне за авторский надзор, так что появилась у меня надежда хоть частично компенсировать затраты на выезды в Болдино.

На дневной поезд из Смоленска до Москвы я не успел, поэтому пришлось выехать ночным поездом, и в столице был рано утром, минут за 30 до открытия метро.

В Москве в начале ноября были хлопоты по обеспечению жизнеспособности в ЭНИНе, для чего приходилось прибегать к сдаче в аренду избыточных помещений, а также заниматься реализацией ненужных радиодеталей с попыткой создания специального финансового фонда и поиска перспективных направлений работ в энергетике.

Однако, главным радостным событием в столице в ноябре было освящение восстановленного Казанского собора на Красной площади. Совсем недавно трудно даже было поверить в то, что такое возможно, а это произошло всего менее десяти лет спустя со дня ухода П.Д. Барановского и сделано это было его соратниками, возглавил которых архитектор Олег Игоревич Журин. Дочь Барановского, Ольга Петровна, попросила меня быть с ней рядом на службе, так как она плохо ориентировалась в храмовых действиях. На утреннюю службу, 4 ноября, пришлось нам пробираться через ряды милиции и ОМОНа. Служба была очень торжественной. Патриарху Алексию II сослужили митрополиты, епископы и протоиереи, человек двенадцать. Участвовал в службе и Смоленский митрополит Кирилл. Во время выхода процессии на паперть храма я оказался рядом с владыкой Кириллом, поздоровались рукопожатием. «Надо, чтобы и в Болдине был также восстановлен собор», – сказал владыка. «Все в наших силах, тем более в холме руин сохранилось процентов двадцать материала подлинного сооружения», – ответил я. Порадовали меня решительные слова митрополита Кирилла, и поверилось, что можно активизировать работы в Болдине монастыре. Второй раз пересечься со Смоленским владыкой в Казанском соборе довелось мне уже на крыльце при выходе со службы. Я поведал ему о планах насельников Болдина монастыря обзавестись хорошим колоколом, чтобы звон с монастырской колокольни был слышен хотя бы в ближайшей округе, с надеждой получить совет по выбору колоколотейной фирмы. «Ориентироваться нужно только на лучшие колокола», – был его мудрый ответ.

Конечно, события освящения Казанского собора в Москве лишь косвенно относились к моим хлопотам о Болдине монастыре. Дата моего нового выезда на Смоленщину определилась звонком из ССНРПМ. В ночь на пятницу, 19 ноября, я выехал на поезде в город Смоленск. В реставрационной мастерской встретился с руководством, в кассе получил выписанные мне за авторский надзор почти сто тысяч рублей. Конечно, сумма была не адекватна выполненной работе, но в сложившейся финансовой ситуации для меня и это было хорошей поддержкой. В проектом отделе делового разговора не получилось, группа для работы над охранной зоной для Болдина монастыря была сформирована, а средств для выполнения задачи не было, на этом я и распрощался с коллегами.

По пути к железнодорожному вокзалу зашел я на соборный двор в надежде отыскать фотоснимки с вертолета, сделанные во время визита в Болдино патриарха. В Москве фотограф, сопровождавший патриарха, запросил за один отпечаток 4 тыс. руб. Секретарь смоленской епархии о. Виктор сказал мне, что ничем помочь мне не может, смоленские фотографии снимки с воздуха не делали.

Около двенадцати часов дня выехал я на поезде из Смоленска в Сафоново, хотелось успеть на вечерний автобус на Васино. Оказалось, что рейс автобуса отменили, пошел я в церковь подворья Болдина монастыря, надеясь увидеть там монастырскую машину, однако, и там не повезло. Не хотелось задерживаться в Сафоново, но очень радушно встретил меня в храме о. Павел Петровский, накормили обедом. Приятно было побеседовать с о. Павлом, но пришлось торопиться, так как впереди была не близкая дорога до Болдина. До поселка доехал я на автобусе, а дальше пришлось идти пешком, благо, был я налегке, с маленькой сумочкой на плече. До Полибина (самый гнусный участок дороги) дошел я засветло, было около пяти часов. Идти было приятно, дорогу слегка припорошило, морозец был 12-13 градусов. Я был в новом китайском пуховике, который хорошо согревал тело и совсем не отягощал плечи. Пуховик меня очень выручил в ночном поезде по пути в Смоленск, так как вагон не отапливался, а я, накрывшись пуховиком, хорошо выспался в пути. От Полибина приятно было идти по хорошей дороге, но очень быстро стало темнеть. При подходе к повороту на Милоселье меня обогнала машина, легкий грузовичок с тремя сидящими в кабине. Я голосовать на стал, а машина остановилась метрах в трехстах впереди. Я немного трухнул, пугали в последнее время всякими слухами. Остановился, сворачивать некуда, немного помедлив, пошел не спеша вперед. Вдруг дорогу осветили фары следующей машины, я проголосовал, удалось подсесть в «Жигули» и с комфортом доехать до поворота на Болдино. Вот так благополучно завершился мой путь до места назначения.

В Сафоново мне сказали, что игумен Антоний и иеромонах Иринарх в субботу с утра будут в городе на похоронах прихожанки храма, поэтому я решил насельников монастыря не тревожить, а направился сразу в «белый» дом. В доме не было слышно обычной вечерней музыки, и вскоре выяснилось, что трое солдат уехали, а один оставшийся трудился на кухне. Весь вечер в пятницу топил я печь, комната промерзла, стекла окон были все в морозных рисунках. Надо было ложиться спать, а при дыхании еще шел парок. Очередной раз выручил меня пуховик, в который я весь закутался.

Утром в субботу опять топил я печь и понял, что топить надо два раза в день. Днем в монастыре поинтересовался, не мерзнет ли о. Лазарь в своей башне, он крепился, но все окна загородил досками изнутри. В пятницу вечером порадовался я, увидев свет в окне палаты второго яруса колокольни. Выяснилось, что приехал художник Стас с сыном и занимались они работой по Царским вратам для иконостаса монастырского храма.

После обеда пошел я к Турченковым, подарить им журнал с отчетом о пастырской поездке по Смоленщине патриарха Алексия II в мае, где, естественно, были и фотографии Болдина монастыря. Семен Родионович с Анной Яковлевной кололи дрова. Я почувствовал себя не очень удобно, что оторвал их от дела, но они встретили меня, как обычно, очень радушно и сразу пригласили к столу. Посидели, выпили с Семеном Родионовичем по рюмочке, закусили очень вкусными солеными грибами.

Вечером я был в храме, в воскресенье, 21 ноября, Михайлов день. Служил, приехавший из Сафоново игумен Антоний, после службы за ужином удалось и побеседовать с настоятелем. Рассказал я об освящении Казанского собора в Москве. Кстати, в праздничный день освящения собора коллеги показали мне колокольню Казанского собора и познакомили с главным звонарем патриархии, Игорем Васильевичем Коноваловым. Я, естественно, заинтересовался у него, где в наше время отливают лучшие колокола, и он посоветовал обратиться на московский завод ЗиЛ, где Борис Николаевич Нюнин наладил отливку отличных колоколов. Об этом я сразу написал письмо в Болдин монастырь настоятелю, так что в этот свой выезд надеялся заручиться гарантийным письмом из монастыря на заказ колокола, о чем и сказал игумену Антонию.

В воскресенье был я в храме на праздничной службе, подал записку о поминовении ушедших родных и близких. После службы была заказная панихида по Анатолию Петровичу Кабанову, скончавшемуся год назад, и помянуть его собрались все родственники. Пообщался я с Володей Кабановым, который очень возмущался последними политическими событиями в стране. Советы в Дорогобуже упразднили, и он пока был без работы. После трапезы довелось мне пообщаться с настоятелем монастыря, беседовали часа три о колоколах и других насущных проблемах, в решении которых не виделось хороших перспектив. Время пролетело незаметно, и мы удивились, увидев повара, звавшего нас на обед. Насельников монастыря, видимо, откармливают, пошутили мы в один голос.

Вечер воскресного дня позанимался я разборкой изразцов, благо свободного времени зимой много, было бы тепло в комнате. В понедельник утром, 22 ноября, зашел я в храм попрощаться с насельниками монастыря и направился к остановке автобуса. В этот раз уезжал не очень нагруженным, небольшая походная сумочка и авоська с картошкой. Рейсовый автобус не появился, поэтому пошел я пешком. Был легкий морозец и светило солнышко, так что прогулка была приятной. У поворота к деревне Милоселье нагнал меня служебный автобус дорожных строителей, на котором доехал я до поселка, а дальше на рейсовом автобусе до Сафоново, успел к поезду на Москву в 14:00. Этот выезд на Смоленщину был вполне удачным, и полученное в СНРПМ финансовое подкрепления позволяло мне празднично отметить приближавшийся юбилей супруги.

Почти через месяц собрался я на последний в 1993 году выезд в Болдино. Выехал из Москвы в ночь на субботу, 18 декабря, надеясь, что рейсовый автобус в этот день не отменят. Народу на автобусной остановке в Сафоново собралось очень много, а рейс на Васино отменили. Работники автобусной станции проинформировали отчаявшихся пассажиров, что теперь автобус будет ходить по средам и воскресеньям. В Москве я изрядно загрузился, вез полную тележку книг по монастырскому заказу и в рюкзаке посылку москвичу Аркадию, которую попросил передать его отец Геннадий Михайлович. С такой нагрузкой пришлось мне покорячиться, чтобы в набитом пассажирами автобусе добраться до поселка. В субботу были проблемы и со служебными автобусами ЗАУ, хорошо, что на остановке автобуса повстречал я Игоря Ряшенцева, которому тоже надо было

добраться до Болдина. Вдвоем было повеселее, а ожидать автобуса пришлось почти целый час. Добравшись на автобусе до проходной ЗАУ, пошли пешком по наторенной дороге, но идти пришлось недолго, до Полибина удалось подъехать на грузовой машине, а затем повезло нам подсесть в машину «Нива», которая направлялась в Васино. Так что к монастырю мы подходили часов в одиннадцать. Я занес вещи в «белый» дом и сразу пошел на территорию монастыря к настоятелю. В дороге Игорь мне рассказал, что о. Антоний только на днях вернулся из Украины, ездил хоронить племянницу, на здоровье которой, видимо, пагубное влияние оказала авария в Чернобыле. Игумена я застал в доме настоятеля с двумя гостями с Украины, немного поговорили о делах и решили пойти в трапезную на чай. В монастыре на время поста был введен новый порядок питания, после утренней службы только чай. После чая о. Антоний поехал в Сафоново готовиться к вечерней праздничной службе – День Святого Николая. На монастырской машине повез его иеромонах Иринарх, который вскоре вернулся в Болдино и служил в монастыре вечернюю.

Я пошел топить печь в своем жилище. В этот приезд морозного рисунка на стеклах окон не было, местные обитатели сказали, что уже недели две, с Престольного Праздника Введения, стояла погода с плюсовой температурой. В доме стало теплей, видимо, и от того, что в соседней комнате обитал уже полный состав, пять человек, из которых четверо занимались дровами и, видимо, хорошо протапливали печь в своей комнате. К вечеру комната хорошо прогрелась, теплые стенки печи я использовал и в лечебных целях. В поезде я провел ночь на верхней боковой полке, правым боком к окну, и, видимо, охладил бедро. Боль почувствовал уже в поселке и стал немного прихрамывать, а в Болдине хромал уже основательно. После тепловых процедур у печки полегло, и вечернюю службу я выстоял полностью. Служба о. Иринарха мне понравилась и показалось даже, что елее-помазание выполнил он мне с доброй улыбкой.

В воскресенье был я на утренней службе, а затем Игорь Ряшенцев показал мне выполненную работу на башнях ограды монастыря, где он сделал кровлю на переходах между ярусами кладки. Зашел я и в колокольню, где трудился Стас. Ему настоятель поручил привести в порядок Царские врата иконостаса, привезенные из покинутого храма в Ректах. Мне показалось, что барочная резьба Царских врат не будет гармонировать с тябловым иконостасом в храме Тихона Задонского, но об этом предстояло поговорить с о. Антонием. До вечера позанимался я немного с изразцами и готовился к отъезду, для чего перетаскивал овощи из погреба в доме Варвары Деевны и загружал их в походную тележку.

Игумен Антоний приехал в монастырь только часам к десяти вечера, я передал ему привезенные книги, которые закупил в Москве тысяч на сорок рублей. Согласовал с о. Антонием текст договора на изготовление колокола, весом в две тонны. На грядущий день оставили мы подписание договора и перевод денег на изготовление колокола в Москву.

В понедельник, 20 декабря, выехали я из Болдина на монастырской машине часов в девять. В Дорогобуже в банке оперативно решили все дела и поехали в Сафоново. Игумену Антонию и иеромонаху Иринарху предстояло отпевание мамы А.Н. Шалаева, а я, сочувствуя очередной похоронной работе священнослужителей, направился на железнодорожный вокзал, успел на ранний поезд и дома был около пяти часов. Вот так завершился мой выезд в Болдино в конце декабря 1993 года.

(продолжение следует)